

АННА ЖИЛЛО

ТЕРПІКІЙ
ЗАПАХ
ТИСА

Annotation

У Валерии есть все: любящий муж, прекрасные дети, успешная карьера. Ее жизнь налажена, и она не хотела бы что-то в ней менять. Но однажды ей предоставляется возможность вернуться в прошлое и снова пережить всего одно мгновение своей юности. После этого в ее настоящем появляется старая школьная любовь, и все начинает рушиться...

18+

- [Терпкий запах тиса](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)

- [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [Эпилог](#)
-

Терпкий запах тиса
Анна Жилло

— Как хотите, девчонки, но без везения в жизни — никак.

Марина говорила, поглаживая тонкую ножку бокала, и я следила за ее пальцами, словно замороженная.

— Вот смотрите. Нам каждый божий день в издательство авторы самотеком присылают рукописи. Десятки рукописей. Читают их литсотрудники — девочки и мальчики с грошовой зарплатой. Вы представляете, каково это — целыми днями читать графоманские опусы? А я знаю. Сама когда-то читала. Это адище! Такой литсотрудник ненавидит авторов по факту. Просто за то, что они пишут. А ему надо найти в куче навоза пусть не жемчужину, но хотя бы просто камешек. Вот представь, Лерка, ты написала книгу и отправила в издательство. А там девочка, у которой зуб болит, кредит на айфон подгорает и бойфренд к другой свалил.

— Я не пишу книги, — улыбнулась я. — К счастью.

— Неважно. Представь, что пишешь. И очень хочешь опубликовать свою нетленку. Чтобы ознакомить с ней все человечество. Ну, и заодно денюжат подзаработать на новые туфельки, само собой. Ты ночами не спала, только о своих героях и думала, жила в своем мире. В общем, вложила туда кусок своей жизни. А для девочки, к которой твоя книга попала на читку, это просто очередные двести страниц мутной графомани. Она вчера такое читала и завтра будет читать. Поэтому просто берет твой файл и скидывает в папку прочитанного и совершенно негодящего. А тебе отправляет письмо, что твоя рукопись вне формата издательства. И желает творческих успехов. И это еще в лучшем случае. Может и вообще не ответить.

— Короче, Мариш, — Нина нетерпеливо дзинькнула ножом по своему бокалу. — Давно налито.

— Если короче, девочки, — Марина резким жестом убрала с глаз косую рыжую челку, — давайте снова за Лерку. Я не знаю такого везучего человека, как она. Умница, красавица, муж — золото, дети — чудо, карьера в гору. За что ни возьмется — все получается. Вот признайтесь, мы все ей немного завидуем, нет? По-хорошему, конечно. Так что... за Лерку — и за везение. Чтобы ей и дальше так везло. Ну, и

нам тоже, за компанию. С днем рождения, дорогая!

Мы чокнулись, выпили. Тут же подлетел официант, достал салфеткой бутылку из ведерка со льдом, подлил всем вина в бокалы. Молоденький, хорошенький, как картинка. Девчонки тут же принялись с ним кокетничать, хотя он был лет на пятнадцать младше нас. Просто так, чтобы скилл не утратить. Хотя ему мы, наверно, казались старыми жабами.

Тридцать пять мне исполнилось вчера, но, как обычно, празднества растянулись не на один день. Сам день рождения мы всегда отмечали с Вадимом дома. Потом я устраивала для подруг девичник в любимом «Абрикосове» на Невском, а в выходные было уже семейное торжество на даче — с сыновьями и моими родителями.

В этот ресторан мы с девчонками приходили уже пять лет подряд. Это превратилось в наш особый ритуал. Я заранее заказывала один и тот же столик на верхнем ярусе и приезжала первая. Вслед за мной — Маринка, моя лучшая подруга, еще со школы. Мы дружили с ней четверть века, и лучше нее меня знал только Вадим, да и то не по всем пунктам. После Маринки вдвоем появлялись Сиамские близнецы — Нина и Алла. С ними я училась в университете. Многие даже не подозревали, что сестры не двойняшки, а погодки, настолько они были похожи и неразлучны. Алла во втором классе даже специально нахватала двоек и осталась на второй год — чтобы быть вместе с Ниной. Последней, запыхавшись, прибежала Кира, которая опаздывала всегда и везде. По совместительству она была нашим общим стоматологом, и за это мы прощали ей многое.

Все мои подруги были замужем, кроме дважды разведенной Марины, но мужья на нашу вечеринку категорически не допускались. Я прекрасно их знала, и мы встречались все вместе, но мой день рождения — это всегда было «girls only». Единственное исключение — Вадим, который приезжал к концу и сидел с нами минут пятнадцать. Потом он вызывал такси, и мы уезжали, а девчонки оставались пить кофе с мороженым и — я не сомневалась в этом! — беззлобно перемывать нам кости.

В этот раз все было как обычно. Цветы в вазах, яркие пакеты, сложенные в уголке, красивые наряды — мы никогда не упускали случая похвастаться обновками. И Кира, как всегда, опоздала. И Близнецы, не сговариваясь, пришли в почти одинаковых зеленых

платьях. И традиционное ассорти-гриль, жирное, острое — как же без него? Но почему-то к середине вечера у меня возникло странное тревожное чувство. Такое бывает, когда лето переваливает за середину. Вроде бы впереди еще больше месяца тепла и солнца (если, конечно, не брать в расчет причуды нашей питерской погоды), но появляется вдруг ощущение «конца времен»: скоро-скоро все закончится. Однако сейчас дело явно было в чем-то другом: лето еще только начиналось.

— Может, все дело в Маринке, подумала я.

В последнее время у нее не ладилось на работе, сын-школьник совсем отбилась от рук, отвратительно закончил учебный год. Да и с мужчиной, на которого возлагались большие надежды, было, как пишут в статусах соцсетей, все сложно. Похоже, она снова поставила не на ту лошадь. Как бы там ни было, сегодня Маринка пила — и говорила — больше обычного. И тост насчет везения — это тоже было неспроста.

Не успела я об этом подумать, она хитро посмотрела на меня и сказала, старательно распиливая пополам кусок мяса:

— А вы знаете, девочки, что у Лерки в жизни все-таки был один случай, когда ей капитально не повезло? У нее была несчастная первая любовь.

— Марин! — я хотела ее прервать, но это было все равно что остановить танк.

— Лер, ну а что тут такого? Я расскажу, ладно?

— Расскажи, расскажи, — поддержали ее Кира и Алла. — Лер, пусть расскажет.

— И на солнце бывают пятна, — хихикнула Нина. — Не стесняйся. А то мы иногда рядом с тобой себя чувствуем законченными лузершами.

Я только рукой махнула. То, о чем собиралась рассказать Маринка, произошло так давно. Проще было сделать вид, что это всего лишь забавный эпизод из прошлого, чем объяснять, почему я не хотела бы о нем вспоминать.

— Было это в девятом классе, — эпично начала она. — Учился с нами некий Женя Котов. Котик. Симпатичный парень, но странный. С очень большими тараканами в голове. Не знаю, что с ним сейчас, но не удивлюсь, если стал каким-нибудь партийным функционером. Или госчиновником. И вот Лерку угораздило в него влюбиться.

— Оу! Начало интересное, — Алла подтолкнула меня локтем.

— Да ничего интересного, — вздохнула я с досадой. — Детский сад — штаны на лямках.

— Ну да, конечно! — фыркнула Маринка. — Я-то помню, как ты страдала и рыдала.

— То есть он тебя не любил? — уточнила Нина, накручивая на палец прядь волос. — Любил другую?

— Хуже, — вздохнула Маринка. — Лерка его любила, а он... он с ней дружил.

— Писец! И правда хуже.

— Девки, хватит! — попросила я с досадой.

Вспоминать эту историю я не любила и сейчас с трудом пыталась справиться с раздражением. Еще не хватало только поругаться с Маринкой в честь праздника.

— Да ладно, Лер, — Алла погладила меня по руке. — Ничего тут такого. У всех была неудачная первая любовь. И слава богу, что неудачная. Это музейная редкость, чтобы с первого выстрела — и в десятку. Ты еще легко отделалась, у меня в одиннадцатом был музыкант-нарик. Сама с ним чуть не подседа. Хорошо, что родители на цепь посадили. Но как я тогда их ненавидела — Нинка подтвердит. Зато потом в ножки кланялась. А у тебя чем все кончилось?

— Ничем. Хотела признаться ему в любви, но... не получилось. Не призналась. А потом мы поссорились. Помирились только на выпускном. А осенью он с родителями уехал в другой город.

— Написал пару писем. Дружеских, — влезла Маринка, которая, похоже, уже была здорово навеселе. — И все.

— После школы он вернулся в Питер, — я решила закончить сама, пока она еще чего-нибудь не наплела. — Поступил в институт. У меня к тому времени все перегорело давно. К тому же с Вадимом познакомилась. С Женькой изредка виделись, он на моей свадьбе был. И я на его. А после этого больше ни разу. Ничего о нем не слышала. Жена его, вроде, с Украины. Может, туда переебрались.

— Вот этого я не знала, — удивилась Маринка.

— Ты же после школы в Москву уехала. А когда я замуж выходила, как раз Бобра рожала. В общем, Ал, ты права. Слава богу, что так сложилось. Тогда мне казалась, что он — любовь всей моей жизни. И больше я никого никогда не полюблю. Ну, как обычно у девочек бывает. А на самом деле — щенячьи глупости.

— Щенячьи — это в каком смысле? — деловито уточнила Кира. — Даже не целовались ни разу?

— Нет. Ну, один раз в щечку поцеловал после выпускного. На прощание.

— А потом?

— Что потом? — не поняла я.

— Ну, потом у тебя был кто-то? До Вадима?

В нашей компании Кира была, можно сказать, новенькой. Я познакомилась с ней всего три года назад. Тогда Вадим получил гонорар за очередной учебник по зарубежному праву и большую часть перевел мне на карточку с лаконичной сопроводителькой: «ЗУБЫ!» Зубы действительно были моим слабым местом, поскольку я панически боялась стоматологов. Но отвертеться не удалось, и я отправилась в клинику, которую порекомендовал кто-то из клиентов. Там мы с Кирой и познакомились. Она была года на два старше нас, шумная, безалаберная, обожала посплетничать и пустить пыль в глаза. От нее исходили флюиды веселого бешенства, которым так и хотелось заразиться. При этом профессионалом она была на все сто, и я по очереди отправила к ней Близнецов и Маринку. Как-то само собой получилось, что мы начали общаться вне клиники, и наша четверка превратилась в пятерку. Тем не менее, мы с ней были не настолько близки, чтобы обсуждать интимный опыт. К тому же я вообще не любила это делать.

— Нет, Кир, никого не было, — ответила я, допив вино. — Ни в каком смысле. Никто не нравился, ни с кем больше не встречалась. Ни в школе, ни в университете. На втором курсе познакомилась с Вадимом. Через год поженились. Еще через год Петька с Пашкой родились. И после этого — тоже никого, — добавила я, опережая ее возможный следующий вопрос. — Добродетельно, скучно. Но меня устраивает. Я его люблю не меньше, чем в начале.

Маринка слегка приподняла брови, но от комментариев воздержалась.

Я лихорадочно соображала, как перескочить на другую тему, но тут, легок на помине, появился Вадим. Как всегда, элегантен и обворожителен, но с той ноткой словно бы случайной небрежности, которая мне так нравилась. Я-то знала, что она неслучайная, однажды даже подсмотрела, как он лохматит волосы, выйдя из парикмахерской, но выглядело у него это всегда настолько естественно, что не придерешься. И прическа, и лишняя расстегнутая пуговица на рубашке, и полы пиджака, разошедшиеся чуть больше дозволенного, как будто он шел, засунув руки в карманы брюк.

Впрочем, все это были легкие штришки — так, прорисовка деталей. На самом деле Вадим не особенно беспокоился о том, какое впечатление производит. Аура спокойной уверенности — это было первое, на что я обратила внимание, когда познакомилась с ним. Таким он был на втором курсе, таким же остался и сейчас. И все же, не зная его, трудно было поверить, что в тридцать пять лет он доктор наук и профессор кафедры международного права. Равно как и то, что его приглашают читать лекции лучшие университеты Европы.

— Здоров, девчата! — сказал Вадим, подходя к нам.

Обойдя стол по кругу, он поцеловал каждую в щеку, потом меня — долго, в губы, подтащил стул, сел рядом. Опасный разговор, разумеется, сразу завял, перетек во что-то нейтральное. Мы еще немного выпили, поболтали о том, о сем, и Вадим вызвал такси.

— Ну, как прошел раут? — спросил он, когда мы сидели на заднем сиденье, отодвинув в уголок цветы и пакеты.

— Нормально, — я пожала плечами и обняла его под пиджаком, поглаживая по спине. — Маринка только набралась. Что-то с ней не то происходит.

— Не волнуйся, выплывет, — успокоил Вадим. — Она всегда из всего выбирается. Мне кажется, она не может жить без проблем. Для нее это как горы для альпиниста. Чем круче проблема — тем интереснее.

— Не знаю, — вздохнула я. — Все так, но что-то мне все-таки не понравилось. Какая-то она... дерганная, не себя не похожа. Несла хрень

всякую. У тебя что, новый парфюм?

— Да, старый кончился. Этот подарил кто-то, не помню. Не нравится?

— Да нет, неплохой.

Запах был горьковато-свежим, терпким, с легкой хвоинкой. Приятный, но было в нем что-то тревожное, давно забытое. Я задумалась, пытаюсь поймать это ощущение за хвост, но Вадим понял меня иначе:

— Ладно, Валер, не бери в голову. Насчет Марины. И вообще... сегодня еще твой день. Такой длинный хороший день. И, надеюсь, закончится он еще лучше. Как ты думаешь?

Его ладонь тяжело легла мне на талию, скользнула ниже. Я повернула голову, наши глаза встретились. Это был тот самый особый взгляд, волнующий, дразнящий. Говорящий «да». И первый раз мы посмотрели так друг на друга... точно, шестнадцать лет назад, как раз в июне.

Тогда мы ходили в кино, и Вадим провожал меня домой. И я знала, что именно в тот вечер все случится. Фильм пролетел мимо сознания — так мне было страшно. Но я точно знала, что хочу этого. Мы остановились у парадной, посмотрели на темные окна моей квартиры: родители уехали на дачу.

«Да?» — спрашивал его взгляд.

«Да!» — так же молча ответила я...

Теперь мне казалось, что такси ползет слишком медленно. Вроде бы, и пробок нет. Вадим сжимал мою руку, легко проводя пальцем по ладони — еще один наш тайный знак, который означал: «я хочу тебя». Я кусала губы, пытаюсь сдержать улыбку. Казалось, что водитель смотрит на нас в зеркало и обо всем догадывается. И специально едет еще медленнее.

Наконец мы добрались до дома, зашли в парадную, вызвали лифт. Руки у меня были заняты цветами и подарками, но Вадим взял все это и положил на пол.

— Слушай, за шестнадцать лет мы ни разу не занимались сексом в лифте, — он нажал кнопку «стоп», прижал меня к стенке и запустил руку под юбку. — Трахнемся, мадам? Как в кино — дурацкие позы, крупные планы.

— Кстати, насчет крупных планов, — я вывернулась и нажала

кнопку нашего этажа. — Вон там камера. Ты не знал?

— Ну так супер. Хоум-порно.

— Лифт-порно, — поправила я. — Вот же развлечение диспетчеру.

И завтра это кино будет на ютубе.

— Ну так и отлично. Когда еще выпадет шанс стать звездой ютуба?

— Твои студенты будут в экстазе. А студентки и подавно.

Мы вошли в квартиру, и едва я закрыла дверь и скинула туфли, Вадим сгреб меня в охапку, легонько укусив за ухо:

— Агхрм! Моя!

Он тащил меня в спальню, а я с воплями отбивалась и изображала жертву похищения. Мы еще подурачились немного, а потом Вадим посадил меня на край кровати, встал передо мной на колени и медленно начал расстегивать пуговицы на блузке. Горло отозвалось такой привычной вспышкой — как будто проглотила что-то большое и горячее. Потом жар стек на грудь, и стало тяжело дышать, но лишь на мгновение. Его губы коснулись кожи, скользнули под кружево. Я гладила его волосы, зарываясь в них пальцами. Непривычный запах добавил к желанию странную, никак не уловимую нотку.

Вадим жестом попросил меня встать, расстегнул молнию на юбке и стянул ее, задержав ладони на бедрах. Я переступила через нее, и он легко обвел пальцами ажурные резинки, лаская кожу над ними. Почему-то он был без ума от чулок и часто мне их дарил, а если мы занимались любовью вот так, вернувшись откуда-то, всегда просил остаться в них. Мне не слишком нравилось ощущение чего-то лишнего на обнаженном теле, но почему бы не пойти навстречу, тем более это было красиво и пикантно.

Я расстегивала пуговицы его рубашки, когда он посмотрел мне в глаза, вопросительно приподняв брови. Я облизнула губы и едва заметно кивнула. Иногда, да что там, очень часто, особенно во время секса, мы понимали друг друга без слов. И сейчас он имел в виду то, что мы оба безумно любили, но позволяли себе редко, не чаще пары-тройки раз в год. Это было такое особое удовольствие для особых случаев.

Четырнадцать лет назад, когда родились двойняшки, на меня навалилась нешуточная депрессия. Жизнь превратилась в ад недосыпа, усталости, бесконечного кормления и не менее бесконечной смены подгузников. Какой там секс! Кроме того я отчаянно стеснялась своего располневшего тела. На самом-то деле не так уж много лишнего

набралось, да и ушло все быстро, но тогда я казалась себе жирной бесформенной тушей. Как-то раз я стояла перед зеркалом и горестно изучала масштабы катастрофы. Вадим неслышно подошел сзади, снял с меня халат и начал нежно ласкать мое тело, каждую впадинку и складочку, тихо говоря, какая я красивая и как безумно ему нравится все во мне. Я следила за движениями его рук в зеркальной глубине и чувствовала, как медленно просыпаются забытые желания и уверенность в себе...

С тех пор мы отточили это до состояния ритуала — тайного, почти мистического, а то, что повторялся он нечасто, приносило оттенок запретности и волновало еще сильнее.

Пока Вадим раздевался, я сняла с тумбочек два светильника, поставила их на пол и переключила на режим мерцания. Он сел на ковер, прислонившись спиной к кровати, напротив большого зеркала в раздвижной двери шкафа. Я устроилась между его ног, запрокинув голову ему на грудь. Вадим перекинул мои распущенные волосы на одно плечо и прикоснулся губами к шее, щекоча ее мягкой короткой бородой.

Из-под прикрытых век я смотрела на отражение наших тел в мерцающем свете, поднимающемся снизу. Это выглядело каким-то древним магическим обрядом. Блики и тени чертили на коже колдовские знаки. Опуская взгляд, я видела, как его пальцы гладят мою грудь, рисуя круги и спирали вокруг сжавшихся в предвкушении сосков. И эти же движения повторял его зеркальный двойник. Мне казалось, что я чувствую их дважды, словно улавливая ощущения той Леры, которая сидела напротив меня. С запозданием на долю секунды — как эхо.

Вадим шептал мне что-то на ухо, то нежное, то грубое и непристойное, и я не знала, что возбуждало сильнее. Его слова обжигали и обдавали холодом, острым, как льдинка. Каждое из них было таким же осязаемым, как и касания его пальцев, медленно опускавшихся все ниже и ниже. Когда они скользнули в самые тайные глубины, лаская их, наши взгляды скрестились в зеркале, словно замыкая электрическую цепь.

Я тихо постанывала, задыхаясь, кусая губы, и не могла отвести глаз от влажно поблескивающих пальцев Вадима, от которых по всему телу разбегались горячие волны.

— Хочешь до конца? — прошептал он.

— Нет, с тобой, — я повернулась и нашла его губы — так жадно, словно это был источник в пустыне.

Мне всегда нравилось с ним целоваться. И легко, нежно, едва касаясь — очень благопристойно, словно за нами наблюдают тысячи глаз. И лениво, тягуче, медленно обводя губы языком. Это были такие медовые сладкие поцелуи, как будто сквозь дремоту. Притворяясь, что и желание тоже дремлет: мягкое, пушистое, похожее на сонно мурлычущего кота. И дико, необузданно — задыхаясь от страсти, когда губы и языки словно сражаются, а руки при этом творят такое, что об этом потом лучше не вспоминать, если нет возможности повторить. Сколько раз мы с Вадимом целовались за эти годы — не сосчитать. Но разве это могло надоеть?

Оторвавшись от моих губ, он посмотрел вопросительно: «Как ты хочешь?»

«Как ты», — так же молча ответила я.

Вадим встал, подал мне руку. Я посмотрела на него через плечо, улыбаясь напряженно, выжидательно. Он легко приподнял меня и поставил коленями на край кровати. Скользя руками вперед по стеганому атласному покрывалу, я потянулась, как кошка. Вадим подхватил меня за талию, притянул к себе, провел руками по груди, животу. Я наклонилась вперед, и он вошел в меня, мягко, но сильно, крепко сжимая мои бедра...

Потом мы лежали, тесно прижавшись друг к другу, все еще единым целым, в блаженной звонкой истоме, когда все вокруг плывет и покачивается.

— Я люблю тебя, — тихо сказал Вадим. — Чем дальше, тем больше люблю. Лер, а давай еще девочку родим, а?

— Ты серьезно? — улыбнулась я, потому что эти мысли бродили у меня в голове уже несколько недель, еще слишком зыбкие, прозрачные, чтобы их можно было обсуждать.

— Серьезно. Петропашки года через три-четыре уже станут взрослыми, может, вообще уйдут. А нам останется лялька. Со здоровьем у нас, вроде, все нормально, с деньгами тоже, места хватит. Вот только твоя работа...

— Ну, я уже переросла ту стадию, когда ребенок может чему-то помешать, — я легко провела пальцами по его спине. — А что Петька с

Пашкой скажут?

— Ну а что они скажут? Думаю, они догадываются, что родители иногда занимаются чем-то таким, от чего случаются дети.

Я прыснула, вспомнив, как двойняшки зимой раньше времени вернулись с прогулки и застучали нас с Вадимом в постели.

— Да и вообще, их самих тоже не на распродаже купили. Так что?

— Давай попробуем, — я перевела дыхание. — В этом месяце надо таблетки допить, в следующем может и не получиться, а там... вполне может быть.

Вадим уснул, а я лежала на боку, обняв его вокруг живота, и что-то не давало мне покоя. Может быть, даже этот запах нового одеколona. Сначала он показался мне приятным, но сейчас, почти растворившись в привычном запахе Вадима, стал раздражать — как нечто чужеродное. Но еще больше раздражало другое: я никак не могла вспомнить, о чем же он напоминает. Как будто сегодня было сказано что-то такое...

Я встала, пошла в ванную, смыла остатки макияжа, расчесала спутавшиеся волосы.

Это напоминало... да, точно, это напоминало киви. Мне нравился его кисло-сладкий вкус, но потом во рту возникало неприятное послевкусие, от которого было никак не избавиться. Только если почистить зубы.

Я взяла с полки зеленоватый флакон, подержала в руках, брызнула на ладонь — и меня словно водой холодной окатило.

Котик! Вот оно что!

И зачем только Маринка о нем заговорила? Котов был, наверно, последним человеком, о котором мне сегодня захотелось бы вспомнить. Да и не только сегодня. Мысли о нем — это тоже было такое киви с мерзким послевкусием. И я не сомневалась, если бы не разговор в ресторане, вряд ли легкий запах парфюма напомнил бы мне о нем. Уж слишком зыбкой и неясной была связь между ними. Я не знала почему, но вот так, концентрированно, этот запах сразу вызвал четкую ассоциацию.

Поставив флакон на место, я решила, что завтра по дороге на работу выброшу его в мусоропровод. А Вадиму скажу, что случайно уронила и разбила.

Я легла, и в голову полезли совсем ненужные мысли. Чтобы перебить их, я стала думать о ребенке. Получится или нет? И будет ли это девочка? Очень хотелось бы. Когда она подрастет и ей понадобится своя комната, Петьку с Пашкой можно будет переселить в нашу спальню, а самим перебраться в гостиную. Интересно, на кого она будет похожа? У нас с Вадимом темно-русые волосы и серо-голубые глаза. Двойняшки похожи на нас обоих. Кто видит их рядом с Вадимом, говорит, что на него, а кто рядом со мной — что на меня. С работой, конечно, будет сложнее, чем я сказала Вадиму, но ничего, справлюсь. Уж если мы и раньше справлялись...

Нас с ним считали редкими везунчиками, эдакими любимцами фортуны. Одни завидовали, другие полагали, что мы избалованные и пустые, потому что нам слишком легко все дается. «Соболева? — как-то услышала я разговор двух сотрудниц, спускаясь вниз по лестнице. Они стояли площадкой ниже и меня не видели. Тогда я еще была ближе к ним по статусу, не высокое начальство. — Да о чем с ней вообще можно разговаривать? Человек, у которого нет проблем, — это пустыня Гоби».

Даже близкие подруги считали меня патологически везучей, и Маринкин тост подтверждал это как нельзя лучше. Хотя уж она-то точно знала, как непросто нам досталось все то, что мы имели сейчас. Само с неба никогда ничего не падало.

Мы поженились на третьем курсе, когда нам еще двадцати не было. Родители — и мои, и Вадима — отнеслись к этому с большим неодобрением и в помощи практически отказали. Взрослые? Все решаете сами? Вперед и с песней.

Мы снимали комнату в огромной запущенной коммуналке на Садовой, подрабатывали, где могли. Денег иногда не хватало даже на еду. С детьми мы планировали подождать до окончания университета, но они нашего мнения не спросили. Четвертый курс я заканчивала с огромным пузом, которое можно было возить в садовой тачке. Двойняшки родились в июле — слабенькие, постоянно болеющие. У меня был специалитет, а не бакалавриат, но академический отпуск я брать не стала. К счастью, мне пошли навстречу и на пятом курсе

разрешили свободное посещение. Да и мама, увидев внуков, смягчилась и стала немного помогать.

А потом? Вадим учился в аспирантуре, писал кандидатскую. Помимо занятий со студентами занимался репетиторством по обществознанию. Я устроилась самым младшим подай-принеси в маленькую рекламную фирму, а по ночам писала километры статей и рекламных текстов. Дети продолжали постоянно болеть, причем по очереди. За стенкой поселилась парочка буйных наркоманов, которая чуть не устроила в квартире пожар. На нервной почве у меня началась экзема — по всему телу пошли зудящие красные пятна, довольно противные на вид. Иногда казалось, что выносить этот ад уже просто нет сил.

Рыдала я потихоньку, чтобы никто не видел и не слышал. Пока Вадим был в университете, а дети спали. Жаловаться? Да ни за что! В этом отношении я была похожа на верблюда. Когда эта злобная скотина устает идти по пустыне, она ложится на песок и орет. А потом встает и идет дальше. Вот и я так — ложилась на кровать, рыдала в подушку, а потом вставала, готовила ужин, гладила Вадиму рубашки и садилась за ноут писать очередной рекламный опус про элитные трусы или декоративных кроликов.

Родители? Мама сказала бы: «А мы тебе говорили! А мы предупреждали, но ты все сделала по-своему, так и нечего теперь ныть». Только изредка я позволяла себе поделиться с Маринкой, да и то, не вдаваясь в детали и подробности.

Зато жаловаться Вадиму нужды не было — он и сам все понимал. Не утешал, не обещал, что все будет хорошо. Просто обнимал крепко, смазывал мазью мои болячки, покупал какие-нибудь крохотные приятные пустячки. Отрывался от своих занятий, выходил на кухню, отодвигал меня от раковины и мыл посуду. И мне становилось легче. И уже никаких уверений не надо было, чтобы точно знать: если мы вместе, значит, все будет хорошо. Уже одно это хорошо — а будет еще лучше.

А потом вдруг стало легче. Петька и Пашка пошли в школу и, как ни странно, почти перестали болеть всем на свете. Отец Вадима умер, и нам внезапно досталась довольно приличная трешка на Удельной (со свекровью они давно были в разводе). Вадим стал самым молодым доцентом во всем университете, начал писать докторскую. Посыпались

неприлично большие гонорары за статьи, монографии и лекции. А меня пригласили начальником направления в крупное PR-агентство.

Года три у нас все было достаточно гладко. Относительно, конечно. Впахивали мы оба — мама, не горюй. Двойняшки то не слушались, то хулиганили, то приносили из школы двойки. У родителей начались проблемы со здоровьем. Но между нами с Вадимом все было идеально. Идеальные отношения, идеальный секс. Конечно, время от времени мы ругались, но это напоминало облачка на небе в ясный день — пробежало, скрыло на мгновение солнце, и снова все сияет. В памяти это время осталось как один большой летний праздник.

А потом что-то случилось. Это было ровно пять лет назад. Я запомнила хорошо, потому что мы с девчонками как раз отметили мое тридцатилетие — первый раз в «Абрикосове». Тогда еще без Киры. Вадим должен был за мной заехать, но позвонил и сказал, что задерживается, предложил вызвать такси. Почему-то меня это очень задело. Масла в огонь подлила Нина: что-то, Лера, твой трудоголик совсем затрудился. Трудно сказать, был ли действительно в этом какой-либо намек, или мне так показалось, но стало не по себе. Хотя, скорее всего, получилось по расхожему выражению: сама придумала — сама обиделась.

До этого я никогда не ревновала Вадима. Во-первых, он не давал повода, хотя вокруг него всегда была прорва девушек, молодых женщин — студентки, аспирантки. Во-вторых, я была уверена, что вся отпущенная на мою долю ревность была израсходована в пятнадцать лет. Что я переболела ею, как болеют ветрянкой — чтобы навсегда получить иммунитет. Но я ошибалась.

Впрочем, это была странная ревность. Я не страдала, не подозревала, не воображала душераздирающие сцены. Не рылась в карманах, не лезла в телефон или в компьютер. Не принюхивалась к его одежде, пытаюсь уловить запах чужих духов. Подобное мне вообще было глубоко противно, и я бы себе никогда ничего такого не позволила. Даже если бы поводы для ревности были основательными. Но у меня поводов не было вообще. Если хорошо подумать, это, скорее, была даже не ревность в чистом виде, а какое-то тоскливое ощущение, что Вадим меня больше не любит. А раз не любит — что ему мешает мне изменить? Порядочность, чувство долга? Что ж, бывает, что даже очень порядочные мужчины уходят от уже нелюбимой жены к другой

женщине.

С чего я это взяла? Спустя пять лет я, пожалуй, не сказала бы определенно. Что-то такое, определенно, было, не на пустом же месте возникла эта тоскливая растерянность. Вадим действительно стал чаще задерживаться. Бывал нервным, раздражительным. Мог так сильно задуматься, что не сразу слышал, когда я к нему обращалась. Мы стали реже проводить время вместе, заниматься любовью.

Сначала я пыталась осторожно выяснить, что происходит.

Не выдумывай, говорил он, все в порядке. Просто на кафедре проблемы, монография поджигает, декан идиот, приглашение в Лондон отменили.

Я понимала, что все так и есть. Но думала, что это наверняка не все.

В июле мы отметили на даче день рождения близнецов, а когда возвращались в город, поссорились. Даже повода особого не было, просто у обоих выплеснулось раздражение. Мы не разговаривали день, второй, третий. Мне казалось, что мы корабли, которые шли параллельным курсом, но вдруг развернулись и начали стремительно удаляться друг от друга.

Лето выдалось дождливое, унылое. У меня все валилось из рук, ничего не радовало. И вдруг все стало безразлично. Одним серым пасмурным утром я проснулась, посмотрела на сопящего в подушку Вадима и подумала, что, наверно, я его тоже больше не люблю. Мы были женаты десять лет, столько всего пережили вместе, у нас росло двое сыновей, но в тот момент мне показалось, что рядом со мной в постели совершенно чужой человек.

Вечером я отключила телефон и до поздней ночи бродила по улицам. Заходила в кафе, пила крепкий черный кофе, пока не началось самое настоящее отравление кофеином. Ночи были еще белые, хотя уже «Петр-Павел день убавил». Призрачный свет, мистика Петербурга. Особый запах северного лета, закованного в камень. Разведенные мосты — и мы с Вадимом были такими же мостами. Две половинки над темной водой. Странное ощущение, как будто я оказалась одновременно в нескольких временных пластах — в прошлом, настоящем, будущем.

Какой-то мужчина окликнул меня, назвал по имени. Я скользнула равнодушным взглядом, не узнала, прошла мимо.

Вадим не спал. Когда я открыла дверь, он вышел в прихожую —

одетый.

«Где ты была? — спросил он, изо всех сил пытаюсь сдержаться, не наорать на меня. — Телефон недоступен. Я уже не знал, что думать, где тебя искать. Всех твоих подруг обзвонил, никто ничего не знает. Подумал, что, может, на дачу поехала, но побоялся туда звонить. Если тебя там нет, у всех было бы по инфаркту на брата»

Я молчала, глядя мимо него.

«Где ты была?» — повторил он, подойдя ближе, и я подумала, что у него на редкость противный голос. И как только раньше не замечала.

«Тебе-то не все ли равно? — огрызнулась я. — Не твое дело. Гуляла».

Мне показалось, что он меня ударит, и я, наверно, этому даже обрадовалась бы. Потому что можно было развернуться и уйти. Куда глаза глядят. Но Вадим ничего не сказал. Обогнул меня, как неодушевленный предмет, ушел в гостиную и закрыл дверь.

Весь следующий месяц мы методично убивали все, что между нами было. Десять лет пусть не очень простой, но счастливой семейной жизни. Мы почти не разговаривали, если в этом не было крайней нужды. Вадим возвращался домой все позже и позже, пару раз вообще не пришел ночевать. Приносил деньги, молча кидал в ящик тумбочки. Сам ходил по магазинам, сам себе стирал и готовил. На дачу, по молчаливому уговору, мы ездили по очереди: одни выходные он, другие я. Мотивировали огромным количеством работы, хотя вряд ли нам кого-то удалось обмануть. Мама осторожно спрашивала, все ли у нас в порядке. Двойняшки каменно молчали, но и так было понятно: догадываются, что все плохо.

Как ни странно, спали мы с Вадимом все-таки в одной постели, но даже не притрагивались друг к другу. Иногда меня это вполне устраивало. Иногда вдруг накатывало желание — злое, раздраженное. Я сердилась на себя за то, что вообще его испытывала. Или за то, что не разрешала себе забраться под его одеяло, обнять, поцеловать. Впрочем, трудно сказать, помогло бы это или стало бы только хуже. За всю нашу жизнь было несколько моментов, когда мы занимались сексом, за что-то злясь друг на друга, и ничего хорошего из этого ни разу не вышло. Нет, все было так, что аж искры летели, но потом надолго оставался терпкий привкус досады и обиды. Кого-то, может, постель и мирит, но только не нас.

Не то чтобы мы не пытались как-то выбраться из этой ситуации. Пытались. Дважды начинали очень непростой разговор, один раз Вадим, второй — я. С трудом переступив через свои выдуманные обиды и подозрения. И оба раза все заходило в такой тупик, что оставалось только повернуться друг к другу спинами и замолчать. Начинать что-то выяснять снова, похоже, мы уже боялись — того, что в конце концов прозвучит слово «развод».

Однажды я не выдержала и поделилась с Маринкой — о чем потом не раз пожалела. Она тогда как раз разводилась со вторым мужем, и настроение у нее было еще мрачнее, чем у меня.

В школе Маринка была довольно полной, неуклюжей, застенчивой,

с кучей жутких комплексов. Но потом гадкий утенок превратился если и не в прекрасного лебедя, то, по крайней мере, в очень даже интересную птицу. И произошло это как-то одномоментно. Нет, красавицей она не стала, но вместо невзрачной и скучной девочки откуда-то появилась яркая, дерзкая и очень привлекательная девушка.

С первым мужем, важным московским чиновником, потом ставшим министром, Маринка познакомилась в Сочи, едва ей исполнилось восемнадцать. Ему было лет на двадцать пять больше. Они поженились, в двадцать она родила сына, а через месяц узнала, что у мужа есть постоянная любовница, которая месяцем раньше родила от него дочь. Развод был громким и скандальным, в результате Маринка вернулась домой с трехмесячным Борькой на руках и без гроша в кармане. Впрочем, алименты бывший платил исправно, но за пятнадцать лет с сыном виделся от силы раз пять.

Вторым ее мужем стал известный сериальный актер, талантливый и невероятно обаятельный, но сильно пьющий, да еще и страстный игрок. Гонорары за съемки улетали со свистом. Маринка дважды уговаривала его лечь в наркологическую клинику, но после очередного срыва подала на развод.

Выслушав меня, она только плечами пожала:

«Говновопрос. Заведи любовника».

«Марин!» — неприятно поразилась я, даже не самому совету, а тому, с каким выражением это было сказано. Как будто было пропущено хорошо читаемое слово «наконец». Как будто прожить с мужем десять лет, не изменяя ему, — это какая-то дикость.

«А что? — она удивленно вскинула фигурно выщипанные брови. — Ты посмотри на себя. Бледная, унылая, как рыба-сопля. Сколько вы уже не трахались? Учти, после тридцати регулярный секс — залог женского здоровья и сохранения молодости. Ты точно уверена, что у твоего Вадика никого нет? Я же не предлагаю тебе разводиться. Дети, квартира, это все понятно. Но поставить на себе крест в тридцать лет? Как на женщине? Время летит быстро. Еще пять, десять лет — кому ты будешь нужна? Не хочешь любовника — ладно. В конце концов это не единственный способ получить вполне пристойный оргазм. Можно просто слегка влюбиться для тонуса. Чтобы было для кого покупать новые платьюшки и делать прическу».

«Платьюшки я покупаю в первую очередь для себя, — возразила

я».

«Оно и видно, — Маринка выразительно посмотрела на мой клетчатый сарафан с голубой водолазкой. — Скучная офисная моль. Может, в этом все дело?»

Некоторые слова — как яд. Пытаешься пропустить их мимо ушей, но даже капли хватает, чтобы отравиться. Я пришла домой, посмотрела на себя в зеркало. И правда — что-то пыльное, унылое. На работе было полно молодых мужчин, но никто даже в шутку не пытался со мной флиртовать, как с другими женщинами, которые по внешним данным мне и в подметки не годились.

Я разделась, открыла шкаф, вытащила облегающую фигуру бирюзовое платье, надетое всего один раз, туфли на каблучке. Распустила подобранные на затылке волосы. Лучше не стало. Все равно рыба-сопля, только в красивом платье.

И тогда я решилась. Нет, не на любовника, конечно. И даже не влюбиться для тонуса. Решилась на еще одну попытку как-то все исправить. Совершенно глупую. Каждый раз, когда я потом вспоминала об этом, мне становилось так неловко, что хотелось скулить от досады. Классический фейспалм.

На следующий день я ушла с работы пораньше, надела то самое платье и отправилась в салон красоты, где оставила чертову уйму денег за ассиметричную стрижку на длинные волосы, окраску, макияж, маникюр и еще кое-какие не слишком приятные процедуры. Вызвала такси и — вся из себя такая красивая — поехала в кафе на Невском, где мы с Вадимом были, когда только начали встречаться. Уже потом я узнала, что он ночью ходил разгружать фуру с мороженой рыбой на каком-то складе, чтобы меня туда пригласить.

Еще по дороге я отправила смску: где именно его жду. Первый час смотрела на дверь. Потом — на телефон: он мог не увидеть сообщение сразу, но, может, в таком случае позвонил бы или написал? Уж не знаю, почему я решила, что после месяца холодной войны он по первому свистку сорвется и побежит на randevу, высунув язык. Позже выяснилось, что в тот день он забыл телефон дома и смску увидел, когда вернулся, в половине первого ночи. Я в это время делала вид, что сплю, глотая злые слезы. Эти три часа ожидания стали для меня последней каплей. Особенно взбесило то, что весь вечер ко мне клеились какие-то типы, видимо, принимая за женщину легкого

поведения.

На следующий день ко мне в кабинет постучался новый сотрудник, я даже имени его еще не знала. У нас он был на испытательном сроке и готовил свой первый проект, который принес мне на рассмотрение. Вообще это была не моя работа, но его непосредственная начальница ушла в отпуск, и я временно взяла на себя ее обязанности. Мальчик год как закончил институт, пиаром раньше не занимался, ничего не умел, но амбиции у него были ого-го. И самоуверенности тоже не занимать.

Я раздраконила его проект по косточкам и думала, что он будет обходить меня за версту. Но Гриша — так его звали — вдруг начал за мной ухаживать. Я его не поощряла, но и не обламывала, словно принимала этот интерес как нечто само собой разумеющееся. Когда заказчик проект все-таки принял, Гриша пригласил меня в ресторан. Поколебавшись, я согласилась. И даже купила новое платье — вспомнив при этом слова Маринки.

Мы сидели, что-то ели, что-то пили, о чем-то разговаривали. Гриша смотрел на меня горящими глазами и как будто случайно касался моей руки, все смелее и смелее. И, похоже, рассчитывал на продолжение банкета в более интимной обстановке. А мне было скучно и противно. Этот распаленный щенок не вызывал у меня никаких чувств, кроме раздражения. Может, конечно, он и хотел меня как женщину, но не было никаких сомнений, что в первую очередь я для него начальница, которую нужно нагнуть из карьерных соображений.

Я оплатила половину счета и вызвала такси. Гриша был явно обескуражен. К счастью, испытательный срок в агентстве он не прошел и никаких проблем мне больше не создавал.

Выйдя из такси, я остановилась у парадной, посмотрела на окна — в спальне горел свет. Наверно, впервые в жизни я не почувствовала, а прочувствовала, что значит «щемит сердце». И подумала, что так дальше продолжаться не может. Или мы сейчас во всем разберемся и вместе решим, что делать дальше, или...

Набираясь смелости, я подошла к декоративному кусту, цветущему крупными темно-розовыми кистями, сорвала одну — полностью распутившуюся, пахнущую то ли ванильным мороженым, то ли сливочным ликером. Она была почти под цвет моего платья, чуть светлее. Я нервно крутила ее в руках, поднимаясь в лифте. Постояла у квартиры, несколько раз глубоко вдохнула, открыла дверь. И

вздрагнула.

Прихожая у нас была крохотная и тесная, но она переходила в просторный холл с мягким диванчиком, аквариумом, ползучими растениями на стенах. Это было мое любимое место в квартире. Я часто устраивалась на диване почитать, повязать или просто понаблюдать за рыбками в аквариуме.

Сейчас на диване сидел Вадим — ждал меня. Я остановилась у двери.

Он встал, подошел ко мне, взял цветок. Провел им у меня под подбородком, посмотрел, остался ли след от пыльцы.

«Похоже, ты ни в кого не влюблена», — сказал он, положив розовую кисть на тумбочку.

«Это же не одуванчик», — возразила я.

«Что мы делаем, Лера?»

Он положил руки мне на плечи, посмотрел в глаза. Молнией вспыхнуло раздражение. Захотелось говорить что-то обидное, злое, ядовитое, обвинять его во всем. И вдруг все исчезло. Я уткнулась ему в грудь, слезы полились сами собой, смывая то темное, что накопилось за последние месяцы.

В тот вечер мы больше ни о чем не говорили. Сначала он просто обнимал меня, шептал на ухо что-то непонятное, бессвязное. Потом мы целовались, долго-долго, прямо там, в прихожей. Потом занимались любовью на маленьком диванчике, совершенно неудобном. Это была радость с привкусом горечи. Облегчение, когда боль отступает, но еще не веришь, что она ушла окончательно.

Мы взяли неделю отпуска и уехали на турбазу в Карелию. Домики, разбросанные по берегу лесного озера так, чтобы создать иллюзию полного одиночества. Небо с огромными звездами — они падали, и мы едва успевали загадывать желания. Вкрадчивый, осторожный запах воды, особенно на рассвете и закате, когда над озером стелется туман и рыба играет, ловя зазевавшихся мошек. Валуны, оранжевые сосны — как вытянутые ввысь языки пламени. Зеленый бархатный мох, боровики, алые брызги брусники.

Это был наш второй медовый месяц. Впрочем, первого-то у нас и не было. Мы рассказали друг другу все — обо всех своих обидах, мелочных претензиях, подозрениях. Сняли всю ту пену, которая рано или поздно собирается на любых отношениях. Вадим сказал, что все это

время или задерживался в университете до последнего, или шел к бывшему однокурснику Володе, который недавно развелся — им было о чем поговорить. У него и ночевал иногда. Чтобы не возвращаться домой. Даже не назло мне. Просто слишком все это было тягостно. Я промолчала только о совете Маринки и о походе в ресторан с Гришей. Это было совершенно ни к чему.

Сказать, что следующие пять лет прошли как в сказке, было бы преувеличением. Разумеется, мы иногда не понимали друг друга, обижались, ссорились. Других проблем тоже хватало — и на работе, и с детьми. Но со стороны мы выглядели идеальной семьей — картинкой для глянцевого журнала. Нас так и воспринимали. Особенно когда Вадим защитил наконец свою многострадальную докторскую диссертацию и стал профессором. Для тридцати пяти лет это было примерно как для военного получить в таком возрасте звание генерала. Его звали преподавать в Москву, но он отказался. А я совершенно неожиданно оказалась директором и совладельцем агентства, когда его хозяин перебрался в столицу.

Иногда я вспоминала древних греков, которые боялись слишком большого везения. Они полагали, что боги завистливы и не любят удачливых. И вряд ли были так уж неправы. Хотя намного сильнее во все времена удачливых не любили завистливые люди.

Уснула я только под утро — чтобы через секунду, как мне показалось, проснуться от щекотки поцелуев.

— Просыпайся, соня, — Вадим подтащил меня к себе под одеяло. — Будильник десять минут как прозвенел. Так жаль было тебя будить. Но потом началась бы паника-истерика. А тебе сегодня на метро ехать.

— Тебе тоже, — буркнула я, прижавшись к нему. — Зайчики в трамвайчики, жабы на метре. Может, скинемся на водителя уже?

— Черта лысого, я на такси, мне позже. А ты на такси будешь два часа ехать. Так что вставай. Или... эспрессо? — Вадим недвусмысленно провел руками по моему телу. — Крепкий, горячий и очень быстрый?

Это тоже было нашей обычной шуткой-ритуалом. Разумеется, не каждый день. Чаще всего мы просыпались и уходили на работу в разное время. Да и в выходные не всегда получалось поваляться и заняться чем-то приятным. Иногда кто-то из нас отвечал: «Скоро только кошки родятся», и это означало: извини, не сегодня, нет настроения, неважно себя чувствую, тороплюсь, хочу спать. И это было не обидно, хотя немного досадно, как любое неудовлетворенное желание.

Именно так я и собиралась ответить, потому что на половину десятого была назначена планерка, не хотелось опаздывать. Да и вчерашнего вполне хватило. За шестнадцать лет мы перепробовали, наверно, все, что только можно придумать в плане эротического контакта двух особей, и наша интимная жизнь вполне ожидаемо стала больше похожа на равнинную реку, чем на бурный горный поток. Вадим мог ходить при мне в трусах или голый, и я реагировала на него не больше, чем на шкаф или холодильник. Я могла позвать его потереть спину в ванной, и он проделывал это с эмоциями санитара, моющего столетнюю пациентку дома престарелых. А иногда вдруг на пустом месте выпрыгивали такие африканские страсти, как будто мы впервые оказались в постели.

В одной книге я прочитала такую фразу: в счастливых семьях желание может спрятаться в темный уголок и уснуть там — но никогда не уходит совсем. Даже если супруги отметили золотую свадьбу. И я

была полностью с этим согласна.

Я уже открыла рот сказать обычное о кошках, но вдруг появилось какое-то странное ощущение. Это было... определенно, это было предчувствие. Вот только чего? Но от него захотелось спрятаться — в тепло и близость.

— И восемь ложек сахара! — ответила я альтернативным отзывом на пароль, сопровождая его не менее ритуальным жестом: — Привет, товарищ!

— Здоров-здоров! — ответил за товарища Вадим...

— Вот интересно, почему, когда занимаешься сексом вечером или ночью, это кажется вполне нормальным, а если при дневном свете — ощущение жуткого разврата?

Я лежала на нем сверху, прижавшись грудью к его груди и запрокинув голову. Вадим лениво поглаживал одним пальцем мою шею — от подбородка до ямочки между ключиц. Я — так же лениво — мурчала по-кошачьи. Что могло быть лучше этих минут блаженной расслабленности сразу после близости — если не считать, конечно, самой близости?

— С этим к психотерапевту, профессор. Не знаю, у меня с вами всегда ощущение нормального жуткого разврата, хоть днем, хоть ночью. И мне это жутко нравится. Что со мной не так?

— Все так, — успокоил Вадим. — Кстати, ты уже опоздала. Эспрессо получился... двойным или тройным?

Я ущипнула его за живот и протянула руку за телефоном. Ну что ж... начальство не опаздывает, начальство, как известно, задерживается. Кто, интересно, мне запретит? Моховец? Так он в Москве или на море. И вообще ему глубоко плевать на то, как мы работаем, лишь бы был доход и не страдало реноме.

— Лена, — я набрала номер секретарши, — планерку отмени, буду позже.

Нажав на кнопку отбоя, я поцеловала Вадима и встала. Когда детей дома не было, можно было обойтись без халата.

— Тебе к сколько?

— К двенадцати, — Вадим потянулся. — Полежу еще, пока ты в душ.

От ночной тревоги не осталось и следа. Все показалось просто глупостью. Маринка перебрала, у нее неприятности, не стоит обращать

внимание. Пять лет назад мы чуть было не разошлись после ее советов, тихо, без ссоры. Просто на какое-то время перестали общаться. Но потом встретились на дне рождения Аллы, вполне мирно, и постепенно все вошло в привычную колею. Правда, с тех пор я ни разу не делилась с ней чем-то личным. Обычная женская болтовня. В последний год даже Кира была мне ближе, чем она.

Котик? Вообще чушь. И что меня так разобрало? То, что Маринка вдруг начала об этом рассказывать? Одеколон? Видимо, и то, и другое.

Закончив со всеми своими ванными делами, я взяла с полки флакон, заглянула в спальню и сказала:

— Извини, но это я выброшу.

— Ты же сказала, что неплохой? — удивился Вадим.

— Сначала так показалось, а потом — нет. Извини, но ужасный. Куплю тебе другой.

— Там есть еще один новый, кто-то из твоих девчонок подарил на день рождения. Проверь, может, тоже надо выбросить.

Я вернулась в ванную, достала из шкафчика нераспечатанную голубую коробочку. Парфюм оказался из недорогого масс-маркета, но вполне приличный — прохладный, свежий. Зеленый флакон без всяких сожалений полетел в мусорник.

Поставив на плиту чайник, я пошла одеваться. Открыла шкаф, задумалась. Вадим изучал что-то в телефоне, и я попросила посмотреть прогноз погоды.

— Двадцать четыре, возможна гроза. Везет тебе.

— Подумаешь, — я беззаботно махнула рукой. — Ну вызову такси, тоже еще проблема.

Уже с утра было душно, хотелось чего-то легкого, прохладного. Я достала длинное шелковое платье — светлое, в цветах, листьях и разводах. У него была широкая юбка, завышенная талия и подрез под грудью, и я подумала, что без пояса оно вполне сгодится в конце беременности. Впрочем... если у нас все получится сразу, в июле или в августе, живот придется на зиму и весну, в летнем не походишь.

Видимо, Вадим, подумал о том же.

— Может, нам пока анализы какие-нибудь сдать? — спросил он. — Ну там, на всякий случай?

— Можно, — согласилась я. — Я-то по-любому пойду, а вот ты уже лет пять ни у одного врача не был.

Быстро позавтракав, я чмокнула Вадима, который в ванной ровнял триммером бороду, и зависла в прихожей над обувницей. Длинное платье требовало высоких каблуков. Вытащив белые босоножки, я задумалась. Каблуки по такой жаре? Пешком, метро, еще пешком... Переодеваться не хотелось, и я махнула рукой. Туда доеду, в кабинете можно и снять, а обратно, если дождь пойдет, все равно на такси.

Я открыла дверь, вышла на площадку и вдруг почувствовала непреодолимое желание вернуться. Быстро процокала каблуками по прихожей и холлу к ванной, взяла у Вадима жужжащий триммер, положила на стиралку. Он удивленно приподнял брови, я обняла его и поцеловала, крепко-крепко.

— Все, пока. До вечера.

— До вечера, — кивнул Вадим.

Я ехала в лифте и улыбалась своему отражению в зеркале. Вышла на улицу, продолжая улыбаться, обогнула стоянку. Мой Жорик и Прелесть Вадима стояли рядышком в углу и выглядели обиженными детьми, которых родители не взяли на прогулку.

Первую машину мы купили в кредит чуть больше пяти лет назад. Это был вполне brutальный черный мицубиси Паджеро. Права мы с Вадимом получили одновременно и ездили по очереди, кому было больше нужно. Но поскольку у машины, как и у собаки, может быть только один хозяин, считалось, что владелец Вадим. В прошлом году он собрал все свои левые доходы, где-то признал и подарил мне белую ауди, не новую, но вполне приличную. Однако любви у нас с ней не получилось. Прелесть оказалась типичной блондинкой, вздорной и вредной. В результате Властелином колец стал Вадим, а Жорик (Паджерик — Джерик — Жорик), суровой мужик, остался со мной.

До метро я дошла без проблем, и мне даже удалось сесть, но уже по пути к офису стало ясно: босоножки были ошибкой. Впрочем, даже это не смогло мне испортить настроения.

Когда в половине одиннадцатого я вошла в приемную, Лена болтала со своей подружкой, редактором Светой.

— Доброе утро, Валерия Сергеевна, — пропели они хором.

— Доброе, — кивнула я. — Лена, кофе сделай, пожалуйста.

Вспомнив об «эспрессо», я не смогла сдержать улыбку кошки, нажавшейся сметаны. Открывая дверь своего кабинета, я увидела в отражении на матовой стеклянной панели, как Света шепнула что-то на

ухо Лене, тихо хихикнув.

— Да, Светлана Аркадьевна, — сказала я, не оборачиваясь. — Именно так. Чего и вам желаю.

Быстро закрыв дверь, я бросила сумку в кресло, села за стол и рассмеялась. И, разумеется, скинула босоножки. Вне всякого сомнения, через полчаса все агентство будет в курсе: Соболева опоздала и пришла добрая, потому что ее с утра качественно трахнули. И до конца дня главной темой болтовни в курилке будут предположения, кто же именно так отличился: муж или любовник.

По правде, я предпочитала секс вечером, но нельзя было не признать: если уж такое случилось — это заряд бодрости и хорошего настроения. Жаль только, что эффект бодрости был слишком кратковременным. В кабинете стоял кондиционер, но от духоты он все равно не спасал. Похоже, насчет грозы прогноз не шутил.

К обеду я почувствовала, что превращаюсь в медузу. Хотелось растечься прямо по столу и уснуть. Возможно, до осени. Но уснуть не получилось. Позвонил из Москвы мой партнер Слава Моховец.

— Сергевна, че за херня творится? — мрачно поинтересовался он.

— Ты о чем? — не поняла я.

В смачных выражениях Слава поведал, что наш самый ценный клиент федерального масштаба решил повернуть свой ребрендинг через единственных наших серьезных конкурентов. Точнее, конкурентами они были еще года два назад. Но первое, что я сделала, став директором, — встретила за обедом с их начальством. Мы мило побеседовали и разграничили сферы влияния. Вполне индейский принцип: я ловлю с этой стороны, ты ловишь с той стороны, а посередине никто не ловит. Впрочем, посередине мы как раз позволили ловить всяким мелким рыбакам, которые нам были не помеха. И вот, похоже, Чарушников решил нарушить конвенцию.

— Ладно, Слав, я разберусь, — пообещала я, чувствуя, что безмятежное настроение улетучивается, как воздух из проколотой шины.

— ВалерСергевна, — пророкотал в трубку директор бывших конкурентов, которые внезапно снова стали настоящими конкурентами, — это не телефонный разговор.

— Давайте обсудим не по телефону.

— Эээ... я сегодня уезжаю, — заюлил он. — На неделю. Может,

потом?

— Давайте обсудим сегодня.

— У меня еще много дел, надо закончить.

— Хорошо, я приеду сама, — у меня начали отрастать клыки и тигриный хвост. — Прямо сейчас.

— Ну... ладно, — сдался он. — Приезжайте. Буду ждать. Через час.

Ехать предстояло к Московскому парку Победы, и это мне сразу не понравилось. Только-только все улеглось — и снова здорово. Рядом с парком мы жили до моего окончания школы, а потом переехали на Комендантский, где я толком даже обвыкнуться не успела — вышла замуж. С тех пор в Московском районе я была раза три, не больше. И никакого желания не испытывала. Но как будто кто-то свыше решил посмеяться.

Я открыла «Яндекс-пробки». Обычно в это время больших заторов еще не было, однако на этот раз мне не повезло. Между Сенной и «Электросилой» все сияло красным. Прикинув, сколько времени можно потерять в пробках, я поплелась на метро. Всего-то четыре станции. А там на трамвай — и до проспекта Юрия Гагарина, к бизнес-центру, где окопались конкуренты.

Босоножки отчаянно жали, но до метро я дохромала. А вот дальше приключился облом. «По техническим причинам станцию «Электросила» поезд проследует без остановки», — картаво объявил машинист. Наверняка какой-нибудь идиот опять забыл сумку или пакет. Или не забыл, а решил пошутить. Поотрывать бы этим шутникам чего-нибудь существенного. Да и забывчивым тоже — чтобы больше ничего не забывали.

Пришлось ехать дальше — до «Парка Победы». Возвращаться в места своего детства всегда сложно. Приятные воспоминания мешаются с не самыми лучшими. И все вместе они четко дают понять: ты выросла, этот пласт жизни обвалился в прошлое. Как будто стоишь на краю обрыва и смотришь вниз, а из оползня торчит нога куклы, помятый игрушечный чайник и оторванная обложка книги с картинками.

Первое, что бросилось в глаза на выходе из метро, была чернильная темнота, надвигающаяся с севера. Схватившись за сумку, я тихо застонала: зонт остался на работе. Я достала его, чтобы нашарить на дне сумки пудреницу, а потом так и забыла на столе. Следовало очень сильно поторопиться, чтобы не попасть под ливень. Да и времени до назначенной встречи оставалось не так уж много. Одно дело опоздать на работу, где ты начальник, а другое — на встречу с человеком, от

которого тебе что-то надо.

Можно было проехать одну остановку на трамвае, пересесть на троллейбус — еще две остановки. И пешком минут десять. В общей сложности, учитывая пересадки и ожидание, полчаса минимум. Вызвать такси? Да бог его знает, когда оно появится. Может, через десять минут, а может, и через полчаса. Гроза ждать не станет. Чарушников тоже. Напрямик через парк можно добраться минут за пятнадцать, от силы двадцать. Даже на каблучках. В притык.

Вздыхнув тяжело, я пошла по аллеям, срезая углы, где только можно. Когда-то этот парк мы с подружками облазали вдоль и поперек, не было уголка, который не знали. Несмотря на то, что родители запрещали там гулять — место было не самое тихое. Конечно, с тех пор многое изменилось, но уж точно не география парка.

Духота была просто невыносимой. Воздух стал густым, он дрожал, как желе, и застревал в горле. Юбка липла к вспотевшим ногам, босоножки грызли ступни, сжимая их на манер испанского сапога. В ушах обморочно звенело. Страшно хотелось пить. А еще — присесть в тенечке хоть на одну минутку. Просто перевести дыхание. Время еще есть.

Наверно, я даже не очень удивилась, когда прямо передо мной оказалась скамейка. Никому не нужная в этом глухом закоулке парка, стоящая в отдалении от дорожки. Словно перенесенная какой-то неведомой силой из моего детства: сияющая свежей краской и серебряными звездами на чугунных боковинах, с выгнутой, как лебединая шея, спинкой из белоснежных реек. Мне неудержимо захотелось сесть на нее. И не просто, а по-хулигански — на спинку. Бессовестно поставив ноги на сиденье, не думая о том, что кто-то потом испачкает одежду. Словно зачарованная, забыв о грозе, наступающей на пятки, я сделала шаг, другой — и вскарабкалась на скамейку.

Сейчас кто-нибудь пройдет мимо, и мне будет стыдно: солидная тетка, мать семейства, сидит на спинке, как невоспитанный подросток. Как курица на насесте. Юбку расправила, каблучищи на сиденье поставила...

Я опустила глаза и... увидела вместо шелкового платья в цветах и разводах узкие джинсы-резинки. И потрепанные белые кроссовки — один шнурок зеленый, второй розовый. И полупрозрачную белую блузку под голубой ветровкой. А если бы посмотрела на себя в зеркало,

там наверняка отразилась бы россыпь мелких прыщиков под тщательно завитой мамиными щипцами челкой.

Мне снова было пятнадцать лет. И сидела я совсем на другой скамейке — обычной садовой лавке из выкрашенных в зеленый цвет досок. И вместо необычной для питерского июня жары — майская прохлада. В воздухе висела мелкая водяная пыль, вот-вот должен был пойти настоящий дождь. Пахло мокрой хвоей — над скамейкой нависали заросли тиса. Где-то рядом гулко, как из бочки, гукал голубь, раздувая шею перед подругой.

За шиворот упала холодная капля — я вздрогнула. Из-за поворота показалась полненькая коротко стриженная девочка. На ней были спортивные штаны и топик с «Титаником» под курткой. Маринка.

— Сидишь? — спросила она, ехидно усмехнувшись. — Котика ждешь? Ну сиди, жди. Бежит твой ненаглядный.

Я не ответила, и она пошла по дорожке дальше.

...В тот год зловерные педагоги придумали новый вид издевательства над учениками, который назвали почему-то «патриотическим и физическим воспитанием». С середины апреля, как только сошел снег, два раза в неделю все классы, с пятого по одиннадцатый, после уроков выходили в парк и «бегали». В добровольно-принудительном порядке. Количество «набеганных» классом километров суммировалось и отмечалось на большой карте, висящей в холле. Так мы «путешествовали» по России — кто дальше.

Начинание старательно саботировалось. Те, кто посмелее, просто удирали домой. Остальные лениво бродили по километровому кругу или вообще отсиживались на лавочках. Благо, надзирали за процессом старшеклассники из оргкомитета — такие же пофигисты, но отличники. Они без тени эмоций фиксировали в протоколе названные восемьдесят километров, даже если бегун в наглую просидел два часа на лавке рядом с ними. В нашем классе так делали все. Кроме Женьки Котова.

Женька был идейным. Наверно, если бы к тому времени еще существовал комсомол, он бы в него вступил. И «патриотическое воспитание» всецело поддерживал. Поэтому спущенное вниз решение педсовета выполнял от сих и до сих. И пока все дышали кислородом, он бегал по километровому кругу, как лошадь на ипподроме. Над ним посмеивались. А я его любила. Не за идейность, а вопреки. Ну, или

думала, что любила. Хотя в пятнадцать лет это одно и то же.

Отношения у нас были довольно странные. Мы дружили, а одноклассники считали, что у нас бурный роман. На самом же деле... Общение наше ограничивалось школьным зданием. Мы сидели за одной партой, писали друг другу записки, болтали на переменах и вместе ходили в буфет. Но он ни разу не проводил меня домой, не пригласил погулять или в кино. Почему? Не знаю. Я сходила с ума. Один его взгляд, одно слово могли поднять меня на седьмое небо или сбросить в преисподнюю. Кто еще помнит свою первую подростковую влюбленность, тот поймет.

Я мечтала остаться с ним наедине, подальше от назойливых, любопытных одноклассников. Впрочем, в этом не было ничего эдакого. Тогда я была на редкость наивна и неиспорчена. И — как моя любимая в то время героиня Скарлетт О'Хара — не уносила мечтами дальше признания в любви и поцелуя. Какое там! Женька даже на медленный танец на дискотеке меня ни разу не пригласил. Я так надеялась, что хоть в парке мы сможем погулять вдвоем. Но он упорно бегал, накручивая километры, чтобы наш класс вышел вперед и обогнал ненавистных «ашников».

В тот день я решила, что сама признаюсь ему в любви — как Скарлетт! И будь что будет. И плевать, что так не принято.

Погода испортилась, народ потихоньку уходил домой. И только Женька все бегал по кругу, да Маринка прогуливалась себе потихоньку, мешая мне, — словно назло. Я сидела на узкой неудобной спинке скамейки и ждала: еще круг, нет, еще один. Было прохладно, но по спине стекали струйки пота. Медное на вкус сердце колотилось в горле, а руки тряслись так, что мне пришлось крепко сжать кулаки. Ногти впились в ладони, но боли я не чувствовала.

Мимо прошла Маринка, усмехнулась, сказала очередную глупость. Я уже слышала его шаги за поворотом. «Сейчас. Или никогда».

Вот он поравнялся со скамейкой. Высокий, худой. Синий спортивный костюм, белые кроссовки. Взмокшие темные волосы упали на глаза. Не замедляя шага, повернул голову в мою сторону, улыбнулся. Я помахала рукой, и... ничего не произошло. Он побежал дальше. А я встала и пошла к выходу из парка, даже не записав в протокол свои насиженные километры.

На следующий день мы поссорились из-за какой-то ерунды и не

разговаривали до самого выпускного. А потом он уехал с родителями в другой город, и мы встретились только после окончания школы. Тогда у меня все уже перегорело, и мы изредка общались как приятели...

Маринкина куртка пропала за деревьями, шорох гравия под Женькиными кроссовками приближался.

«А что, если?..» — подумала я.

Мне не было страшно, как тогда. Я давно уже не была той неуверенной в себе девчонкой, безнадежно и безответно влюбленной в одноклассника. И отлично знала, что красива, что нравлюсь многим. Так неужели я позволю этому глупому мальчишке пробежать мимо?! Да черта с два!

Он поравнялся со скамейкой, повернул голову, улыбнулся.

— Жень, — позвала я низким, чуть хрипловатым голосом, глядя в упор.

— Что? — он остановился и настороженно посмотрел на меня.

— Иди сюда.

Я представила себе, что подманиваю пугливого, недоверчивого кота. Женька медленно подошел ко мне.

— Передохни немного, — я подвинулась, освобождая место на спинке рядом с собой.

— Надо бегать, — сказал он неуверенно. — Скоро дождь пойдет.

— Не пойдет. Пара минут погоды не сделают.

Он сел рядом и уставился на свои кроссовки, кусая губу и нервно барабанил пальцами по колену. Я ждала. Наконец Женька повернулся ко мне. Мы смотрели друг другу в глаза.

— Лерка! — сказал он тихо.

И я вдруг перестала быть умудренной опытом женщиной, и снова превратилась в девочку, которая впервые в жизни целуется с мальчиком, умирая от ужаса и восторга. Мы не знали, куда девать руки, нам мешали зубы и носы. И я не думала о том, что кто-то пройдет мимо и увидит нас. Его глаза были так близко от моих, что кружилась голова. Я зажмурилась, и снова открыла глаза, и...

Я тупо рассматривала цветы и разводы на юбке.

Если верить часам, не прошло и пары минут. Что это было? Я задремала? Или галлюцинация от жары? Со мной бывало такое, что запахи погружали в прошлое, и я не просто вспоминала какое-то событие, а словно еще раз проживала его. Но не настолько же глубоко,

чтобы изменить его. Да и запаху мокрого тиса взяться было неоткуда.

Неуклюже спрыгнув со скамейки, я поспешила к выходу из парка. Лиловый крокодил все ближе подбирался к солнцу, норовя проглотить его. Глухо прогремел гром.

Господи, и как он только мог мне нравиться?!

У него была перхоть и прыщи. Почему-то я вдруг представила, как он выдавливает их перед зеркалом. Бррр! От него противно пахло. Это был не тот остро возбуждающий, сводящий с ума аромат свежего мужского пота, а прогорклый запах, которым разит от подростков в период гормональной бури, если они не слишком дружат с душем. А еще у него были холодные влажные ладони.

Двадцать лет назад я ничего этого не замечала. А если и замечала, то не придавала никакого значения. Но теперь... Пятнадцатилетняя Лера целовалась с Котовым, умирая от счастья, а тридцатипятилетнюю в этот момент передергивало от отвращения. Впрочем, передергивало меня и сейчас — стоило только вспомнить. И зачем мне только понадобилось это представлять? Закрыть гештальт? И какое счастье, что ничего этого не было на самом деле!

Но теперь я хотя бы знала, с чего меня вчера так закрутило. Новый одеколон Вадима пах мокрым тисом. У сухих хвоинок запаха почти нет, если только не растереть их в руках, но у мокрых появляется тонкий терпкий аромат. И он был бы очень приятным — если бы не напоминал о том унижительном для меня моменте в парке. Сознание постаралось избавиться от этой ассоциации, загнав ее в самые глубокие подвалы. Но разговор в ресторане оказался камнем, брошенным в болото. А когда к нему добавился еще и одеколон...

Воспоминания полезли, как змеи из прохудившейся корзины факира, одно другого противнее.

Тетрадь. Наташа Леонтьева. Артем. Илья. Выпускной. Два Женькиных письма, над которыми я попеременно то рыдала, то хохотала. И все три следующих года, когда я считала себя никчемной уродиной — пока не встретила Вадима.

«Все, — сказала я себе. — Хватит, Лера. Будем считать, что это был катарсис. Тема закрыта».

Секретарша Чарушникова посмотрела на меня удивленно:

— Добрый день, Валерия Сергеевна. Вы договаривались с Максимом Петровичем? Он мне ничего не сказал.

— Час назад по телефону.

— Максим Петрович, к вам Соболева, — сказала она в интерком.

— Да? — удивленно рыкнул голос Чарушникова из коробочки. —

Проси.

Я зашла в кабинет, прикрыла за собой дверь поплотнее. Чарушников — рыхлый, лысоватый, в белой рубашке с закатанными рукавами — стоял у окна и вдыхал свежий воздух из форточки. Ливень начался, когда я поднималась по ступенькам бизнес-центра. Ну хоть в этом мне сегодня повезло.

— ВалерСергеевна, дорогая моя, — Чарушников подошел ко мне, поцеловал руку. — Чем обязан?

— Максим Петрович, давайте без клоунады, — поморщилась я. — Вы сказали, что это не телефонный разговор, я приехала поговорить не по телефону.

— О чем? — он приглашающе махнул рукой в сторону кресел у кофейного столика. — Чай, кофе?

— Кофе, пожалуйста. Об Ипатьеве.

— Вера, два кофе, — приказал Чарушников в интерком. — О том самом Ипатьеве? — он указал большим пальцем в потолок.

Я села в кресло, Чарушников устроился напротив. Несколько секунд мы с недоумением смотрели друг на друга. Похоже, ни один из нас не понимал, что происходит.

— О том самом Ипатьеве, — кивнула я. — Мне сказали, что он заказал вам свою новую кампанию.

— Ипатьев?! — изумился Чарушников. — Кто вам такую глупость сказал?

Не отвечая, я достала из сумки телефон и набрала номер, который мало кому был известен. Ипатьев отозвался после первого же гудка.

— Добрый день, Леонид Владимирович, Соболева беспокоит.

— Рад слышать, Валерия Сергеевна. Чем могу помочь?

— Леонид Владимирович, надеюсь, мы вас ничем не обидели? Не разочаровали?

— Ну что вы? Конечно, нет. А что случилось?

— И вы не собираетесь обратиться в другое PR-агентство?

— С какой стати? Мы с вами не первый год работаем, меня все устраивает.

— Спасибо. Извините за беспокойство.

— Ну? — Чарушников посмотрел на меня укоризненно. — Вы убедились?

— Час назад я позвонила и спросила вас об этом. Вы сказали, что не хотите обсуждать по телефону. Именно то, что Ипатьев, якобы, заказал вам рекламную кампанию.

— Час назад? — переспросил он. — Мы с вами разговаривали? ВалерСергевна, час назад меня, прошу прощения, имела налоговая. Во все природные отверстия по очереди. Так что вы что-то путаете.

Я вполне могла допустить, что Моховцу кто-то слил непроверенную информацию, и он позвонил мне. Чтобы я разобралась. Но то, что час назад я разговаривала с Чарушниковым и он всячески пытался от встречи отвертеться, в этом у меня никаких сомнений не было. Мне не показалось. И не приснилось.

Я открыла в телефоне журнал вызовов, пролистала.

Исходящего звонка Чарушникову в нем не значилось. Равно как и входящего от Моховца. Я вообще ни с кем не разговаривала с половины одиннадцатого утра.

Это было какое-то сумасшествие.

— Похоже, меня кто-то разыграл, — пробормотала я, не зная, что еще сказать, и чувствуя себя непроходимой идиоткой.

— Валерия Сергеевна, Лерочка! Вы же знаете, я к вам отношусь с большим уважением, — Чарушников замолчал: секретарша принесла на подносе две чашки кофе, сахар, сливки и печенье. Подождав, пока она выйдет, продолжил: — Вы настоящий профессионал, порядочный человек и просто очаровательная женщина. Я никогда не стал бы что-то делать у вас за спиной. Во-первых, мы с вами договорились, а я всегда строго придерживаюсь договоренностей. Конечно, если бы Ипатьев пришел и сказал: «не хочу Соболеву, хочу вас», мы не смогли бы ему отказать. Но я сразу же поставил бы вас в известность. И уж точно не стал бы его переманивать от вас. А во-вторых, я прекрасно знаю, что с вами лучше дружить, а не воевать. Так что Буратино сам себе не враг. Давайте выпьем кофе, и я поеду на встречу. Вы на машине?

— Сегодня нет, — машинально ответила я, размешивая сахар в чашке.

— Могу подбросить в центр. Там, похоже, надолго раскочегарило, — он кивнул в сторону окна.

— Спасибо, лучше до метро. И простите за беспокойство, Максим

Петрович. Какое-то недоразумение.

— Ничего страшного. Все бывает.

Мы быстро выпили кофе под светский разговор ни о чем, спустились вниз и добежали под его зонтом до машины.

В отличие от меня Чарушников давно обзавелся личным водителем. Глядя с заднего сидения на белобрысый затылок парнишки за рулем, я подумала, что за три последних года, когда у нас появились более-менее неплохие деньги, я так к ним и не привыкла. Не хотела менять Жорика, потому что пришлось бы приспособливаться к новой машине. И квартиру менять мы тоже не хотели, хотя, возможно, и стоит об этом подумать, если получится с ребенком. У меня не было домработницы, потому что неприятно было представить, как посторонний человек будет хозяйничать у меня в доме и трогать мои вещи. Только для мытья окон и прочей грязной работы пару раз в год я все-таки обращалась в клининг.

Вот и машину мне тоже нравилось водить самой. Но, с другой стороны, будь у меня водитель, не пришлось бы сегодня ехать на метро. И я не пошла бы через парк. Не уселась бы на ту чертову скамейку. А еще — не пришлось бы сейчас бежать под дождем без зонта от машины до метро. Водитель Чарушникова притормозил максимально близко к входу, но мне хватило пары минут, чтобы промокнуть насквозь.

Холодная мокрая юбка липла к ногам, босоножки хлюпали и жали ноги еще сильнее. От сквозняков начался озноб — не хватало только заболеть. Но это все было мелочью по сравнению с тем, что происходило. Мне казалось, что я сплю и никак не могу проснуться. Бывают такие многослойные кошмары, когда просыпаешься, но на самом деле это просто следующий уровень сна. Я даже не знала, что меня напугало больше: видение в парке или то, что произошло с Чарушниковым.

Может, мы в ресторане выпили что-то паленое, вызывающее галлюцинации? Но тогда, наверно, все должно было начаться еще вчера. И одними глюками дело вряд ли ограничилось бы. Да и из девчонок кто-нибудь обязательно позвонил бы, пили-то все одно и то же.

Наверняка этому есть какое-то объяснение, думала я. Очень простое объяснение. Зачастую все сложное оказывается простым, если разобраться. Никакой мистики, никакого наваждения. Возможно, я действительно задремала на работе, и мне все приснилось: и звонок

Славки, и разговор с Чарушниковым. Но сон этот был такой реалистичный, что я проснулась и даже не поняла, что спала. Подумала, что все было на самом деле. Подорвалась и поехала. С Ипатьевым ведь действительно не все было гладко. Кое-что из последних наших разработок ему не понравилось, даже пришлось срочно переписывать текст для его сайта. Он, конечно, сказал по телефону, что его все устраивает, но кто знает...

Ну а со скамейкой — еще проще. Накануне выпила, ночь не спала. Жара, духота. Да еще попала в место, с которым связаны неприятные воспоминания. Вот и примерещилось... всякое.

Найдя относительно правдоподобное объяснение, я немного успокоилась. Меня даже знобить стало меньше, и я подумала, что если сразу приму горячий душ и выпью чаю с малиной, может, и не заболею.

На работу я решила не возвращаться: не было ни сил, ни желания. На Удельной во всю светило солнце. Похоже, на юг гроза пришла от нас: вокруг морями разливались лужи, на поверхности которых плавала желтая пена сбитой с деревьев пыльцы. Купив на маленьком рыночке черешни, я из последних сил поплелась к дому. Поднялась на свой пятый этаж, открыла дверь, вошла в прихожую...

Что-то было не так. Определенно не так.

Я огляделась по сторонам. Все на своих местах. Вот только тапки куда-то пропали. Их давным-давно пора было выбросить: они стоптались до дыр и издавали при ходьбе странные звуки, как будто посвистывали. Когда мы заказывали какую-то доставку, мне было стыдно перед курьером, но в них было так удобно. Неужели Вадим их все-таки выкинул? А мне теперь что, босиком ходить?

Забравшись в тумбочку, я поворошила гостевые и вытащила совершенно незнакомую пару моего размера. Под синего леопарда. Такие я точно не покупала. Или покупала? А может, мама подарила?

Обойдя всю квартиру, я обнаружила еще кое-что по мелочам. Другое полотенце в ванной. Незнакомую футболку на стуле в комнате двойняшек. Толстый журнал на кухонном диванчике. Розовый пакет в мусорнике вместо обычных синих. А кое-чего наоборот не было. Пучеглазой рыбки в аквариуме. Чашки с ирисами, которая обычно стояла в сушилке. Того самого голубого флакона, который я утром достала вместо выброшенного зеленого. Горшка с фиалкой на кухонном подоконнике.

Похоже, дурной сон продолжался. Хотя... всему могло быть объяснение. Вадим уходил из дома на час позже меня. Он мог и полотенце новое достать, и пакет поменять, и чашку разбить. И журнал на кухне читать. Одеколон ему мог не понравиться, и он его выбросил — так же, как и мои тапки. Рыбка могла сдохнуть, и он ее выловил. Цветок? Ну, тоже мог свалить. Хотя обычно за ним такой неуклюжести не наблюдалось. Что там еще? Футболка? Можно подумать, я помнила всю Петько-Пашкину одежду, такие мелочи они себе сами покупали, без моего участия.

Ерунда, не в этом дело. Не могла я с порога знать, что в аквариуме нет телескопа, а на кухне фиалки. Просто пахло в квартире не так — не так, как обычно. Как пахло еще утром — вот что. И это меня испугало больше всего. У любого жилья за много лет появляется свой особый запах. Его не замечаешь, но если он вдруг исчезает или меняется, на это сразу обращаешь внимания. Причем именно вот так: что-то не в порядке. Но такие вещи не происходят за полдня. Чтобы устоявшийся годами запах стал другим, должны пройти недели, а то и месяцы.

По спине снова пробежала дрожь, и наконец до меня дошло, что не мешало бы поскорее снять мокрое платье. Да что там платье, за те пару минут, пока бежала от машины до входа в метро, я промокла до трусов. Стащив с себя все, я включила воду погорячее и стояла под душем, пока озноб не начал понемногу проходить.

Зеркало запотело и пошло крупными каплями.

Холодная капля, упавшая с куста за шиворот, когда я сидела на скамейке...

Руки, грудь, живот — все моментально покрылось гусиной кожей, каждый волосок на теле стал дыбом.

«Лера, спокойно! — скомандовала я. — Возьми себя в руки! Что-то сегодня такое в воздухе. Может, буря магнитная».

Выбравшись из ванны, я крепко, до красноты, растерлась махровым полотенцем, высушила волосы, надела теплый халат и носки. Пошла на кухню, поставила чайник, залезла в буфет. Моего любимого зеленого чая с мелиссой не было. Даже коробки. Хотя еще утром в ней оставалось штук десять пакетиков. Вадим забрал на работу? Но он пьет только черный. Не заметил, что в коробке что-то есть, и в хозяйственном припадке выбросил вместе с моими тапками, дохлой рыбкой и одеколоном? Это как надо смотреть, чтобы не заметить? Или вообще не смотреть?

Порывшись на полке, я нашла другую коробку — зеленый с жасмином. Купила и забыла? Но она оказалась наполовину пустой. Пила и забыла?!

Зазвонил телефон — с работы.

— Валерия Сергеевна, вы сегодня еще будете?

— Нет, Лена, не буду.

— Я Ира, — после секундной паузы донеслось из трубки.

— Прошу прощения, — машинально ответила я и нажала на

кнопку отбоя.

Вот тут-то меня и затрясло по-настоящему, да так, что руки заходили ходуном — чуть телефон не выронила.

Какая еще, к чертям собачьим, Ира?! Что происходит, твою мать?! Что сегодня такое целый день творится?!

Засвистел чайник, я налила в чашку кипятку, бросила пакетик, полезла в холодильник за банкой малинового варенья — и не нашла. Ну, кто бы сомневался! Выкинула пакетик, отхлебнула, обожглась, закашлялась. Села на стул и заплакала. Как там Вадим утром сказал? Паника-истерика? Ну да, именно так. Это была самая настоящая паника с подступающей истерикой. Хоть саму себя по морде хлопай.

Я встала, походила по кухне взад-вперед, посмотрела в окно, подышала глубоко, наклонив голову.

Так, Лера, спокойно. Всему есть объяснение. Да, вот так сегодня звезды сошлись, одно на другое. Бывает. Чай купила давно, пила-пила, потом купила с мелиссой, а жасмин в угол задвинула и забыла. Варенье Вадим доел. И мелиссу выбросил. Может, задумался и машинально. А Ира — помощница главбуха. Просто Валентине что-то от меня понадобилось, она и попросила Иру узнать, вернусь ли я в офис. Та пошла к Лене, Лена куда-то вышла, Ира позвонила с ее городского телефона. Только и всего.

А почему в квартире пахнет по-другому?

По кочану. Тебе показалось. Все, пей чай и ложись спать. У тебя крыша едет от недосыпа и переутомления.

Так я и сделала. Пожалев, что в аптечке нет ничего успокоительного, даже валерьянки. Ну вот как-то без надобности было. Впрочем, обошлась и так. Легла на кровать, укрылась пледом и тут же уснула — как в яму провалилась. И проснулась от звука открываемой двери. Посмотрела на телефон — половина восьмого.

Нашарив тапки и вздрогнув от их отвратительной расцветки, я пошла в прихожую. Вадим пристраивал на полку свой солидный профессорский портфель.

— Привет! — сказала я, подходя к нему, чтобы поцеловать.

— Привет, — равнодушно отозвался он, повернулся в мою сторону, и я отшатнулась, икнув от неожиданности.

Он был без бороды!

Ровнял утром, ровнял — и сбрил совсем? Ничего себе сюрприз.

Бороду Вадим отрастил лет десять назад — для солидности. Без нее он выглядел заметно моложе. Привыкла я к ней не сразу, но теперь уже и не представляла его бритым. Как будто совсем другой человек.

— Мог бы и предупредить.

— О чем? — Вадим удивленно приподнял брови.

— Что бороду сбрил.

— Лер, с тобой все в порядке? Или это ты так прикалываешься?

— Похоже, это ты прикалываешься, — возмутилась я. — А если бы мне взбрестило наголо подстричься или в зеленый цвет покраситься?

— Хозяин — барин, — хмыкнул он и пошел в спальню переодеваться.

Натянув шорты и синюю футболку, Вадим отправился на кухню, открыл холодильник.

— Я уснула, — виновато сказала я, стоя в дверях. — Не успела ничего приготовить. Подожди, сейчас что-нибудь соображу быстренько.

— Да? Даже так? — Вадим обернулся и посмотрел на меня с какой-то странной иронией. — Ну как хочешь.

Обойдя меня, он ушел в гостиную и закрыл дверь. Меня снова начало потряхивать.

Так, спокойно, спокойно... Сейчас сядем за стол и разберемся. Может, что-то на работе опять. Или мамочка позвонила, мозг выела. Или дети на даче что-нибудь натворили, и он не знает, как мне лучше рассказать.

Я заглянула в холодильник и вспомнила, что когда искала варенье, показалось, будто чего-то не хватает. Точно! Красной кастрюльки с котлетами. Я их обычно обжаривала, а потом тушила в чугунной кастрюле. Как раз позавчера сделала, и должно было оставаться еще штук пять-шесть.

Кастрюля нашлась в шкафу. Вымытая и задвинутая в уголок. Очень интересно...

В морозилке обнаружили покупные пельмени. Совсем красота! Надо ли говорить, что их я тоже не покупала, потому что вообще не покупаю готовые пельмени. Пока они варились, мне в голову пришла совершенно дикая мысль.

А что, если Вадим зачем-то решил свести меня с ума? Есть такая штука, называется «газлайтинг». Это в каком-то старом фильме было, там муж с женой подобную вещь проделал. Она говорила, что лампы

мигают или что-то в этом роде, а муж утверждал, что ей все кажется, что она чокнутая. В конце концов она, вроде, действительно сошла с ума. А с лампами он что-то делал, чтобы мигали, как-то газ прикручивал.

Блин, ну что за бред?

Пельмени сварилась, я раскидала их по тарелкам, достала сметану и пошла за Вадимом. Он лежал на диване и читал что-то в планшете.

— Пойдем есть, — сказала я.

— Офигеть, — пробормотал он, поднимаясь. — Меня пригласили к трапезе. Где-то медведь сдох. И что у нас там? Пицца — нельзя не отравиться?

— Пельмени, — буркнула я, начиная закипать. — Были котлеты, но кто-то их сожрал. Наверно, домовый завелся. Даже кастрюлю помыл и убрал.

— Значит, пельмени... — Вадим сел за стол, взял вилку, скептически посмотрел в тарелку. — Нашла мою заначку, молодец.

— Вадим, а что вообще происходит? Какого черта ты так со мной разговариваешь?

— Как — так? — он насадил на вилку пельмень, обмакнул в сметану, отправил в рот. — И что такого особенного происходит?

— Да вот мне тоже интересно.

— Лера... У тебя сегодня что — вечер шутки-самосмейки? Шам шучу, шам шмеюсь?

— В каком смысле?

Я сдерживалась из последних сил, готовая то ли разреветься, то ли разораться. Хотелось надеть ему тарелку с пельменями на голову.

— Бороду я сбрил три года назад, и тебе было глубоко пофигу. Котлеты ты последний раз готовила, еще когда Петька с Пашкой на дачу не уехали. В конце мая где-то. А ужинали мы с тобой вдвоем, без них... слушай, я не помню, когда это было в последний раз. И даже пытаться не буду вспомнить. Вот и спрашиваю: тебе захотелось повеселиться, или в голове что-то коротнуло?

Вадим бросил вилку, резко встал и вышел из кухни. Я услышала, как хлопнула дверь гостиной.

«Этого просто не может быть», — крутилось в голове, как заевшая пластинка.

Интересно, с чего вдруг мне в голову пришло такое сравнение? Когда я в последний раз видела пластинку — хоть заевшую, хоть какую? И почему вообще об этом думаю?

Я взяла вилку и начала с маниакальной жадностью поедать пельмени — один за другим, не чувствуя вкуса. Доела и вылизала с тарелки остатки сметаны. Покосилась на тарелку Вадима, но сдержалась. Вот только еще психического жора не хватало для полного счастья.

Остался всего один крошечный шажочек, чтобы поверить. Либо в то, что я спятила, либо в то, что произошло, о чем пишут в фантастических романах. На скамейке в парке — это было не воспоминание, не видение. Я действительно на две минуты оказалась в прошлом. Вернулась на двадцать лет назад. Не зря мне эта чертова скамейка сразу же показалась какой-то подозрительной. И не зря меня к ней потянуло, как магнитом. Присесть на секундочку. И если бы просто вернулась. Нет, мне зачем-то понадобилось это прошлое изменить.

Как там у Брэдбери было? Раздавил какой-то растяпа в прошлом бабочку, а в настоящем выбрали не того президента. И даже орфография изменилась.

Что же я наделала-то?

Но откуда мне было знать? Все было похоже на то, что я просто очень ярко вспомнила произошедшее когда-то на этом самом месте. И представила, что могло случиться, если бы все-таки решилась окликнуть Женьку. Может, это и правда был момент-развилка, один из тех ключевых, которые определяют дальнейшую жизнь?

Нет, это определенно бред какой-то! Не может быть! Все-таки сон. Длинный, запутанный, кошмарный сон. Когда знаешь, что спишь, но никак не можешь проснуться. Завтра утром я встану, и все будет по-прежнему.

Я уговаривала себя, пытаюсь не смотреть на свои дрожащие руки. Встала, накрыла крышкой тарелку Вадима, убрала в холодильник. Протерла тряпкой стол — одну кафельную плитку за другой. Закинула посуду в посудомойку. Вышла в холл, постояла, глядя на закрытую дверь гостиной, из-под которой пробивалась полоска света.

Может, попробовать поговорить? Но что я ему скажу? Знаешь, я тут случайно изменила прошлое, и поэтому у нас все пошло через задницу? А он случайно не вызовет мне психперевозку?

Стоп, Лера, еще раз. Мы же решили, что это сон. Значит, надо позволить ему идти своим чередом. Расслабиться и плыть по течению.

Я взяла со столика в холле свой ноутбук и пошла с ним в спальню. Не мешало бы еще раз просмотреть все наши последние наработки по Ипатьеву. На всякий случай. Ложиться было еще рано, и я просто прилегла поверх покрывала, накрыв ноги пледом. Старенький ноут плохо держал заряд, обычно я включала его в розетку. Вот и сейчас нагнулась, воткнула вилку...

Твою ж мать!

Вместо моего старичка Самсунга на тумбочке сиял надкусанным яблоком новенький Мак. У меня! Да я была убежденной антияблочницей и Мак не взяла бы даже бесплатно. Равно как айфон, айпад и всякий прочий ай. Не говоря уже о том, что просто не знала, как с ним обращаться.

Через полчаса мучений и крепких словечек мне удалось наконец зайти в рабочие папки и открыть материалы Ипатьева.

Это были совсем другие тексты. Не те, которые я утверждала. Мне стало нехорошо. Лучше уж поскорее уснуть. Да, вот так. Уснуть во сне, чтобы поскорее проснуться.

Я встала, разобрала постель, пошла в ванную, почистила зубы, намазала лицо кремом. Часть баночек и пузырьков, стоявших на стиралке, оказались совершенно незнакомыми. И ночная рубашка на крючке — тоже.

Да плевать уже, валите все до кучи. Пусть все будет другое. Может, у меня в этом варианте и хвост вырос? Я на полном серьезе провела рукой по копчику — хвоста не было.

Забравшись под одеяло, я выключила свет. Интересно, Вадим спит в гостиной — или все так же, как и в настоящем нашем прошлом? Я вспомнила, как мы больше двух месяцев спали рядом, стараясь даже

случайно не прикоснуться друг к другу. Благо, кровать большая и одеяло у каждого свое.

Как же это все произошло? Мы так и не помирились пять лет назад? Или что-то случилось еще раньше? Но почему тогда не развелись? Он сказал, что сбрил бороду три года назад и мне было пофигу. Значит, точно не меньше трех лет все продолжается. И ведь не спросишь же.

Я начала дремать, продолжая прокручивать в голове события дня, и, незаметно для себя заснула. И проснулась, когда сквозь занавески пробивался бледный свет белой ночи. Вадим вошел в спальню, лег и повернулся ко мне спиной.

Ну вот, я проснулась — и что? Можно было, конечно, включить светильник и посмотреть, что за тапки стоят у кровати. Но я протянула руку и провела по спине Вадима. В конце концов, если весь кошмар мне приснился, ничего плохого и не будет. А если нет... ну, тогда уже вряд ли можно испортить ситуацию еще больше.

Он повернулся ко мне — его лицо смутно белело в полумраке.

— Ну, и чего ты хочешь? — поинтересовался он то ли с насмешкой, то ли с издевкой.

— Тебя, — ответила я, словно в воду нырнула.

— Да что ты говоришь?! Моя ты крошечка-хаврошечка! Да неужели? Тебя что, кто-то с ноги запустил на луну? Лерка, а может, ты залетела часом? Аборт делать жалко, переспешь со мной, потерпишь как-нибудь, а потом родится недоношенный ребеночек. Бывает, что поделаешь.

Мне показалось, что я ударила его со всей силы, но звук пощечины получился какой-то слабенький, хилый. Я встала и босиком ушла в гостиную. Села на диван, подтянула колени, уткнулась в них лбом.

Ничего мне не приснилось. Все это на самом деле. Моя жизнь, о которой я ничего не знаю. Последний момент, за который я могу поручиться со стопроцентной уверенностью, — тот майский день двадцать лет назад, когда я ждала Котика на скамейке в парке. Тогда я не решилась позвать его, и он пробежал мимо. Так было — на самом деле. Пока прошлое не изменилось по моей дурацкой прихоти. И все пошло иначе. Как поезд, свернувший на стрелке не туда.

Что произошло за эти двадцать лет? Я словно попала в аварию и потеряла память. Нет, не так. Словно пролежала все эти годы в коме, а

теперь очнулась. Что-то помню, что-то нет, а что-то вообще случилось без моего участия. Какие-то события — как сигнальные вешки. Мы с Вадимом встретились, поженились, у нас дети — Петр и Павел. Но кто знает, может, и это все было совсем иначе.

Медленные, тяжелые шаги по коридору, через холл. Вадим вошел в гостиную, сел рядом со мной на диван, положил руку мне на колено.

— Прости, — сказал он, тяжело вздохнув. — Я не должен был...

— Вадим, я не знаю...

— Не надо, Лера. Твой вот этот внезапный неуклюжий интерес — просто мурашки по коже. Не по себе. И это мягко сказано. Неужели ты думаешь, что через пять лет можно что-то исправить?

Значит, все-таки мы не помирились тогда, подумала я. Не получилось...

— Почему мы не развелись?

— Издеваешься? — Вадим убрал руку. — Я предлагал. Но ты встала в позу: тебе надо — ты и занимайся. Иди в суд, подавай заявление. Хотя не я все это начал. Или ты уже и это не помнишь?

Я молчала. Что тут можно было сказать? Что действительно ничего не помню?

— И вот так прошло пять лет. Пять, Карл! Я сначала все ждал, как идиот, а вдруг все-таки как-то само собой рассосется. Наладится. Один раз пытался поговорить — огреб по первое число. Потом ты сама полезла, но все равно я остался дураком. Думал, попробую еще раз. Сидел, ждал тебя до ночи. А ты заявила пьяная, в блядском платье, с цветочком. Такая все «ачетакова?!» Больше уже и не пытался. А для всех мы изображали нормальную семью. Только кого обманули? Родителей, детей? Черта с два. Подружек твоих? Да плевать я на них хотел.

— И тем не менее мы все это время спали в одной постели, — горько усмехнулась я.

— Ты думала, что я уйду на диван? Знаешь, если тебе так надо, спи на нем сама. А мне ты не мешаешь.

— Совсем? — я проглотила тугой комок. — Совсем не мешаю?

— Ты об этом? Сама прекрасно знаешь, что ни уму, ни сердцу, ни какому месту. И я тебе после последнего раза сказал, что хватит. Тупо хочешь секса — найди себе кого-нибудь, а меня оставь в покое. Я тебе не вибратор. И мне показалось, что ты последовала моему совету.

— И тебе все равно? Абсолютно все равно?

— Ты же знаешь, что нет. Во всяком случае было.

— А теперь?

— А теперь... Не знаю. Наверно, уже все равно. А что ты, собственно, хотела услышать? Что я до сих пор страдаю? Что все так же люблю тебя и страстно хочу? Нет, Лера. Не страдаю. И не хочу. Так что давай уже цирк заканчивать, третий час ночи. Иди ложись. Или здесь спи, дело твое.

Он встал и пошел в спальню. А я легла, накрылась с головой пледом и долго плакала в подушку.

Под утро мне в голову пришла конгениальная мысль.

Как я все испортила, так все надо и исправить. Снова поехать в парк. Сесть на ту же чертову скамейку. Пусть она еще раз закинет меня в тот момент. Котик пробежит мимо, я помашу ему — и все. И все станет как прежде.

Почему у меня возникла такая твердая уверенность, что получится? Я не представляла. Но уснула как ребенок, которому пообещали, что все будет хорошо. И мячик найдется, и мама за двойку не накажет, и в кино в субботу отпустят.

Когда я утром проснулась, Вадим уже ушел. С трудом расправив затекшую спину, шею и ноги, я поняла, почему он предпочел спать со мной в одной постели. Выбрал из двух зол меньшее. Вполне симпатичный с виду диван, на котором было так уютно поваляться с книжкой, для длительного сна был совершенно не предназначен. У меня болело все, как будто после многочасовой пытки. Появилось страстное желание позвонить на работу, сказатья больной и остаться дома. Но в ежедневнике значилось несколько очень важных встреч, которые вряд ли можно было отменить.

Или... не было никаких важных встреч? Теперь ведь все по-другому. Может, я вообще там уже и не работаю? Или никогда не работала? Хотя нет, если бы не работала, Лена бы мне не звонила, чтобы выяснить, вернусь я или нет. То есть не Лена, а как там ее? Ира. И частного телефона Ипатьева у меня не было бы. В общем, в офис надо было съездить хотя бы уже только для того, чтобы разведать обстановку. Ведь если не получится все вернуть (нет-нет-нет, только не это, пожалуйста!), как-то придется в этом жить. Приспосабливаться. Человек — тварь такая, ко всему может приспособиться. Даже если с Вадимом все совершенно безнадежно, у нас, на минуточку, двое детей. Сказать «сгорел сарай — гори и хата» точно не получится.

При детальном рассмотрении мелких несоответствий оказалось море. Я то и дело натыкалась на незнакомые вещи и не могла найти то, к чему привыкла. Что-то лежало в других местах, чего-то вообще не было. А уж в шкафу и вовсе все оказалось драмой. Я всегда привязывалась к удобной одежде и носила ее долго, даже если и не очень часто. Но даже на беглый взгляд почти ничего из того, что я любила, не вешалках и полках не оказалось. И, кстати, того темно-розового или бледно-малинового платья, в котором я была в ресторане с Гришей, тоже не было. Интересно, какое же тогда Вадим назвал блядским?

Но изучать весь свой гардероб не было ни времени, ни желания. После грозы ожидаемо похолодало, градусов на десять сразу. Тучи висели низко, едва не задевая крыши. Полиэтиленовые пакеты,

удравшие из помойки, подлетали этажа до четвертого, демонстрируя тем самым силу ветра. Подумав, я достала свободные черные брюки, красную шелковую блузку и длинный белый кардиган. Сделала соответствующий макияж, собрала волосы в низкий узел на шее.

Завтракать не хотелось, но я все-таки заставила себя съесть бутерброд с сыром и выпить чашку кофе. Тарелка с пельменями так и стояла в холодильнике, но сейчас они не вызывали абсолютно никакого вожделения. Когда я нервничала, периоды дикого жора чередовались у меня с полным отсутствием аппетита. Может быть, поэтому мне и удавалось более-менее держаться в одном весе.

Перекинув все нужное, в том числе и запасной зонтик, в черную сумку, я нашла в обувнице черные лодочки, вполне подходящие. Ощущение было такое, как будто я оказалась в чужом доме и пользуюсь чужими вещами. Вроде бы все было мое, выбрано мною — но... как будто здесь жила моя сестра-близнец? Нет, не так. У той женщины было мое тело, а вот наши вкусы, привычки и воспоминания совпадали лишь до пятнадцатилетнего возраста. А потом мы начали медленно расходиться. Да, у нас было много общего. Наверно, больше общего, чем различий, но все же у каждой было что-то свое, совершенно не свойственное для другой. Вплоть до того, что я не купила бы эту сумку. И туфли. И зонтик. И дорогушие Adhil Assoluto от Тицианы Теренци показались мне приторными и вызывающими.

Я спустилась вниз, подошла к стоянке.

— Доброе утро, Валерия Сергеевна, — кивнул из будки незнакомый охранник.

В углу, куда мы с Вадимом всегда ставили машины, не было ни Жорика, ни Прелести. Там стоял новый зеленый Паджеро-спорт, а рядом серый рено Дастер. Я достала из сумки ключ с привычным логотипом трех бриллиантов, потом обложку с правами и техпаспортом. Да, спорт оказался моим. А у «пылесоса» за лобовым стеклом красовался резиновый крокодил, которого мы с Вадимом шесть лет назад купили в Черногории.

По идее, спорт тоже можно было звать Жориком, но не хотелось. Он был чужой, неудобный и неуютный. В нем все было не так. Спасибо хоть коробка-автомат, а то далеко бы я уехала на механике. Впрочем, на механике я никогда и не ездила, только в автошколе. И вряд ли эта Лера была фанаткой ручки, если купила машину с автоматом.

Кое-как разобравшись с непривычными и вовсе неизвестными кнопками, которых не было у Жорика, я вырулила на улицу и поехала отточенным до автоматизма маршрутом. Когда часто едешь по одним и тем же улицам, уже на автопилоте объезжаешь рытвины, перестраиваешься на повороты, сбрасываешь скорость в опасных местах. Подсознание в это время следит за меняющейся обстановкой, а сознание занято чем-то насущным. Ну а что у меня было насущным — очевидно.

Во всем этом театре абсурда был один наиболее абсурдный момент. Мое сознание, мысли, воспоминания — в общем, моя личность вытеснила ту Леру, которая жила в «Котиковой» реальности. Интересно, и куда же она делась? Просто исчезла?

Меня резко подрезала белая бэха, и я встряхнула головой, выгоняя оттуда лишние мысли. На дороге — как на войне. Отвлечешься — и ты труп.

Охранник на входе в бизнес-центр, где мы арендовали офис, был тот же самый — уже приятно. Пропуск не потребовал, кивнул приветливо. Значит, работаю я здесь. А вот двух девушек в лифте, которые со мной поздоровались, я не знала. И в приемной сидела такая оторва, что мне стало дурно. Это моя секретарша?! Вот эта овца с малиновыми волосами и губами в пол-лица?! Ленка университет окончила и три языка знала, а это что за чудо-юдо?

— Доброе утро, Валерия Сергеевна, — томно пропела она.

— Доброе, Ира. Сделай... мне кофе, пожалуйста.

Я запнулась, потому что не знала, как обратиться — на вы или на ты. В той жизни я ко всем сотрудниками обращалась на вы, кроме Лены, главбуха Валентины — моей приятельницы, и креативного директора Сергея, которого знала еще с университета. Но в лице у Иры ничего не изменилось, так что, похоже, я угадала.

Сев за стол и включив компьютер, я подумала, что не мешало бы познакомиться со штатным расписанием. Работает ли здесь хоть кто-нибудь, кого я знаю? Обычно день у меня начинался с медитации над ежедневником: встречи, проекты, договоры. Но в ящике стола ничего похожего не обнаружилось. Зато нашлось какое-то замысловатое приложение в телефоне. К счастью, телефон был тот же, а то ведь с моей альтер эго случилось бы и айфон купить. В расписании на сегодня не значилось ничего, кроме встречи с неким Кулаковым, да и то под

вопросом.

В телефонной записной книжке Кулаков нашелся, но без каких-либо пометок. Он мог быть кем угодно. Важным клиентом, сотрудником, автослесарем или даже гинекологом. Ладно, пойдем методом исключения.

Ира принесла кофе, я рассеянно поблагодарила и открыла в компьютере кадровую программу. Не обнаружив Кулакова, просмотрела все позиции. Знакомых фамилий оказалось больше половины, в том числе Сергей и Валентина, это обрадовало. Потом я зашла в клиентскую базу данных и с облегчением нашла там Ивана Андреевича Кулакова, скромно обозначенного как «писатель». Закрыв программу, я нажала кнопку интеркома и попросила Иру зайти.

— У меня Кулаков значится под вопросом на сегодня, — сказала я, когда она появилась в дверях. — Выясни, пожалуйста, что там с ним. А то мне после обеда надо будет уехать.

Оказалось, что Кулаков — издаваемый графоман, которого мы активно и небезуспешно пиарим. И что он в больнице, поэтому встреча моя с ним благополучно отменилась. До обеда я занималась всякой мелкой текучкой, которую обычно не любила, но сейчас была ей только рада. Она не позволяла думать о том, получится ли все исправить или нет. А если не получится — как жить дальше.

В час дня я прикинула, не сходить ли в столовую, но поняла, что кусок не полезет в горло. Предупредила Иру, что ухожу, и пошла по коридору к лифту.

«А где гарантия, Лера, что ты снова попадешь именно в тот день, если вообще попадешь? — спрашивала я себя, пока лифт полз вниз. — А если даже попадешь — что, если ситуация осложнится еще больше?»

Вопросы эти смело можно было считать риторическими, потому что ответов на них не было. Но я всегда считала, что лучше сделать что-то и пожалеть, чем не сделать и жалеть об упущенной возможности.

Выйдя на стоянку, я села в противную безымянную машину и доехала до парка Победы. Поставила ее на Кузнецовской, рискуя разыскивать потом на штраф-стоянке, вошла в парк через боковой вход. Мелкие сырые камешки хрустели под ногами, загадочным образом набивались в туфли. Непросохшие газоны щетинились подстриженной травой. Шелестели листьями липы и еще какие-то деревья, название которых я так и не удосужилась узнать.

Обогнув детскую площадку, я перешла мостик, пересекла асфальтовое поле, где зимой заливали каток, и свернула на безлюдную аллею. Скамейка никуда не делась, так и стояла чуть в стороне от дорожки, сверкая белоснежной краской. Да, та самая зеленая лавка когда-то была именно на этом месте. Вот только заросли тиса исчезли. Вместо них за скамейкой росли хилые декоративные кустики, у которых даже после вчерашней грозы был тусклый, пыльный вид.

Оглянувшись по сторонам, я вскарабкалась на спинку и попыталась мысленно вернуться в майский день двадцатилетней давности. Мне пятнадцать, я сижу и жду мальчика, в которого влюблена...

Минута шла за минутой, ничего не происходило. Небо хмурилось, деревья шумели на ветру. Я плотнее запахнула кардиган, но теплее не стало.

— Как не стыдно-то? — услышала я скрипучий старушечий голос. — Взрослая женщина, а уселась, как шпана, ноги на скамейку поставила.

Маленького росточка бабуля с моськой на поводке стояла на тропинке, свирепо глядя на меня.

— А с собаками в парке гулять запрещено, — огрызнулась я, слезая со скамейки.

«Ооо, на мою девушку упал космодесантник», — крутилась в голове строчка идиотской песни, которая с завидной регулярностью всплывала, стоило мне оказаться в ситуации полной растерянности. Как будто пробивало некую защиту.

Ничего не вышло.

Это было похоже на катастрофу, после которой снова предстояло учиться жить. Мой однокурсник Витька Грачев попал под электричку. Шел вечером через переезд в наушниках, надвинув на глаза капюшон. Ему еще повезло, что она только от платформы отъехала. Месяц комы, переломы, одну ногу ампутировали. Учился говорить, держать ложку, ходить — сначала на костылях, потом на протезе. Говорил, что хотел покончить с собой, но родители не дали. Потихоньку смирился, привык, освоился с новой жизнью. Закончил универ, нашел работу, женился. Сын родился, потом дочь.

Можно было убеждать себя, что, по сравнению со многими, я просто счастливица. Жива, здорова, мать двоих детей, директор крупной компании. С мужем вот только... Ну так он тоже никуда пока не делся. Живет со мной, даже спит рядом. У многих все намного хуже.

Вот только сравнение со «многими» мне никогда не помогало. У них свое, у меня — свое. И это свое было для меня намного серьезнее, чем чужие драмы. Так уж человек устроен, что собственный порезанный палец для него куда важнее, чем война в Сирии.

Поворачивая на Московский, я чуть не засобачила автобус и поняла, что так дело не пойдет. Надо было хоть немного успокоиться. Собрать себя веничком на совочек. Высмотрев свободное место, я припарковалась у пекарни-кондитерской.

Народу оказалось немного, я взяла кофе и пирожок с вишней, села за столик.

Когда к нам в агентство приходил новый клиент, самым сложным было выяснить, чего он хочет, и четко очертить границы, в которых предстояло действовать. Мы не занимались рекламой товаров или продуктов, нашей задачей было создать имидж, неважно, конкретного человека или компании, и донести его в массы. Но большинство

клиентов не могли сформулировать свои пожелания, кроме как «сделайте меня популярным». Я заставляла сотрудников строить сетку: что мы знаем о заказчике и каким хотим его показать. Определять исходные точки, от которых можно было отталкиваться.

Сейчас мне предстояло заниматься тем же самым, только для себя. Передо мной как будто болото расстилалось, надо было нащупать относительно твердые места, расставить вешки, а потом уже настилать гать. Самым сложным было то, что у меня не было возможности задавать прямые вопросы о себе, только очень извилисто и в обход.

Для начала я позвонила маме на дачу. Это был совершенно обычный разговор, ничего неожиданного или странного. Примерно так же я разговаривала с ней несколько дней назад.

— Ты как обычно приедешь? В субботу? — спросила она под конец. — Скажи Вадику, пусть кваса купит по дороге, тут перестали наш продавать. И тортик захвати какой-нибудь.

Ага, значит, на дачу мы с Вадимом ездим порознь. В последние годы он в пятницу заканчивал работу раньше и сразу, не заезжая домой, отправлялся в Белоостров. А я, чтобы не попасть в самые плотные пробки, — в субботу утром, причем чаще на электричке, чтобы обратно ехать в одной машине. Если бы мы ездили вместе, мама сказала бы «купите квасу». Ну хоть не по очереди, через выходные, как в то лето холодной войны. Похоже, изобразить нормальные отношения у нас вошло в рутинную привычку. Вот только у меня такой привычки не было. Справлюсь ли?

Стоп! Тортик! Ну конечно, день рождения же! Последняя серия. Обычно на даче мы отмечали скромно, просто мама готовила что-нибудь повкуснее. Ну там тосты, подарки, само собой, но, как говорил Вадим, без фанатизма. А кстати, интересно, отмечали ли мы с девочками в «Абрикосове»? Или в этой реальности такая традиция не сложилась? Впрочем, на этот вопрос ответ нашелся легко, в телефонном ежедневнике «Абрикосов» был записан так же — на вторник.

После мамы я позвонила детям, то есть Петьке. Обычно, если не нужен был кто-то конкретно, я звонила им по очереди. И вот тут разница уже была заметна. Не бодрое «привет, мамонт!», а вялое «привет, ма». Да-да, у нас все нормально, пока. Меня словно лапой железной продрало — так это отличалось от наших обычных разговоров.

Что же мы наделали — что я наделала! Ладно мы, но дети, пять лет живущие с родителями, которые зачем-то притворяются, что между ними все хорошо...

Сделав пару глубоких вдохов, я пролистала записную книжку с начала до конца, отмечая чьи номера в ней есть, а чьих нет. Сначала на рабочей симке, потом на личной. Среди множества прочих телефонов на ней обнаружили все четыре мои подруги. А еще — некий Евгений. Просто так, без фамилии. Мне стало нехорошо. Разумеется, это мог быть и не Котик. И вообще — достаточно было просто набрать номер и выяснить, но мне категорически не хотелось этого делать.

Подумав, я открыла вайбер и написала Моховцу:

«Мох, знаешь в Питере хорошего частного детектива? Неболтливое?»

Ответ пришел незамедлительно:

«Бизнес или личное?»

«Личное», — ответила я.

«Неужто профессор пошел налево?», — сообщение сопровождал подмигивающий смайлик.

«Нет. Можно без стеба?»

«ОК. Пошукаю».

Отложив телефон, я подцепила с тарелки остаток пирожка, отправила в рот — и тут же раздался противный хруст. Подставив ложку, я выплюнула на нее разгрызенную косточку и осколок зуба. Приличный такой осколок.

Все говно к нашему берегу! Спасибо хоть не передний.

— И как это называется? — поинтересовалась я, подойдя к прилавку и продемонстрировав ложку с косточкой и зубом.

Девушка-продавщица начала оправдываться, что она тут ни при чем, она же не пекарь. Прибежал пекарь и начал оправдываться, что он тут ни при чем, такие полуфабрикаты привезли. Очередь тем временем поредела — несколько человек развернулись и ушли. Мне вернули деньги за кофе и пирожок и накидали здоровенный пакет всего, в чем точно не было косточек. Конечно, я могла накатать жалобу. Или даже подать иск в суд. Но мне только этого сейчас и не хватало. Забрав пакет, я вышла и села в машину.

Надо все-таки придумать ей имя, промелькнула мысль. Или нет, ему, а не ей. Хоть и непривычный, нелюбимый, но что поделать.

Придется привыкать. Жорик точно нет, пусть будет Джерри, что ли.

— Кирюх, привет! — я завела двигатель и набрала номер Киры. — Слушай, зуб сломала. Ты как?

— Снова здорово! — проворчала Кира. — Сильно горит? Какой зуб-то?

— Пятерка, верхняя.

— Фигово. Сильно пасть не разевай, видно будет. Завтра я выходная, в субботу все забито. В понедельник приезжай, часам к шести, посмотрим. Кстати, разговор есть. Ладно, давай, у меня пациент с открытым ртом сидит.

Когда я уже подъезжала к дому, телефон коротко хрюкнул: пришло сообщение в вайбер. Заехав на стоянку, я открыла и обнаружила отправленный Славкой номер телефона с припиской: «Василий Упадышев. Сошлись на Штепу. Берет дорого. Если придешь инкогнито — двойная цена. Удачи».

Я уже почти вошла в парадную, но сообразила, что в холодильникемышь повесилась — если не брать в расчет вчерашние пельмени. Развернулась и пошла в магазин. Набрала три пакета, пришла домой и забила холодильник до отказа. Потом включила компьютер, набрала в ворде свою фамилию, имя, отчество, дату рождения, домашний адрес, место работы, марку и номер машины. Отправила на печать и нашла относительно свежую фотографию. Сложила все это в файл и потянулась за телефоном, но вовремя остановилась.

Разумеется, частный детектив быстро выяснит номер моего мобильного и, вполне вероятно, заметит, что именно с него был звонок от клиентки, пожелавшей остаться инкогнито. И дама эта, выходит, заказала досье на саму себя. Так тупо палиться мне не хотелось.

Я не поленилась выйти из дома и заглянуть в ближайший салон красоты. Положила перед администратором на стойку приятную купюру и попросила разрешения позвонить по городскому телефону. Девушка удивленно заморгала, но без возражений пододвинула ко мне телефон. Детектив снял трубку после первого же гудка.

— Упадышев, — отрекомендовался он. — Слушаю.

— Здравствуйте, Василий, — сказала я, стараясь говорить монотонно, без узнаваемых интонаций. — Мне вас порекомендовал Штепа.

— Штепа... — повторил он. — Ясно. Чем могу помочь?

— Для начала нужно встретиться.

— Приезжайте. Записывайте адрес, — он назвал улицу и номер дома недалеко от «Озерков». — Можете прямо сейчас, можете завтра.

Мы договорились на десять утра. Я готова была заплатить сколько потребуется — лишь бы досье оказалось максимально полным и было собрано в пожарные сроки. Если раньше все происходящее казалось мне абсурдом, то это был уже апофеоз абсурда. Люди склонны прятать свою частную жизнь. Я хотела обратного — чтобы детектив узнал обо мне все. Вплоть до любимой марки трусов, если это возможно. Хотя без этого сакрального знания я как-нибудь обошлась бы. А вот вся моя личная и профессиональная жизнь за последние пять лет — это точно было необходимо.

Я поставила вариться картошку, налепила котлет, обжарила и отправила в духовку тушиться — разумеется, в красной чугунной кастрюле. Вкусы у Вадима так и остались, как он сам говорил, босячками. Мы часто ходили в рестораны, но всей высокой кухне он предпочитал пюре с котлетами и рассольник.

Разумеется, я не рассчитывала, что какая-то котлета растопит его сердце, но надо же было с чего-то начинать. Нарезая огурцы на салат, я вспомнила, как мы познакомились. Тогда мне вообще не пришлось прилагать каких-то усилий, чтобы обратить на себя внимание, из-за чего-то переживать, волноваться. Все получилось как будто само собой.

У нас на журфаке была библиотека для заочников гуманитарных факультетов. Но если очень хорошо попросить, некоторые остро необходимые учебники и методички давали и очникам. После зимней сессии на втором курсе я пришла туда поклянчить какую-то литературу для семинара. Вадим стоял в очереди передо мной. Пожилая библиотекаряша взяла наши требования, поворчала о загребущих руках и завидующих глазах, ушла в хранилище и пропала. Мы разговорились, познакомились. Потом вышли на Первую линию, забрели в кафе и просидели там часа два. Обменялись телефонами, а на следующий день Вадим позвонил и пригласил меня в кино.

Развивалось все медленно, неспешно, чему я была очень рада, потому что «взрослые» отношения в теории пугали меня панически. Вроде бы и причины особой на то не было, но почему-то казалось, что я к ним совершенно не готова и вряд ли когда-нибудь буду. И дело было не столько в сексе, сколько в самой возможности взаимных чувств. Не

просто какой-то дружеской симпатии, а любви. Наверно, Вадим понял мой страх, а может, и сам не хотел торопиться, хотя я у него точно была не первая.

Только в конце апреля мы впервые поцеловались. Весна была поздняя, по Неве еще шел ладожский лед. Мы остановились на Дворцовом мосту в полукруглом выступе, глядя на льдины, которые плыли торжественно, как военные корабли. В темной воде между ними отражалось закатное малиновое небо. Он обнял меня за плечи, я повернулась к нему...

Мне было почти девятнадцать, и это был мой первый поцелуй. И я была очень рада, что первый — с ним. Такой нежный, такой мягкий, такой... волшебный! Мы шли через Дворцовую, по Невскому, держась за руки, и молчали. Только посматривали друг друга на друга — и улыбались. И даже сейчас, вспоминая об этом, я улыбалась. Пока память услужливо не подсунула совсем другое воспоминание, с противным послевкусием стыдной неловкости. Другой мой первый поцелуй... Меня передернуло.

Повернулся в замке ключ, открылась дверь. Я зажмурилась, глубоко вздохнула. Как там было у Пушкина? «Извольте начинать»? Терпения тебе, Лера. И удачи. Завоевать заново своего мужа — задача не из легких.

— Привет, — сказала я, выйдя в прихожую.

— Привет, — не глядя на меня, отозвался Вадим, нашарил под тумбочкой тапки и пошел в спальню переодеваться.

— Ужинать будешь? — я остановилась в дверях, глядя, как он расстегивает рубашку.

Вадим молча разделся, натянул все те же шорты и футболку, повесил костюм и рубашку в шкаф и только потом посмотрел на меня. Крайне иронично.

— Разогрела вчерашние пельмени? — поинтересовался он.

Я почувствовала, как поднимается ртуть во внутреннем градуснике.

«Спокойно, Лера! Это только начало. Дальше будет хуже. Спокойно!»

— Нет, — ответила я. Вполне мирно.

Вадим пожал плечами, подошел к двери. Я посторонилась и дала ему пройти. Он вымыл руки в ванной и, пару секунд поколебавшись, отправился на кухню.

Сев за стол, Вадим включил телевизор, пощелкал пультом, нашел «Шесть кадров» и сосредоточенно уставился на экран. Я достала из холодильника салат, хлеб, банку с аджикой. Положила на тарелку самую большую котлету, пюре, полила соусом.

— А ты? — спросил он, когда тарелка оказалась у него под носом.

Я молча положила себе, села на свое обычное место у окна. Вообще «Шесть кадров» были единственной юмористической передачей, которую мы оба могли смотреть без рвотных позывов. Иногда даже попадалось что-то действительно забавное. Но сейчас мы жевали и следили за комиками с таким напряженным, серьезным вниманием, как будто слушали послание президента федеральному собранию. Которое, по правде, мы вообще никогда не слушали.

— Мама просила купить квасу, — сказала я.

— Хорошо, — кивнул Вадим и снова уставился на экран. — Во сколько ты в субботу приедешь? — спросил он, когда началась рекламная пауза. — Как обычно?

Интересный вопрос. Можно подумать, я знаю, во сколько

приезжаю обычно. То есть знаю, конечно, но вряд ли это актуально.

— Не могу точно сказать. Надо будет зайти куда-нибудь торт купить. И еще чего-нибудь к столу.

— К столу ничего не надо, я все куплю по дороге. А торт ты ведь собиралась заказать?

— Не получилось, — соврала я. Черт его знает, может, и заказала. Может, и привезут. На работу. Или вечером. А может, и нет. Тогда действительно куплю в субботу утром. Или завтра после работы.

Вадим доел, сказал «спасибо», поставил тарелку в посудомойку и ушел в гостиную.

Так, Лера, выдыхай. Первый раунд окончен. По нулям, но пока наша задача не набрать очки. Главное — чтобы не в нокаун, а тем более, не в нокаут.

Прибравшись на кухне, я занялась изучением своего настоящего. И начала с соцсетей. Фотограф из меня аховый, поэтому инстаграмом я не обзавелась. Писать длинные посты в Живой Журнал не хватало терпения, так что все свелось к Фейсбуку и Вконтакте. И там, и там я была зарегистрирована намного дольше пяти лет. Логин, пароли — ничего не изменилось. Более того, записи, сделанные раньше, были теми же самыми. Разумеется, я не помнила все подряд, но было совершенно точно: это писала именно я.

Выходило, что тот поцелуй в парке никак ни на что не повлиял. И изменения начались не двадцать лет назад, как я думала, а всего пять. Видимо, с того самого момента, когда я пришла из ресторана, где была с Гришей, и мы с Вадимом так и не помирились. А где же тогда розовое платье? Да мало ли. Может, я его выбросила. Или на Avito продала — ну а вдруг у этой Леры появилась такая привычка?

Дальше я начала пролистывать записи за эти самые пять лет. Картинки-перепосты, музыка, совсем немного своих фотографий. Изредка на них была я, чаще какие-то виды, пейзажи. Ни одной фотографии, где был бы Вадим или дети. Но это не показатель, я и раньше никогда их не выкладывала. Часть фотографий были сделаны за границей — и летом, на море, и в другое время, в разных странах и городах. На море мы обычно ездили в конце августа с двойняшками, иногда срывались куда-то на несколько дней, с ними или только вдвоем. Сомнительно, что в этой реальности мы ездили вдвоем с Вадимом. Вчетвером на море — может быть. А вот с кем я была, к примеру, в

Праге или в Стокгольме? С детьми? Одна? Или... еще с кем-то?

Вчера ночью Вадим довольно недвусмысленно намекнул, что у меня — возможно! — кто-то есть. «Кто-то тебя запустил с ногу на луну?» — «Может, ты залетела часом?» — «Мне показалось, ты последовала моему совету»... Вот только этого еще и не хватало для полного счастья!

Никаких намеков на мою возможную личную жизнь в соцсетях не было. Абсолютно никаких. А что у Вадима? У него была страница на Фейсбуке, куда он заходил пару раз в год. Так и осталось. Редкие перепосты юридических статей, еще реже — фотографии. Последняя — три года назад, на Родосе. У меня на Фейсбуке тоже была похожая, значит, туда мы ездили вместе.

Короче, соцсети мне мало что дали. В друзьях у меня значились и знакомые, и абсолютно незнакомые люди. Бегом пролистала страницы подруг — ничего такого, о чем бы я не знала. Похоже, для них в этой реальности мало что изменилось — если вообще изменилось. И только на Маринкиной странице зацепила последняя фотография — мы впятером в «Абрикосове», коллективное селфи. В этот вторник. И подпись: «Как обычно...» Вот только смайлик какой-то гнусно ухмыляющийся, как будто во фразе этой был некий тайный смысл, с издевкой. Да и на снимке было что-то такое странное в ее лице.

Я открыла галерею в телефоне — там обнаружилась почти такая же фотография. Маринка на ней безмятежно улыбалась. Я вспомнила «свою» реальность и вечер в ресторане. Тогда меня тоже что-то напрягло. Не только рассказ о Котике.

И о чем, интересно, со мной хотела поговорить Кира?

Ладно, это все потом. Я посмотрела на часы — половина одиннадцатого. Вадим ложится около одиннадцати. Ну что ж, немного блефа.

Я достала из шкафа зеленую шелковую ночнушку и пошла в ванную. Кстати, ее мне как раз Вадим и подарил, на тот самый день рождения пять лет назад. Вид у нее был довольно порнушный: вырез до пупа и длина чуть ниже задницы. Я ее страшно любила и затаскала в хлам. Но сейчас она выглядела почти новой — видимо, эта Лера надевала ее редко. Нет-нет, я не собиралась его соблазнить. После вчерашнего — ни в коем случае.

Я быстро приняла душ. Потом, надев рубашку, накинула сверху

кружевной пеньюарчик, не менее развратный, и занялась обычными вечерними процедурами. Дверь при этом оставила полуоткрытой. Проходя мимо в спальню, Вадим ну никак не мог меня не увидеть.

Наконец в гостиной щелкнул выключатель, открылась дверь. Я взяла щетку и начала медленно расчесывать волосы, глядя в зеркало. Шаги замерли — как будто он споткнулся. Постоял секунду и пошел дальше. Бинго!

Сейчас он, разумеется, будет злиться. Страшно злиться. Потому что подумал, будто я снова к нему полезу с нежностями. Ну а как же — сначала котлета, потом рубашка и незакрытая дверь ванной. А я... ужас какой! Не полезу. Просто выключу свет и буду лежать с ним рядом — вся такая зеленая, шелковая и пахнущая... чем? Неужели Тицианой?

Ой, мамочки! В косметичке валялся столетней давности флакончик «Pleasure» от Эсте Лаудер. С парой капель на дне. Вадим эту жуткую отраву просто обожал. Нет-нет, обойдемся без химического оружия и подлых запрещенных приемов. Конечно, можно было выиграть бой, но эта победа была бы равносильна захвату деревенского сортира и, возможно, означала проигранную войну. Нетушки, такой футбол... то есть секс нам не нужен. Так что лучше без духов.

Вадим сидел на кровати и о чем-то мрачно размышлял. На нем были страшные клетчатые трусы — неужели это я ему такие купила?! Или, может, сам? Покосившись на меня, он ушел в ванную и проторчал там минут сорок. Надеялся, что усну?

Когда он наконец улегся, я демонстративно выключила светильник и повернулась к нему спиной.

— Спокойной ночи! — буркнул он.

— Спокойной! — ответила я и закусила губу, едва сдерживая смех. Хотя на самом деле ничего смешного не было. Ну вот вообще ничего.

Сначала стояла напряженная тишина. Такое чувство, что Вадим даже дышать пытался через раз, делая вид, что его тут нет. Потом сообразил, что приставать к нему я не собираюсь, и, похоже, это его то ли удивило, то ли разочаровало.

Он вертелся с боку на бок, как пропеллер, а я тихонько сопела в подушку, притворяясь что сплю.

«Не страдаешь? Ну и ладно, ни к чему это. Не хочешь? Ну да, конечно, конечно... А еще ты не сказал, что не любишь. Случайно? Посмотрим».

Но на самом деле все это было просто психической атакой. Матросы на зебрах. Да еще и с капелькой стеба, наверно. Разумеется, я не думала, что можно что-то исправить вкусным ужином и эротической ночной рубашкой. Это не случайная ссора на день, два, пусть даже на неделю. Пять лет — это эпоха. За это время могло, нет, должно было умереть все. Оставив после себя в лучшем случае привычку. Возможно, еще и воспоминания, от которых трудно избавиться. Легче построить что-то с нуля, чем склеить разбитое.

Желание? А почему бы и нет? Он молодой, здоровый мужчина, спящий в одной постели с красивой женщиной. Возможно, у него кто-то есть. Но это как-то... не в его стиле. Тот Вадим, которого я знала, не стал бы жить с одной женщиной и спать с другой. Сразу ушел бы. Судя по его словам, что-то такое мутное между нами все-таки происходило. Пока он не попросил оставить его в покое. Интересно, что тогда случилось? И давно ли это было? Воздержание не сахар.

Кто бы знал, как мне самой хотелось обнять его, прижаться крепко-крепко, почувствовать все его тело, вдохнуть запах. Как я хотела его и как скучала, как будто последний раз мы были близки не вчера утром, а пять лет назад. Мне не хватало его губ, его рук, таких сильных и таких нежных, не хватало волшебного слияния в единое целое.

Я до крови закусил губу и подумала, что, пожалуй, надо будет заглянуть к неврологу, пожаловаться на бессонницу и выпросить рецепт на снотворное.

Что мне снилось — лучше не вспоминать. Боб Джек, режиссер фильмов для взрослых, должен был плакать от зависти горькими слезами. Может, завести собачку и гулять с ней на ночь, до полного изнеможения? Нет, щенок — это было бы сейчас уже слишком. К тому же у мамы аллергия на шерсть, куда девать собаку на выходные и на время отпуска?

Когда я встала, Вадим на кухне завтракал.

— Доброе утро, — пробормотал он.

— Доброе, — ответила я, налив стакан воды из фильтра. — Позвони вечером, когда приедешь.

Вадим вскинул на меня ошарашенный взгляд, но ничего не ответил. Мы с ним всегда звонили или писали друг другу, когда ехали куда-то на машине: все в порядке, на месте. Т9 в моем телефоне настолько к этому привык, что выдавал «приехала» на одну только букву П. Но все это, разумеется, было в другой жизни.

— Я ушел, — сказал Вадим, и я дернулась было из ванной, чтобы поцеловать его на прощание, но вспомнила, что это ни к чему. Сейчас — ни к чему.

— Пока, — отозвалась я тихо и села на край ванны, едва сдерживая слезы.

Вчера вечером мне казалось, что все обязательно получится. Не сразу, с трудом, но я смогу и все исправлю. Потому что люблю его. Очень сильно. И у него, может быть, еще не все погасло. Но сейчас меня накрыло таким отчаянием, что захотелось свернуться на коврике, закрыть морду лапами и долго-долго скулить по-собачьи.

Я запрокинула голову и дышала широко открытым ртом, чтобы высушить слезы и не размазать только что сделанный макияж. Накладывать новый уже не оставалось времени. Перед визитом к частному детективу предстояло еще зайти в аптеку и купить маску. Ехать до «Озерков» было минут десять, но с учетом утренних пробок — все сорок, если не больше.

Джерри я поставила где-то за квартал и пошла дальше пешком. Не доходя до нужного дома, остановилась, надела медицинскую маску и

темные очки, заправила волосы под косынку. Выглядело устрашающе, но вряд ли меня можно было узнать.

Офис частного детектива Василия Упадышева обнаружился в цокольном этаже, прямо над ветеринарной клиникой «Кот и пес». Я поднялась на несколько ступенек и оказалась в крошечной приемной, где сидела за компьютером готичного вида барышня, вся усыпанная пирсингом.

— На десять, — кратко ответила я на ее немой вопрос.

Девушка кивнула и махнула рукой в сторону единственной двери, обитой дерматином. За ней оказался такой же крохотный кабинетик, где помещался только письменный стол с компьютером, стул для посетителя и застекленный стеллаж, забитый папками-регистраторами. За столом сидел полноватый невысокий мужчина лет пятидесяти. Его светлые волосы были подстрижены коротко, но без сомнения, отпущенные на волю, они сразу начинали пушиться, как одуванчик.

Мой маскарад его несколько не удивил — наверно, видал и не такое.

— Вас предупредили, что инкогнито платит вдвое? — поинтересовался он раскатистым басом вместо приветствия.

Я кивнула, села на стул и достала из сумки файл.

— Мне нужно все на эту даму. За последние пять лет. Грубо — с июня 2013-го и до... допустим, до вчерашнего дня. Дальнейшее мне не интересно.

— Масштабно, — пожевал губу Упадышев. — А точнее? Что именно нужно?

— Все личные и деловые контакты. Поездки — куда, когда, с кем. Интересы, привычки, хобби. Особенно интимные связи, если есть. С кем, как долго, где встречаются, куда ходят. Все, что было раньше — не нужно. Детство, школа, институт. Только последние пять лет. Да, еще. У дамы есть муж. Если муж с кем-то встречается на стороне — тоже надо.

— Хм... — задумался детектив. — Непросто. Насколько карт-бланш?

— Чтобы ее близкие ничего не заметили. Что о ней собирают информацию. Муж, дети, родители.

— А если узнает она сама?

— Не страшно.

— Сроки?

— Вчера. Или даже позавчера.

— Понятно.

Он назвал сумму, которой хватило бы на очень неплохой отдых за границей. В Париже, например. Или на Канарах.

— Это ориентировочно. Половина вперед. Накладные расходы по отдельной квитанции после окончания.

Я выложила на стол стопочку пятидесяти тысяч купюр.

— Как мы с вами будем держать связь?

— Никак, — я покачала головой. — В конце следующей недели я вам позвоню. Надеюсь, этого времени хватит?

— Надеюсь. Как мне к вам обращаться?

— Никак. Можно без обращения.

— Но мне нужно вас как-то обозначить во внутренней документации, — возразил он.

— Тогда пусть будет ММ — медицинская маска. Точно не перепутаете.

— Да уж, сложно перепутать, — усмехнулся детектив.

— Послушайте, Василий, — сказала я, встав со стула. — Не считите за хамство или что-то в этом роде, но вынуждена предупредить. Если вы схалтурите, я об этом все равно узнаю. И тогда постараюсь — а у меня есть такие возможности, уж поверьте, так вот, я постараюсь, чтобы вы лишились лицензии и никогда ее больше не получили.

— Я вас услышал, — он невозмутимо кивнул. — До связи.

Выйдя на улицу, я прошла немного, огляделась по сторонам и нырнула в длинный магазин с двумя входами. Там сняла косынку, очки и маску, вывернула двустороннюю вязаную кофту с синей стороны на белую. Вышла через другую дверь — прямо к Джерри. Села и быстро уехала.

Все эти шпионские игры — это было бы смешно, но смеяться что-то не тянуло. Так, с этим я, вроде бы, тоже управилась. Оставалось только ждать. И потихонечку нащупывать в потемках то, до чего можно дотянуться.

На работу я приехала около одиннадцати. В приемной вокруг Иры увивалось несколько молодых сотрудников.

— Вы ко мне? — поинтересовалась я, и они тут же испарились.

— Ира, сделай мне кофе, пожалуйста. И я еще вчера просила

закончить все кадровые приказы. И на премию, бухгалтерия торопит.

— Да-да, Валерия Сергеевна, — прогундела она сквозь жвачку. — Сейчас все принесу.

Бог ты мой, и как я ее только на работу взяла?! Где мои глаза были?

Через пять минут на моем столе оказалась чашка кофе и папка с приказами.

— Не стой над душой, — попросила я. — Подпишу — позову.

На втором абзаце первого приказа мой встроенный грамма-наци впал в истерику. Я всегда была патологически грамотна. Могла сделать опечатку и не заметить при вычитке, но чужие ошибки видела до последней запятой. Допив кофе, я взяла чашку, папку и вышла в приемную. Ира болтала с помощницей бухгалтера Олей, которая ждала подписанные мною приказы. Я поставила чашку на кофеварку, бросила на стол папку.

— Переделай, пожалуйста. Там только в первом абзаце четыре ошибки. Грамота. ру тебе в помощь.

Вернувшись в кабинет, я услышала шелест из интеркома, который не выключили в приемной.

— Забей, — сказала Оля. — Она сегодня не с той ноги встала.

— Сука! — прошипела Ира. — У нее обе ноги не те. Жаба злобная. Завела бы любовника, что ли, если муж не трахает.

Я усмехнулась, вышла в приемную и нажала кнопку интеркома на столе. Ира стала малиновой, как ее волосы.

— Бери бумагу, пиши, — сказала я спокойно.

— Что? — пробормотала Ира.

— Заявление по собственному. Прямо сейчас. Я подпишу. И сразу же в приказ. С понедельника. Без отработки. Приказ я тоже подпишу, и бухгалтерия тебя сегодня же рассчитает.

Ира открыла рот, закрыла, взяла лист бумаги и написала заявление. Я подписала, жестом согнала ее со стула, быстро набрала приказ. Распечатала, подписала и поставила печать. Отдала один экземпляр Оле.

— Скажите Валентине, что на премию приказ чуть позже будет. А ты, — я повернулась к Ире, — собирай свои манатки и проваливай. За деньгами и трудовой в понедельник зайдешь. Чтобы через десять минут тебя здесь не было.

Десять минут я ходила по кабинету взад-вперед, как тигр по клетке.

Было смешно и противно. Особенно потому, что Ира была, по большому счету, права. Какое может быть настроение после такой ночи! Но я еще вчера, как только ее увидела, сразу подумала, что избавлюсь от нее при первом же подходящем случае. Долго ждать не пришлось. Конечно, она могла встать в позу и заголосить про трудовой кодекс, но благоразумно решила, что лучше не нарываться.

Я выглянула в приемную, там было пусто. Сделав себе еще кофе, села за секретарский стол и начала сама переделывать кадровые приказы. Ничего, корона не свалится, в начале карьеры я и не такой фигней занималась. Тем более, все равно больше некому, а приказ нужен сегодня, чтобы в понедельник люди получили деньги.

— Лерунь, что за кипиш? — поинтересовалась, зайдя в приемную Валентина. — Вся контора гудит.

С Вале́й мы работали еще в моей прежней фирмочке, она там была простым бухгалтером. Став директором, я переманила ее к себе, с повышением. Подругой моей она не была, скорее, хорошей приятельницей. Может быть, потому, что работа для нее была чем-то вроде отдушины, отдыха от большой семьи и домашних хлопот. У нее было пятеро детей самых разных возрастов и даже годовалая внучка — в тридцать восемь лет! Все это было очень мило, но для меня — немного параллельная вселенная.

— Тебе еще не рассказали? — хмыкнула я, продолжая печатать. — Кофе хочешь? Тогда сделай сама, у меня тут теперь самообслуживание.

Валя налила себе кофе, одернула юбку на мощном торсе, села на диванчик.

— Лер, я все понимаю, — сказала она, отпив глоток. — Девка дурная, как паровоз. Если уж пиздишь, так следи за тем, кто тебя может услышать. Но знаешь, если за подобное увольнять, это половину агентства надо выгнать. Просто они еще не попались.

— Даже так? — я приподняла брови.

— Ой, Лер, — поморщилась Валя, убрав с лица прядь светлых волос. — Давай без цирка-шапито на колхозном поле. Ты же знаешь, когда руководитель баба, всё всегда будут списывать либо на недотрах, либо на климакс. Плохое настроение, строгость, требовательность. В общем, все. Климакс тебе еще рано. Значит... Ладно, забей. Где будешь секретутку искать? Объявление дашь?

— Наверно.

— Ну и придет такая же шалава. Угораздило же тебя с Ленкой.

— В смысле? — не поняла я. Неужели и ее выгнала?

— Девушка, что-то с памятью твоей стало? Насколько я помню, ты к ней за что-то прицепилась, наорала, она терпеть не стала и написала заявление. Разве нет?

— Такую-то мать... — пробормотала я.

— Не хочешь ей позвонить? Она отходчивая. Попросишь прощения, предложишь вернуться. Я слышала, у нее с работой не очень.

— Слушай, ну как-то... — засомневалась я.

— Ну да, конечно, — закивала Валя, забавно наморщив вздернутый нос. — Как же ты будешь у какой-то там секретарши прощения просить. Лучше уж самой себе кофе готовить.

— Да не в этом дело.

— А в чем?

— Ни в чем, — буркнула я и открыла кадровую программу.

В архивных файлах нашлись данные Лены, я взяла телефон и набрала номер.

— Лена, здравствуй. Соболева, — я на секунду запнулась, не зная, начать ли с извинений или поинтересоваться, как у нее обстоят дела с работой. — Послушай, я хочу у тебя прощения попросить. Ну, за тот наш... инцидент. Я была неправа.

— Спасибо, Валерия Сергеевна, — усмехнулась Лена. — Если учесть, что прошло почти два года, могу предположить только одно: вам срочно нужен секретарь.

Мысленно сказав пару ласковых, я вынуждена была согласиться: еще как нужен. И не просто какой-то секретарь, а именно Лена Боброва. Помолчав немного, она попросила время на размышления — до понедельника.

— Ну и умничка, — похвалила меня Валя. — А еще лучше — держи себя в руках. А то еще и не такое о себе услышишь.

Мне очень хотелось ответить что-то ядовитое, но в этот момент позвонили с проходной: курьер привез заказанный торт. Наверх его не пустили, пришлось спуститься самой. Но хотя бы одной головной болью стало меньше. Впрочем, самой-самой маленькой.

Сколько раз уже говорила себе: никаких шуток или выдумок про здоровье. Стоило только вспомнить про бессонницу — и она тут как тут. Я вообще плохо спала, когда Вадима не было рядом. Вот и в этот раз почти до утра вертелась или таращилась в потолок. И мысли все были о предстоящих выходных.

Вечером Вадим, конечно, не позвонил, прислал смску: «На даче. Позвони завтра, когда тебя встречать». Впрочем, губу трамплином можно было не раскатывать. Наверняка и здесь меня встречали Петька с Пашкой. На великах. Это был ритуал еще с их дошкольных времен.

До полуночи я занималась тем, что исследовала квартиру. Все уголки и закоулки, шкафы, полки, ящики. Альбомы с фотографиями, папки с документами, книги, безделушки, все свои вещи. Хотя бы уже только для того, чтобы выяснить: чего в этой реальности нет и что появилось нового. К счастью, знакомого все-таки было больше, чем неизвестного. Хотя и не равномерно. Например, незнакомых книг было мало. А вот с одеждой все обстояло наоборот. И далеко не все, что висело и лежало в шкафу, меня устраивало.

Стол Вадима в гостиной, как обычно, был в идеальном порядке. Туда я даже соваться не стала, это было стопроцентное табу. Прайвеси друг друга мы уважали свято. Просто постояла рядом, посмотрела на ряды книг на полках, на папки с бумагами, ручки, карандаши и маркеры в стаканчике. Когда мы еще снимали комнату, мне всегда нравилось смотреть, как он работает — серьезно, сосредоточенно, ни на что не отвлекаясь. Я в этом отношении всегда была раздолбайкой. Мне и стол был не нужен, вполне хватало стула и ноутбука с интернетом. Напишу абзац — загляну в соцсети. Как ни странно, это мне никогда не мешало и на результат не влияло, разве что на скорость.

Расписание электричек не изменилось — и правда, с чего ему-то меняться, я ведь к нему никакого отношения не имела. Поэтому решила ехать на той же, что и всегда. Поставила будильник на половину восьмого, но он не пригодился. Уснуть удалось ближе к утру, а в начале седьмого уже была на ногах. Ощущение напоминало предэкзаменационное. Почему-то казалось, что все будет другое: дети,

родители, даже сама дача. Я уже года три настырно зудела о том, что надо перестроить дом, но родители мое начинание упорно саботировали. Откуда мне знать, может, я все-таки их переупрямила?

Звонить Вадиму я не стала, отправила смску: «выехала». На каждый шаг ответим матом, профессор. И все семь остановок просидела как на иголках. Начала читать — не понимала смысла прочитанного. Пробовала разложить в телефоне пасьянс — не могла сообразить, какую карту куда перекладывать. В конце концов тупо уставилось в окно, раз за разом мысленно пропевая строчку о космодесантнике, раздавившем чью-то любовь. День обещал быть прекрасным — теплым и солнечным, но меня это нисколько не радовало.

Двойняшки, как обычно, сидели на ограждении — как птицы на жердочке, пристроив рядом велосипеды. Совершенно такие же, как и неделю назад. Длинные, тощие, вихрастые. «Дрыщи какие-то растут, — ворчал Вадим. — Не в коней корм». Заставлял зарядку делать, турник на даче соорудил — который они упорно игнорировали, предпочитая гонять целыми днями на велосипедах или торчать на речке, когда погода позволяла. «Отстань от них, — смеялась моя мама. — Ты и в девятнадцать Аполлоном не был, но Лерка почему-то на тебя запала». Я хихикала: в тридцать пять Вадим действительно выглядел лучше, чем в девятнадцать, потому что — в отличие от меня — находил время и для зарядки, и для тренажерки два раза в неделю.

— Привет, ма! — Петька с Пашкой чмокнули меня с двух сторон и попытались отобрать торт, но я не дала: от него мало что осталось бы, если б повезли на багажнике.

Сочтя свою миссию выполненной, двойняшки оседлали велики и поехали вперед. А я снова подумала, что «ма» — это кисло и показательно. Не «мамонт», не «муттер», даже не «мазер», как они меня обычно звали. Вспомнилось, как в раннем детстве они упорно отказывались называть меня мамой. Ну конечно, все «Лера», а они что — лысые? Вот только у Петьки получалось «Лела», а у Пашки «Рера».

— А, кстати, Дима с Машей приехали, — обрадовал Петька, который ради такой важной новости даже не поленился вернуться.

Димой звали моего дядю, маминого младшего брата. У них с мамой была разница в десять лет, и на те же десять лет он был старше нас с Вадимом. А его жена Маша — всего на пять. Жили они в Подпорожье — самом дальнем охвостье Ленинградской области, и к нам выбирались

редко. Но как же не поздравить племянницу с полукруглой датой!

Нет, я ничего не имела против, отношения у нас были самые теплые. Но их визит тянул за собой один пикантный момент.

Дом наш строил в начале шестидесятых мой дед. Тогда в садоводствах существовали строгие ограничения на размеры всех сооружений. Лимиты, разумеется, как-то обходили, но дедушка был председателем садоводческого товарищества и злоупотреблять не рискнул. Другие времена, другие нравы... В результате домик наш получился вполне так пряник. Симпатичный, но крохотный, как курятник. Потом папа пристроил открытую веранду и расширил чердак, но это мало что дало — в плане полезной площади, в том числе и спальных мест.

На чердаке было царство двойняшек — «Петропавловская крепость». Веранда позволяла подремать в шезлонге, не более того. В самом доме получились три крохотные комнатки и одна побольше — общая, с диваном и телевизором. В двух маленьких спали мама и папа. В третьей — Вадим, поскольку ночевал на даче чаще, чем я, да и ложился обычно раньше остальных. Я — как почетная и заслуженная сова — дожидалась, пока выключат телевизор и все разойдутся по своим норам. Но сегодня диван предстояло уступить Диме с Машей. И спать с Вадимом на полуторке, да еще под одним одеялом.

Гости у нас на даче бывали не так уж и часто, но раз-другой за лето случалось. Спать вдвоем на скрипучей узкой кровати было страшно неудобно — но заводило просто дико. Трудно поверить, что мы действительно умудрялись заниматься сексом в таких кошмарных условиях. Называлось это у нас full contact, что вполне созвучно с fool contact — дурацкий, а не полный.

Главный прикол заключался в том, что перегородки между комнатами были картонными — без шуток! За одной картонной стеной мама, за другой — гости на диване. От малейшего неосторожного шевеления дом ходил ходуном и грозил рассыпаться. Ну и как, спрашивается? А вот так. Было бы желание. Мы наловчились проделывать это бесшумно и без резких движений, еще лет восемь назад — когда только переселили двойняшек на чердак.

И как, интересно, все получалось в этой реальности — на протяжении пяти лет? Неужели кто-то из нас спал на полу? Одно дело расползтись по краям кровати, на которой вполне могут улечься

четверо, и закутаться каждый в свое одеяло. И совсем другое — под одним и тесно прижавшись друг к другу. Даже если крепко друг друга ненавидеть, все равно задача не из простых.

Попетляв переулками, я свернула в наш тупичок. За забором под яблоней стояли рядом Дастер и Димина белая Веста. Дом был точно таким же, как и неделю назад. Еще когда я только впервые заикнулась о постройке нового, родители заявили: вот умрем — тогда делайте что хотите. Учитывая, что маме исполнилось пятьдесят пять, а папе на два года больше, жить в тесноте нам предстояло еще долго. Впрочем, я не оставляла надежды их переубедить.

— Идет! — Петькин (или Пашкин?) вопль я услышала еще от угла.

Родители и Дима с Машей вышли мне навстречу, когда я открывала калитку. Где-то за их спинами маячил Вадим — в камуфляжных штанах и черной футболке, очень даже секси. Мама вышла из кухни с ножом в руках, Маша в фартуке — приготовление праздничного стола была в разгаре. Последовала обязательная целовательная процедура, и даже Вадим чмокнул меня в щеку, а потом забрал торт и понес в холодильник. Я тоже пошла в дом — переодеваться.

На даче у нас был принят бомж-стайл. Огромный шкаф, напоминающий сталинскую высотку, трещал от одежды, которая не годилась даже в качестве домашней. По большому счету, ее давно надо было собрать и выкинуть, а еще лучше — сжечь. Я достала трикотажные фиолетовые шорты, голубую майку и зашла в ту комнату, где всегда спал Вадим. Сняла джинсы и футболку, и тут дверь распахнулась.

Он стоял на пороге и смотрел на меня. Раньше такая ситуация была бы поводом немного пообниматься и побезобразничать. Сейчас — просто неловкостью. Вадим перевел взгляд на кровать, стиснул зубы, повернулся и вышел, не говоря ни слова. Судя по всему, он тоже подумал о том, что спать ночью нам предстоит вместе. В очень тесном контакте.

Быстро одевшись, я пошла на кухню помогать маме и Маше. Там все мои страхи быстро улетучились. Та же мама, та же Маша. Что бы там ни произошло за последние пять лет со мной и с Вадимом, они обе изменились не слишком сильно. Пока мы готовили и накрывали стол на веранде, у меня не было времени переживать и думать, как все будет

дальше.

Как будет — так и будет.

По большому счету, все мало отличалось от обычного субботнего обеда на даче. Разве что стол побогаче, да Дима с Машей, которые к нам приезжали хорошо если один раз за лето. Вкусная еда, вино, тосты. Смех, шутки. Обычные папины байки, которые мы все слышали уже раз по сто, но никогда не подавали виду — разве что малолетние паршивцы иногда забывались и начинали ворчать: «Деда, ну ты об этом уже столько раз рассказывал».

Я всегда любила эти семейные сборища — что-то такое спокойное, уютное. Как теплая ванна. Как разношенные домашние тапочки. Вот только сегодня между нами с Вадимом было такое напряжение, что только искры не летели. Нет, внешне все выглядело идеально. Мы мило разговаривали, улыбались. Но когда он случайно задел мою руку, я вздрогнула так, что рассыпала соль. И заметила, как свела брови мама.

Обед затянулся, все объелись и решили чай пить попозже. Дима с Машей пошли прогуляться к речке, двойняшки усвистели к приятелям, папа отправился прилечь. Вадим помог убрать со стола и тоже ушел — писать статью. Мы с мамой в четыре руки помыли посуду. Я ставила тарелки в сушилку, когда она вдруг сказала:

— Лер, может, тебе все-таки развестись?

Я уронила тарелку, и она раскололась ровно пополам. Мама подняла две половинки, приставила их друг к другу, бросила в мусорное ведро.

— Хорошо бы, если к счастью, — вздохнула она и села у стола. — Ну что ты мучаешь мужика? Извелся ведь. Знаешь ведь, что сам не уйдет. Сколько можно притворяться, что все хорошо? Кого обманываете? Столько лет!

Я села рядом с ней, закрыла лицо руками. Хотелось плакать, но слез не было. Все вокруг плыло — после бессонной ночи вино забрало меня крепче обычного.

— Мам, я не хочу, — сквозь ладони голос звучал глухо, как из подвала. — Не хочу разводиться.

— Как собака на сене, честное слово.

— Я хочу все исправить.

Мама покачала головой, усмехнулась горько.

— Не поздновато? Два года назад еще можно было. Когда ты в больницу попала и он с тобой носился, как с писаной торбой. А ты все шипела на него и кобенилась. Так и хотелось тебе поддать как следует. Пыталась с тобой тогда поговорить — помнишь, как ты на меня фыркнула? Чтобы я не лезла не в свое дело? А сейчас что? Что исправлять-то? Ничего уже не осталось. Странно, что до сих пор не нашел никого и не ушел от тебя. Если ради детей все, так думаешь, для них это лучше?

Я молчала — сказать было нечего. Она была права. И одновременно не права.

Два года назад я попала в больницу. Что со мной было? Как-то я упустила из виду папку с медицинскими бумагами вчера. Не подумала, что там может быть что-то важное, и отложила на потом. А ведь наверняка серьезное, если, по маминым словам, Вадим со мной носился, как с писаной торбой. А я, выходит, этот шанс благополучно про... любила. Потому что не нужен он мне был — этот шанс.

И все-таки — почему я действительно не развелась с Вадимом, если все было так плохо? Вряд ли только из-за детей. Хотела сделать виноватым его — чтобы он не выдержал и подал на развод, а я выглядела несчастной брошенной женой с двумя детьми на руках? Или, может, все-таки какие-то чувства на самом доньшке еще оставались?

Впрочем, какое это теперь имело значение? Гораздо важнее, остались ли на самом доньшке чувства у него.

— Пойду пройдусь, — сказала я, выходя из кухни.

— Иди, — вздохнула мама. — К чаю возвращайся. Чтобы мы тебя не ждали.

Я вышла за калитку, пошла по извилистым улочкам-переулочкам — куда глаза глядят. Сколько себя помнила — каждое лето проводила на даче с бабушкой. Каждый закоулочек знала, каждую тропинку. С тех пор мало что изменилось. Разве что вместо старых развалюх появились новые дома-дворцы.

Все оказалось еще хуже, чем я думала. Да и странно было надеяться, что за столько лет никто не понял, что между нами все плохо. Наверняка еще пять лет назад поняли, когда мы на дачу по очереди ездили и что-то ввали про завал работы. И все-таки... все-таки было в маминых словах кое-что, за что я уцепилась как за соломинку.

«Что ты мучаешь мужика? Извелся ведь».

Было бы ему пофигу — не мучился бы. И не изводился. Хотя больше похоже было на то, что он страшно злится. Настолько, что едва сдерживается. Но это тоже эмоции. Когда все равно — не злятся.

Видимо, у нас все было в некоем шатком равновесии. Плохо, но стабильно. И вдруг я словно подпорку выбила — и все обрушилось.

Я бродила, все же забыв о времени, пока не позвонил возмущенный Петька: «Ма, ну ты где, все тебя ждут!»

Теперь сидеть за столом рядом с Вадимом было еще сложнее. Меня знобило, пальцы мелко дрожали, и я боялась, что все это видят. Я о чем-то говорила, улыбалась, но, наверно, слова были невпопад, а улыбка кривая и натянутая. Торт показался безвкусным, как картон. Мама посматривала на меня с беспокойством. Неужели думала, что я сейчас встану и во всеуслышание заявлю: «Я тут походила, подумала и решила развестись»?

— Мам, ты такая бледная! — Пашка подергал меня за шорты. — Тебе плохо?

— Голова немного болит, — пробормотала я. — Спала плохо.

— Иди на мою кровать, — предложил Вадим. — Полежи.

— Тебе же писать надо?

— Я на веранде сяду.

Все остались за столом, а я ушла и легла в комнате Вадима. Подушка вобрала в себя его запах, и меня начало знобить еще сильнее.

Боже мой, а ведь я думала, что никогда больше не испытаю то противное чувство, которое жило со мной почти полтора года, очень давно. Когда просчитываешь каждый свой шаг, каждое слово, с мучительной обреченностью ждешь только неприятного и при этом все-таки надеешься, что обойдется, что ничего плохого не случится. Что все будет хорошо.

Последние ночи я почти не спала, и усталости удалось победить нервное возбуждение. Меня словно накрыло тяжелым ватным одеялом. Когда я проснулась, все уже укладывались спать. Двойняшки шебуршали на чердаке, мама стелила на диване Диме с Машей.

— Как ты? — спросила она.

— Нормально.

— На вид-то не очень. Может, сказать Вадиму, чтобы с мальчишками наверху лег? Поместятся.

— Не надо, — с досадой поморщилась я.

Пройдя через веранду, где Вадим быстро набирал что-то на клавиатуре ноутбука, я спустилась с крыльца, присела на лавочку под березой. Замечательно. Пропала полдня — и теперь впереди очередная бессонная ночь. Да еще в таких условиях, что врагу не пожелаешь. Может, вообще не ложиться? Подождать, пока Вадим не уйдет спать, и читать всю ночь на веранде — если, конечно, смогу?

Где-то далеко прошумела электричка. Щебетала в ветвях вечерняя птица. Прошел деловито по дорожке ежик Вася. Их за сараем жило целое семейство, но всех мы звали одинаково — Васями. Васи кормились на компостной куче, шуровали в мусорном ведре и пили воду из большой миски.

Томительно и сладко пахло любкой — весна в этом году была ранняя, теплая, в начале июня уже все цвело. Ее посадила когда-то моя бабушка — ей очень нравился этот цветок. Она вообще хорошо разбиралась в травах, знала, какие от чего и для чего.

«Смотри, Лерочка, — она показывала мне выкопанный с корнем увядший стебель. — У любки два клубня. Они похожи на женскую грудь. Один старый, рыхлый — из него вырос стебель весной. Второй молодой, крепкий — из него следующей весной вырастет новый. А из двух клубней сразу варят приворотное зелье. Знаешь, как ее зовут еще? Приворотная княгиня».

Ох, бабуля, как бы мне сейчас такое пригодилось. Или нет? Не поможет?

Я встала, сорвала стебель с белыми восковыми цветами. От запаха закружилась голова. Опаловая белая ночь отливала малиновым на закате. Тонкие края неподвижных перламутровых облаков сияли расплавленным золотом. «Плесните колдовства в хрустальный мрак бокала» — вспомнился романс, от которого всегда мурашки бежали по спине.

А еще я вспомнила один вечер шестнадцать лет назад. Странно, потом мы оба не могли сказать, какое это было число, но точно начало июня: сессия еще не закончилась. Пятница или суббота. Такой же призрачный свет белой ночи. И мы стояли у парадной, как будто не могли решиться. Я не могла решиться — хотя знала, что все будет...

«Не бойся, — прошептал Вадим мне на ухо. — Я очень тебя люблю».

Мы вошли в квартиру и долго-долго целовались в прихожей.

«Пойдем», — я потянула его за руку в свою комнату.

Он раздевал меня неторопливо, целуя шею, грудь, живот, а я стояла перед ним, закрыв глаза, и улыбалась. Та наша первая близость была такой же нежной, мягкой, как и первый поцелуй. Сначала я отчаянно стеснялась — своего тела и того, что ничего не умею, что могу что-то сделать не так. Но его ласки заставили меня забыть и стеснение, и страх боли, которую надо было как-то перетерпеть. И когда он вошел в меня, я почти ничего не почувствовала. И даже попросила: «Пожалуйста, осторожнее». А Вадим поцеловал меня и сказал: «Уже...»

В тот раз я, конечно, не испытала ничего из того, о чем читала в книгах и слышала от подруг, но была счастлива уже от того, что все произошло. Что он — мой, а я — его. А еще — что он мой первый и единственный мужчина и что не надо его ни с кем сравнивать. И очень скоро пришло то волшебное наслаждение и единство, которое с каждым разом становилось только сильнее...

Вадим вышел с веранды, сел на ступеньку крыльца, молча глядя на меня.

Подойти, встать между его коленей, обнять за шею. Запрокинуть голову, положить подбородок на макушку — чтобы его губы нашли ямочку под горлом... На мгновение показалось, что все возможно. Но я промедлила — и чары рассеялись.

— Все уже легли, — сказал Вадим. — Иди.

Я встала, прошла мимо него, по самым краям ступенек, стараясь не задеть. Прошла через веранду и общую комнату, пожелав спокойной ночи Диме с Машей. Закрывает дверь, быстро разделась, натянула ночную рубашку и нырнула в постель, к стенке, жалея, что нельзя размазаться по ней тонкой пленкой, как медуза.

Белыми ночами мы занавешивали окна, чтобы свет не мешал спать, но он пробирался сквозь щели, растекался по одеялу — зыбкий, прозрачный и призрачный. А еще у ночи был свой голос — те особые очень тихие звуки, которые можно услышать только за городом. Чувственные, волнующие, магические...

Вадим вошел в комнату, выключил свет, разделся. Лег на самый край, повернувшись ко мне спиной. Но как ни старались мы отодвинуться друг от друга подальше, меч между нами вряд ли удалось бы положить. От невольных прикосновений по всему телу разбегались

горячие волны. Стиснув зубы и зажмурившись, я считала от ста до одного и обратно, но это мало помогало. От желания выкручивало, как белье в стиральной машине.

Время шло, я понимала, что уснуть вряд ли смогу. Вадим тоже не спал. Не выдержав, я перебралась через его ноги, нашарила тапки и вышла на веранду. Села в шезлонг, укрылась пледом. Кому рассказать! Я дико хочу собственного мужа, с которым прожила пятнадцать лет. И он — я не сомневалась! — тоже хочет меня. И вместо того чтобы слиться в экстазе, я вжимаюсь в стену, а он висит на краю кровати — лишь бы случайно друг до друга не дотронуться. И я просто от него убегаю. Да что за дьявол?!

Тихо скрипнула, открывшись и снова закрывшись, дверь...

— Не уснуть? — спросил Вадим, опираясь на перила крыльца.

— Выспалась, — пробормотала я.

Веранду уже успел оплести хмель, и в полумраке был виден лишь темный силуэт. Вдруг показалось, что там стоит опасный незнакомец, а не человек, которого я знала полтора десятка лет, даже больше. Захотелось убежать и спрятаться. Или сжаться в крохотный комочек и забиться под плед.

«Пожалуйста, — взмолилась я, неизвестно к кому обращаясь, — пусть ничего не будет. Вообще ничего. Никаких разговоров, выяснений. Я не хочу!»

Быстро пройдя через веранду, Вадим схватил меня за руку и рывком вытащил из шезлонга. Прижал к себе и впился поцелуем в мои губы — крепко, до боли. Его язык настойчиво раздвигал их, протискивался между зубами, сталкивался с моим языком, словно сражаясь с ним. Руки пробрались под подол рубашки, задрали его, жадно сжали бедра, обводя большими пальцами треугольник внизу живота.

«А если кто-то выйдет?» — мысли заметались беспомощно, словно птицы, увидевшие кошку.

Словно услышав, Вадим потащил меня за собой — я едва успела всунуть ноги в шлепанцы. Оказавшись на дорожке, ведущей к кухне, попыталась вырваться, и он повернулся ко мне. Жесткий, злой взгляд сощуренных глаз — мне снова показалось, что передо мной чужой, незнакомый человек.

«Даже не думай!» — говорил этот взгляд, и я сдалась.

Наш участок был последним на улице, за кухней начиналась лесополоса. С той стороны даже забора не было, только прокопанная по границе канава и сетка-рабица. А под окном кухни — маленькая лужайка, где стоял стол. Туда ставили все, что надо было высушить: с той стороны солнце не уходило почти весь день. Если бы кто-то вышел из дома, нас все равно не увидел бы.

Подхватив за талию, Вадим посадил меня на стол, заставил согнуть и раздвинуть ноги. Расстегнул шорты, вошел резко и грубо. От

неожиданности я всхлипнула, вцепилась в его плечи.

Такого между нами не было никогда. Даже когда мы занимались сексом, поссорившись. Мне казалось, что хуже тех нескольких случаев ничего быть просто не может. Оказалось, что может, да еще как!

Одной рукой Вадим крепко держал меня за поясницу, другой сжимал грудь. Не ласкал, как обычно — легко, нежно, а стиснул до боли. Он все больше ускорял темп, толчки становились резче, сильнее. И хотя незадолго до этого я так хотела его, стало ясно: ничего не получится. Просто не смогу. Едва сдерживая слезы, я ждала, когда все закончится.

Впрочем, много времени не понадобилось. Глухо застонав, Вадим уткнулся лицом мне в плечо, по его телу пробежала судорога, слабым эхом отозвавшись внутри меня. Я ее всего лишь почувствовала — не откликнулась, как всегда. Отстранился он так же резко, как и вошел, со злостью глядя на меня. Нет, это была не злость — ярость, бешенство. Я подумала, что вот сейчас он заправится, застегнется и уйдет, оставив меня сидеть на столе с задранными ногами.

По-прежнему сжимая одной рукой мою грудь, он облизал два пальца. Глядя мне в глаза, все так же сощурившись, быстро ввел туда, где было так жарко, влажно и напряженно, где все ждало наслаждения — и сопротивлялось ему. Не выдержав его взгляда, я зажмурилась, откинулась назад и прижалась затылком к стене кухни.

Эта ласка была такой же грубой, как и все остальное. Она сильно смахивала на подачку с барского стола: ну ладно, так и быть, на и тебе тоже. И все же я невольно потянулась ей навстречу, чувствуя, как поднимается из колдовских глубин темная жажда.

Оргазм был мгновенным, коротким, похожим на точку в конце предложения. «Как выстрел, которым добивают раненого», — промелькнула странная мысль. Содрогнувшись, я сжала ноги, заставив его убрать руку. Обида, досада, раздражение, разочарование...

А чего, собственно, я могла ждать? В том, что происходило между нами, не было моей вины — и все же я сейчас расплачивалась за то, что натворила.

Вадим молча подал мне руку, я слезла со стола и пошла за ним по дорожке к дому. Но не дошла. Села на скамейку, обхватив себя за плечи. Из гущи еловых ветвей вылетели две летучие мыши, похожие на огромную моль, и я долго следила за их бесшумных порханием, пока

они не растворились в перламутровых сумерках.

Когда я вернулась в комнату, Вадим уже спал, отвернувшись к стенке. Или делал вид, что спит. Я легла с краю и, неожиданно для себя, тоже уснула. А когда проснулась, сквозь неплотно сдвинутые занавески пробивался не бледный ночной, а яркий утренний свет. Заливались птицы, шумели на ветру верхушки берез. Вадим спал, крепко обняв меня и положив руку мне на живот.

Осторожно выбравшись, я тихо оделась и вышла из дома. Обычно позже меня поднимались только двойняшки, но сейчас даже мама еще спала. Часы на кухне показывали начало седьмого. Умывшись и почистив зубы, я налила самовар и растопила его шишками. Так уж повелось, что общего завтрака у нас никогда не было. Все просыпались в разное время, и каждый ел что хотел и что мог найти. Единственным твердым правилом было: кто первый встал, тот и самовар греет.

Я не знала, что думать. В голове было пусто, как будто ее закрыли на капитальный ремонт, вынеся предварительно все, что там было. Произошедшее могло показаться сном или призрачным мороком белой ночи, если бы не синяки на бедрах. Небольшие — как следы пальцев.

Вадим упорно меня избегал, обходя десятой дорогой. Когда мальчишки встали и позавтракали, сел на велосипед и уехал с ними к речке. Я вздохнула с облегчением, потому что тоже не представляла, как себя вести. Все мои тактические и стратегические планы рухнули в одно мгновение. Не зная, чем себя занять, я бродила по участку, пока мама не припахала чистить картошку к обеду.

Счищая длинную тонкую кожуру (задача: как срезать целиком, одной лентой), я подумала, что с двойняшками, похоже, все не слишком сильно изменилось. Ну да, они не называли меня «мамонт» и не лезли целоваться, но в целом я большой разницы не заметила. Может, дело было в том, что они уже вошли в подростковый возраст, когда даже самые ласковые дети стремительно отдаляются от родителей. А может, в том, что они всегда были «папины мальчишки», с самого рождения. Я этому была только рада, хотя иногда все-таки всплывала некая материнская ревность. У них всегда было свое мужское братство, а я... Как-то я подслушала разговор пятилетних Петьки и Пашки, которые серьезно беседовали о том, что они с папой — мужчины, а мама — девочка.

Вернулись они только к обеду, за которым мы с Вадимом, кажется,

даже ни разу не взглянули друг на друга. А сразу после обеда стали собираться в город. Обычно мы всегда уезжали рано — чтобы успеть до пробок. Первыми отчалили Дима с Машей. По правде, мне было страшновато остаться с Вадимом наедине. Даже промелькнула мысль: может, утром поехать на электричке, прямо на работу? Но идти в офис в драных джинсах и футболке с динозавром было как-то... не комильфо.

Наконец мы со всеми расцеловались, сели в Дастер и поехали. Вадим каменно молчал. Я смотрела в окно, так внимательно, как будто не ездила этой дорогой каждую неделю.

— Лера! — внезапно позвал меня Вадим, я вздрогнула и повернулась к нему.

Он напряженно смотрел на дорогу.

— Послушай... Я не знаю, что это было... ночью, — наконец сказал он. — С чего меня так...

— Может, потому что пришлось спать вместе... вот так, тесно? — предположила я, рассматривая прорезь на джинсах.

— Нет. Мы и раньше так спали, когда кто-то приезжал. Поворачивались друг к другу задницами, отодвигались подальше и спали. Даже если и были какие-то... эмоции, все равно ничего даже близко похожего. Просто... Лер, что вообще происходит? Я за эти годы смирился с тем, что мы живем как соседи. Что между нами все сдохло. Убедил себя, что мне абсолютно все равно. Не хочешь разводиться — черт с ним, мне тоже не подгорает. Да мне и было все равно. Даже после того, что ты мне во вторник наговорила. А на следующий день ты вдруг выскакиваешь меня встречать, зовешь ужинать, ночью заявляешь, что меня хочешь. Ну и дальше. И я просто в полных непонятках. А ты знаешь, когда я чего-то не понимаю, начинаю злиться. До бешенства. И вот я уже пятый день злюсь на тебя так, что, наверно, убить готов. Прости, это было... Твою мать!

Нас резко подрезал обнаглевший Матиз — бешеная табуретка, возомнившая себя машиной. Высказав в мировое пространство все, что думает о «ездюках, купивших права», Вадим к прежней теме больше не вернулся. До самого дома мы молчали.

Вечером, поужинав разогретыми остатками дачного пиршества, мы разошлись по своим углам. Вадим засел в гостиной за статью, я в спальне включила для фона телевизор и просматривала рабочие документы в ноутбуке. Неожиданно он пришел ко мне, сел в ногах и

нажал кнопку выключения на пульте.

— Лера, я не собирался тебе говорить, — сказал он с тяжелым вздохом, — но, боюсь, придется. И разговор будет очень неприятный.

Я закрыла ноутбук и поставила его на тумбочку. В желудке мгновенно образовался кусок льда.

«Ну вот и все, — крутилось в голове. — Вот и все. То, что случилось ночью, — это было последней каплей. Он решил подать на развод».

— Она начала на меня вешаться, еще когда была замужем за своим футболистом. Или артистом? Кто он там у нее был, не помню?

— Кто? — тупо спросила я, прекрасно понимая, кого он имеет в виду. — Кто начал вешаться?

— Марина, — поморщился Вадим.

— Так... — протянула я. — Почти десять лет. Нормальное кино... япона жаба... То есть десять лет ты крутил с моей подругой и вдруг решил признаться. Нормально, да...

— Ты что несешь-то? — Вадим вытаращил глаза. — Совсем с дуба рухнула? Может, я все-таки расскажу? Или ты уже сама все выводы сделала?

Я вытащила из дырочки в наволочке перышко и начала крутить его в руках. Помолчав, Вадим продолжил:

— То глазки состроит, то коленкой под столом прижметя, то скажет что-нибудь такое... с намеком. Я включал дурака, делал вид, что ничего не понимаю, не замечаю. Да поначалу все было как-то... в шутку, что ли. Что надо было сделать? Оборвал бы ее — а получилось бы, что сам идиот, все придумал. Она пошутила, а я принял всерьез. Тебе сказать? Еще хуже. Как будто поссорить вас хочу. Вы все-таки с какого класса дружите?

— С четвертого. И что дальше?

— Дальше она развелась, и все пошло без шуток, по-взрослому. То есть намеки уже были совсем прозрачные. Я ее раз вежливо отшил, два. Вроде поняла, перестала. Потом у нас с тобой все в разнос пошло. Вообще не до нее стало. Да и времени столько прошло. И вдруг она мне позвонила. Недели две назад. Мол, есть серьезный разговор, давай встретимся. Намекнула, что тебя касается. Встретились мы в том кафе, где вы раньше с девчонками твой день рождения отмечали. До «Абрикосова». На Садовой. Сразу так по-деловому: Вадим, ты мне давно нравишься, я тебе, кажется, тоже не противна. В общем, как в «Обыкновенном чуде»: вы привлекательны, я чертовски привлекателен, так чего время терять?

— И правда, — кивнула я. — Почему я ни разу не удивлена? Две

недели назад, говоришь? А потом сидела с нами, улыбалась, как ни в чем не бывало. Правда, в контактике у нее фотография из «Абрикосова» с такой мерзкой ухмылкой...

— Ну так мне тоже интересно стало. Ты же, вроде, Лерина лучшая подруга, говорю, ничего? Да я знаю, что у вас все плохо, отвечает. Что вы только притворяетесь идеальной парой. Какая разница, мол, у нее тоже наверняка кто-то есть. У тебя, в смысле.

— Очешуешь... — то ли засмеялась, то ли захныкала я.

— Да, как-то так.

— И что?

— Да ничего. Послал ее в пеший эротический тур, встал и ушел. Хотел тебе сразу же рассказать. Прихожу домой — тебя нет. Грязища, холодильник пустой. Заказал пиццу. Пока ждал — полы помыл. Желание рассказывать пропало.

— Потому что полы пришлось мыть?

— Да нет, не поэтому, — вздохнул Вадим. — Просто подумал, что у тебя своя жизнь. Которая с моей теперь только изредка пересекается. Зачем я буду туда влезать?

— Тогда почему решил влезть сейчас?

Вадим посмотрел на меня долгим внимательным взглядом.

Что я делаю?! Возможно, это наш последний шанс, другого, скорее всего, уже не будет! А я вопросы задаю, как будто еще сильнее разругаться хочу.

— Ты хоть помнишь, что мне во вторник сказала? Когда из ресторана пришла?

— Если честно, то нет.

Вот так. Притворюсь, что набралась до невменяемости. Хотя в жизни не напивалась настолько, чтобы наутро не помнить о том, что делала и что говорила.

— Странно, — усмехнулся Вадим. — Ты не выглядела слишком пьяной.

— Последнее, что помню, — как вошла в квартиру.

Тут я действительно вспомнила, как мы с ним во вторник вернулись из «Абрикосова». И что было потом. Вот уж точно некстати.

— Ты вот этими же самыми словами и сказала: «У меня своя жизнь, какого черта ты в нее лезешь?» Ну и много всякого еще. Лучше

не повторять. А я стоял, слушал и думал, что мне просто наплевать. Что бы ты ни говорила, что бы ни делала. Тогда так думал.

— А сейчас?

Я ждала ответа так, как будто от этого зависела моя дальнейшая жизнь. Хотя почему «как будто»? Она действительно зависела от того, каким будет этот ответ.

— Не знаю, Лера, — Вадим повертел в руках пульт, отложил в сторону. — Я когда в среду вечером пришел, ты вышла в прихожую. Хотя уже сто лет так не делала. Мне показалось, что ты хочешь за вчерашнее прощения попросить. Ну, мало ли вдруг чудо какое случилось. А ты понесла дичь какую-то про бороду, про котлеты, которые кто-то сожрал. Да еще с претензиями, что я с тобой как-то не так разговариваю. Не тем тоном. А дальше вообще черт знает что. Ты можешь в конце концов объяснить, в чем дело? Чего ты добиваешься?

— И все-таки... почему ты мне рассказал про Маринку? — я настаивала, как будто не слышала его вопроса. — Если не собирался? Если решил, что тебя это не касается?

— Уходишь от ответа? Все как обычно...

Покачав головой, Вадим встал, но я поймала его за руку и заставила сесть обратно.

— Почему, Вадим?

Мы смотрели друг другу в глаза. Когда мы раньше ссорились, такой взгляд всегда заканчивался тем, что мы начинали целоваться. Но только не сейчас. И все же что-то в его лице дрогнуло. Может, он вспомнил о том же самом.

— Просто оказалось, что мне не все равно, Лера. Не все равно, что ты доверяешь человеку, который тебя предал. Наверно... наверно, я очень сильно тебя любил, если за пять лет, после всего, не удалось это убить до конца. Я это понял ночью — когда пошел за тобой. Ты не представляешь, как я на тебя злился. И как боялся, что ты меня оттолкнешь.

Вадим отвернулся к окну, но я видела, как подрагивают его пальцы, как сильно напряжены плечи. Мне так хотелось обнять его, сказать, что люблю. Но это было ни к чему. Сейчас — точно не нужно, потому что прозвучало бы неуместно и фальшиво. Хотя и было абсолютной правдой.

«Делай, что должен — и будь что будет»...

Я набрала побольше воздуха, как будто собиралась нырнуть на глубину, провела кончиками пальцев по его руке.

— Может... нам попробовать снова?

Он повернулся ко мне так резко, как будто распрямилась сжатая пружина. На его лице было выражение такой боли, что у меня внутри все оборвалось.

— Снова? — повторил он. — Попробовать снова? Знаешь, Лера, как мой отец сказал? Я его спрашивал, не пытался ли он с матерью помириться. Так вот, он сказал: надо сделать один шаг. И подождать, сделает ли другой человек шаг тебе навстречу. Ты помнишь, сколько я этих шагов сделал? А ты в лучшем случае стояла на месте, отвернувшись. А то и вообще от меня бегом бежала. Если бы ты вот так тогда руку протянула. Или хотя бы два года назад. Да что там, хотя бы в прошлом году, когда мы на Алкином дне рождения на веранде сидели... А сейчас... Лер, у меня просто нет сил. Я мог бы и дальше терпеть твое равнодушие, все твои выходки. Хотя бы только ради того, чтобы видеть мальчишек постоянно, а не по расписанию. Я привык, притерпелся. Смирился. Но если мы попробуем и ничего не получится... Я не знаю... я просто больше не выдержу.

Его голос дрогнул. Он встал и вышел. Хлопнула дверь гостиной.

Я легла и уставилась в потолок. Со светильника на потолке свисала тонкая нить паутины — и откуда только взялась, еще вчера утром не было. Из открытой форточки тянуло вечерней прохладой, и паутинка колыхалась взад-вперед. Я следила за ней, как будто за маятником гипнотизера. Слезы текли как вода — ни всхлипов, ни спазмов. Пока не иссякли сами собой.

«Я не сказала «да», милорд». — «Вы не сказали «нет»!»

Действительно, он не сказал: «Ну тебя, Лера, к черту, слишком поздно». Боится? Ясное дело. Я бы на его месте тоже боялась. Но фактически он признался, что все еще меня любит. Несмотря ни на что. И, может быть, не только из-за двойняшек он со мной до сих пор не развелся.

Хотелось встать, пойти к нему, но что-то подсказывало: не стоит. Не сейчас.

Зажужжал телефон, пополз по тумбочке. Нина.

— Лер? Не спишь? Разговор есть.

Голос звучал виновато и напряженно. Неужели тоже про Маринку

и Вадима хочет рассказать? Наверно, все знают. Кроме меня. И Кира вон тоже о чем-то собиралась. Что это, интересно, их всех одновременно пробилло? Может, Маринка им на моем дне рождения что-то ляпнула? Когда я в туалет выходила? Или когда уже уехала, а они еще остались? С Кирой мы в четверг разговаривали.

— Ну давай, валяй, — вздохнула я.

— Не по телефону.

— Я завтра к Корнетовой поеду. Зуб сломала. У нее тоже, вроде бы, какой-то разговор имеется.

— Вот зараза! — возмутилась Нина. — Обещала ведь, что тебе ничего не скажет.

— Да брось, Нин. Приезжай часам к семи. Помнишь кафешку рядом с ее клиникой? Вот вместе и поговорим. Успеешь?

— Мы с Алкой.

— Ну разумеется, как же иначе.

Положив телефон на тумбочку, я вспомнила, что так и не выяснила, с чем лежала в больнице. Папка лежала в секретере в гостиной. Оставалось только надеяться, что не в гинекологии с последствиями аборта. Это было бы уже слишком!

После разговора с Ниной я почувствовала, что глаза слипаются.

«Полежу минуточку, — подумала я, — подремлю». И проснулась за пять минут до будильника. Одетая, под пледом с дивана. Вадим вечером не стал меня будить — укрыл, сдвинул покрывало со своей половины кровати и залез под одеяло.

Выключив будильник, я еще немного полежала, глядя на его затылок на подушке — пока все внутри не начало томительно ныть. Только тогда встала и пошла в гостиную. Достала из секретера черную папку со всякими медицинскими бумажками, порылась в них и нашла копию выписного эпикриза.

Угораздило меня загреметь в четверку на Северном. Пневмония — осложнение после гриппа. Нехило так! Понятно, почему Вадим со мной возился, несмотря ни на что. Но я, вспомнив свои вчерашние опасения, только порадовалась. А вот другое беспокоило уже не первый день.

Я принимала те же самые противозачаточные таблетки, что и раньше. День в день. Зачем, спрашивается, если сексом мы занимались раз в сто лет? Для таких редких случайностей больше подходят другие способы предохранения. Вряд ли в каких-то лечебных целях, у меня никогда не было с этим проблем. Очень не хотелось думать, что Маринка сказала Вадиму правду. Что я действительно завела любовника.

Меня передернуло от одной мысли.

Впрочем, если бы это было так, неужели этот самый гипотетический любовник за пять дней себя никак не проявил бы? Или мы расстались? Оставалось только ждать отчета от Упадышева. Раньше вряд ли что-то узнаю, только если случайно.

Взбивая яйца на омлет, я машинально добавила еще два — для Вадима, как делала обычно. Интересно, когда в последний раз это делала другая я? Неужели пять лет назад?

Я уже открывала входную дверь, когда он вышел из спальни — растрепанный, в одних трусах. Не подошел, остановился в холле.

— Привет, — сказал он, не глядя на меня.

— Привет, — ответила я. Мы стояли и смотрели друг на друга,

словно по разные стороны невидимой границы, которую ни один не решался пересечь. — Я сегодня после работы к Кире поеду. Зуб сломала.

— Хорошо. То есть плохо, конечно. Привет передавай.

— Обязательно.

Когда я завела двигатель, Джерри обиженно поставил меня в известность, что соляры осталось фиг да ни фига. Указатель уровня топлива на панели находился не там, где у Жорика, к тому же я была в четверг слишком взвинчена и просто не обратила внимания, что пора залиться. Ситуация складывалась скверно — если дизель подсосет из бака воздуха, мало не покажется. К счастью, ближайшая заправка оказалась недалеко, и мы кое-как до нее дотянули.

Подъехав к колонке, я заглушила двигатель, опустила руку и, не глядя, дернула рычажок, открывающий лючок топливного бака. И с удивлением обнаружила, что приподнялся капот. Сказав пару энергичных слов, я вышла, захлопнула капот, вернулась, сунула руку под руль, снова дернула рычажок. И снова открылся капот.

Совершенно озверев, я нагнулась и неожиданно обнаружила рядом два рычажка — один для лючка, другой для капота. И когда я его свирепо захлопывала, откуда-то донеслось тихое хихиканье. Как назло, заправлялись рядом только мужики. У колонок стояло сразу шесть машин, и все водители смотрели на меня, наслаждаясь бесплатным цирком.

Скрипя зубами, я обошла Джерри и начала отвинчивать крышку бака. Крышка не отвинчивалась. Я чуть не разревелась.

— Девушка, давайте помогу, — подошел ко мне молодой парень с крайне противным выражением лица. — Вы не так делаете.

Снисходительно улыбаясь, он повернул крышку в другую сторону, и она тут же повисла на леске.

— Спасибо, — я взяла себя в руки и улыбнулась в ответ. — Только вчера купила машину. И права.

Парень снова улыбнулся, на этот раз как-то косо, и испарился быстрее дизельных паров. Заправившись и расплатившись, я выехала с заправки и остановилась перед светофором. Рядом притормозил все тот же противный умник на бэхе. Как только загорелся желтый, мы с Джерри сорвались с места и легко сделали его на старте.

— Молодец, — сказала я, погладив его по рулю. — Поедем с тобой

на Париж — Дакар.

Впрочем, на настроение это повлияло не сильно. Позорище на заправке получилось зачетное, и на работу я приехала злая, как собака. И еще больше разозлилась, вспомнив, что осталась без секретаря и без кофе. Подумала немного и уговорила Олю из бухгалтерии посидеть в приемной за надбавку к зарплате.

К счастью, позвонила Лена и сказала, что выйдет в следующий понедельник. Я готова была расцеловать трубку и даже подумала о том, что надо будет повысить ей оклад. Лене, конечно, не трубке.

Но радость была недолгой. Позвонил Ипатьев и пожаловался, что последние материалы на его сайте как-то... не очень. Я пообещала разобраться и попросила Олю пригласить ко мне начальника направления, которое занималось vip-клиентами.

— Ну что, Григорий Ефимович, — поинтересовалась я, читая в компьютере неудачные материалы, — мы будем работать или глазки строить?

— С тех пор как вы так резко меня отшили, Валерия Сергеевна, я зарекся строить вам глазки, — ответил знакомый голос.

Я оторвала взгляд от монитора и оторопела. Передо мной стоял мальчик Гриша, только, разумеется, на пять лет старше. С идеальной стрижкой, в супермодном костюме. С обручальным кольцом на пальце. Интересно, куда я смотрела, когда листала штатное расписание? Хотя ничего удивительного. Пять лет назад я и фамилию-то его не запомнила. А имя — не такое уж и редкое. Так что мне даже в голову не пришло, что здесь он до сих пор работает в агентстве, да еще так резко пошел в гору.

— Вы имеете в виду, когда мы с вами ходили в ресторан? — уточнила я, указав ему на стул.

— Когда вы отказались пойти со мной в ресторан, — поправил Гриша, заученно расстегивая пуговицу пиджака и присаживаясь к столу.

Справившись с удивлением, я прочитала ему неудачные места и попросила внимательнее следить за подчиненными, которые работают на серьезных заказчиков. Вполне мирно мы обсудили тексты, сделали правки, и Гриша ушел. А я осталась в полном недоумении.

Значит, в ресторан я с ним не ходила. Тогда откуда пришла в «блядском платье» и с цветочком в тот вечер, когда Вадим ждал меня для серьезного разговора? А еще интереснее, с кем я тогда была?

По правде, я здорово боялась, что в этой реальности Грише как раз удалось уломать меня на продолжение вечера в более интимной обстановке. А то, может, у нас еще и определенные отношения сложились. Но нет, ничего такого не было. Ни ресторана, ни отношений. С одной стороны, хорошо. А с другой... Где-то ведь я была. Не по улицам же опять одна шаталась.

Но сильно задуматься об этом не получилось. Навалилась текучка: звонки, встречи, обсуждения материалов. Незаметно время подбежало к пяти часам, и я отправилась к Кире.

— Ну что, девушка, — сказала она, осмотрев мой зуб. — По-хорошему, надо мост делать. Пятерка мертвая, будет дальше крошиться. Шестерка тоже в лучшем случае год-два протянет. Восьмерки нет. Но пока можно подождать. Смотри, могу поставить большую пломбу, нарастить жевалку, но продержится максимум год. Могу сделать коронку на штифт, но если понадобится мост, придется снимать. А мост понадобится.

Вообще Кира была протезистом, но если надо, делала и терапию, только в самых сложных случаях отправляла в соседний кабинет к хирургу Феликсу. Когда мы с девчонками только познакомились с ней, она проходила у нас под кодовой кличкой Тазичек. Дело в том, что с пациентами Кира общалась так: «Полоскаем ротичек, поворачиваем головулечку и плюем водичечку в тазичек». И самое интересное, получалось это у нее настолько мило и забавно, что никого не раздражало. Но стоило Кире выйти из кабинета, она становилась вполне резкой и ядовитой на язык, при случае запросто могла завернуть матом.

Я согласилась на пломбу, запрокинула головулечку, открыла ротичек — в общем, отдала себя в ее цепкие лапы. К счастью, в кабинете заполняла карточки медсестра, поэтому свой важный разговор Кира отложила на потом.

— У меня сейчас еще пациент придет мосты проверить, — сказала она, закончив. — Ты иди в кафе, а я минут через пятнадцать подскочу. Только не жри ничего. И кофе не пей. Возьми соку или водички.

— Нина с Аллой приедут, — обрадовала я, вытирая салфеткой слюни.

— Ты что, с ума сошла?! — испугалась Кира.

— Успокойся. Нинка вчера позвонила. Сказала, что разговор есть. Видимо, о том же, что и у тебя. Хотела тебя убить, но я отговорила.

— Мда... — пробормотала она смущенно. — Ладно, давай, я скоро. Нинка с Алкой уже сидели в кафе и о чем-то оживленно спорили. Увидев меня, резко замолчали, по очереди поцеловали в щеку с незамороженной стороны и посмотрели друг на друга в замешательстве, не зная, с чего начать.

— Корнетова скоро подойдет, — помогла я. — Так вам удобнее будет.

Я взяла себе яблочный сок, и мы болтали о всяких женских пустяках, пока не пришла Кира. Помявшись, они начали выкладывать свою информацию, явно при этом страдая. Ни тени злорадства, которое, в теории, можно было ожидать, я не уловила.

В принципе, ничего нового я не узнала. Маринка просто забыла: кафе на Садовой мы когда-то облюбовали по той причине, что Нина работала рядом и знала его как вполне приличное место. Сначала нам там нравилось, но потом оно испортилось, и мы перебрались в «Абрикосова». Две недели назад Нина с коллегой зашла туда после работы поболтать за чашкой кофе и увидела Марину с Вадимом.

— Мы ушли сразу, но... Лер, все было так... она так нежно его по ручке гладила, в глазки заглядывала.

— А он что? — вполне спокойно спросила я.

— Похоже, ему это не очень нравилось, — Нина посмотрела на меня с недоумением. — Тебе что, Лер, все равно?

— Нет, Нин. Совсем не все равно. Просто он мне об этом рассказал. Вадим. Как она его позвала поговорить обо мне, а вместо этого стала предлагать себя.

— Он тебе рассказал?! — ахнула Алла. — Серьезно?! И что?

— Сказал, что послал ее лесом и ушел.

— Ты ему веришь? — поинтересовалась Кира, размешивая сахар в чашке кофе.

— У меня нет оснований не верить, — я пожала плечами.

— Да, Кир, — поддержала меня Нина. — Ты Вадима еще мало знаешь, а мы с Алкой уже... сколько? С третьего курса, да? Больше пятнадцати лет. Не тот он человек, чтобы крутить с подругой жены.

— Ну ладно, — смутилась Кира. — Вам виднее.

Мы поболтали еще полчаса и разошлись. Близнецы уехали на машине Аллы, а я повезла Киру до метро.

— Послушай, — сказала она, сражаясь с ремнем безопасности, —

что ты будешь с Маринкой делать?

— А что мне с ней делать? — удивилась я. — Глаза выцарапать? Мы с ней один раз уже чуть не разошлись, еще до нашего с тобой знакомства. Жаль, что чуть. Просто не буду с ней больше никаких дел иметь.

Кира вздохнула.

— Знаешь, ты поосторожнее. Я еще во вторник подумала, что она какую-то пакость задумала. Не знаю, обратила ты внимание или нет, что она тебя все время поддеть пыталась? Намеки какие-то, подколы. А уж фотография Вконтакте... Видела? — Я кивнула. — Я тогда понять не могла в чем дело. А потом Нинка мне рассказала. Взяла слово, что не проболтаюсь.

— То есть вы хотели, чтобы я ничего не узнала? — усмехнулась я. — Очень мило.

— Нет, Лер. Мы бы тебе все равно рассказали. Только не знали, как. Все-таки твой муж и твоя лучшая подруга, с детства...

— Ладно, Кирюх, проехали, — вздохнула я. — Противно, конечно. Но лучше, что я узнала от Вадима, а не от вас. Он тоже не знал, говорить или нет. Кстати, она, оказывается, на него уже больше пяти лет вешалась, хотя и не так откровенно. Будем надеяться, что страшно мстить не будет. Ни ему, ни мне.

— Блажен, кто верует, — покачала головой Кира.

Когда я вошла в квартиру, Вадим вышел из гостиной, но, как и утром, остановился поодаль.

— Сделала? — спросил он. — Зуб?

— Пломбу на время, — ответила я, снимая туфли. — Все равно мост потом надо будет ставить.

— Фигово, — посочувствовал Вадим. — Есть будешь? Я картошки пожарил.

— С луком? — застонала я, а желудок подпел голодным урчанием.

— И с сыром.

— Уруру!

Пока я мыла в ванной руки, он положил мне на тарелку картошки, нарезал огурец, помыл зелень. Я накинулась на нее, как будто три дня во рту крошки не было. Картошку Вадим жарил так, что я могла запросто умять целую сковороду. Правда, позволяла себе это крайне редко — не хотелось потом изводить себя диетами и зверским фитнесом. Заметной склонности к полноте у меня не было, но все равно приходилось за собой следить. Особенно учитывая, что часто я не успевала нормально пообедать и могла капитально нажраться на ночь.

Пока я ела, Вадим сидел рядом и пил чай. Я рассказала ему о разговоре с девчонками. И о предупреждении Киры тоже.

— Лер, вот скажи, неужели ты сама ничего не замечала? — спросил Вадим, глядя на меня поверх кружки.

— Чего? — не поняла я. — Что она к тебе липнет?

— Нет. Что она тебе завидует по-черному. Тебе, конечно, многие завидуют, но, мне кажется, никто так, как она.

— Знаю, — вздохнула я. — Всегда знала. И никогда не могла понять. Уж ей-то точно было известно, и как мы с тобой жили, и что нам ничего само собой с неба не свалилось.

— И все равно с ней дружила.

— Тут все, как в статусах пишут, сложно. Знаешь, как она всегда говорила? Что женщины могут дружить только в одном случае. Если у них взаимная зависть уравнивается взаимным чувством собственного превосходства. У тебя вот так, а у меня зато вот эдак.

— То есть ты ей тоже завидовала?

— Да. Только у меня какая-то зависть неправильная. Или наоборот правильная? Я могу порадоваться за кого-то и сказать: «Вот ведь круто, я бы тоже так хотела». А не «сволочь какая, у тебя есть, а у меня нет, чтоб тебе повылазило».

— Вот и разница. И тебя это не смущало?

Я задумалась. Ну вот как объяснить все мои детские страхи и комплексы? Вадим застал лишь самый краешек той замкнутой и страшно неуверенной в себе Леры, какой я была до встречи с ним. Да и изменилась я во многом благодаря ему. Может, и рассказала бы все, случись подобное в прежней реальности. Но... настройки сбились, и мы больше не были на одной волне. По крайней мере, сейчас.

— Знаешь, наверно, не очень смущало, — сказала я, подбирая с тарелки остатки картошки. — У меня, кроме нее, в школе вообще не было подруг. Я была такая вещь в себе. Совершенно асоциальное существо.

— Да ладно, — хмыкнул Вадим. — Не поверю. Судя по фотографиям, ты была очень даже хорошенькая, а детей внешняя красота притягивает. Если ты не была какая-нибудь мерзкая ябеда или плакса, с тобой наоборот все должны были хотеть дружить.

— Да нет, не ябеда и не плакса. Скорее, слишком умная. До седьмого класса круглая отличница.

— И что? Я школу с золотой медалью окончил, но у меня таких проблем не было.

— Ты такой... лояльный. Снисходишь до дураков. А мне было скучно. Я, может, и хотела с кем-то дружить, но интереснее было с теми, кто постарше. А тем, кто постарше, было не интересно со мной.

— А с Маринкой, значит, было интересно?

— Мы сидели за одной партой, жили рядом. С ней тоже никто особо не дружил.

— Понятно. Встретились два одиночества. А с ней почему не дружили?

— Она была толстая и некрасивая. Для младших классов этого бывает достаточно. А еще она была такая... мажористая. Папа у нее был очень непростой. Из криминального бизнеса. Жили они в четырехкомнатной в «Вашингтоне».

— Где? — не понял Вадим.

— Сталинская высотка на Кузнецовской, рядом с парком Победы. Так ее называли. Тряпки у нее всегда были самые модные, мобильник появился раньше всех. В общем, ей завидовали и никто не любил. Я тоже завидовала, но хотя бы не по-черному. Знаешь, у дружбы бывают иногда очень странные причины.

— Да уж... Еще хочешь? Картошки?

— Хочу, но не буду, — вздохнула я. — Спасибо.

— Интересно, а тебе она почему завидовала? — Вадим поставил мою тарелку в посудомойку и сел обратно. — Кроме внешности?

— Ну, например, тому, что я писала. Стихи, рассказы. За сочинения у меня всегда пятерки были. Она тоже пыталась, но получалась полная фигня. Хотя за грамотность у нее тоже были пятерки. Мы ведь вместе на журфак поступали, но она сочинение завалила. Пошла в Полиграф на издательское дело.

— Ты мне свои стихи никогда не показывала, — Вадим искоса посмотрел на меня.

— Я их в одиннадцатом в один журнал отправила. Толстый, литературный. Там меня красиво размазали, посоветовали больше читать классиков, и больше я уже не писала. Наверно, у родителей где-то лежат на антресолях. Две тетрадки.

— Хочешь страшную тайну? — улыбнулся Вадим.

— Ты тоже стишками баловался?

— Я нет. А Петька пишет.

— Он тебе показывал?

— Да ты что?! Пашка проболтался. Но он тоже не видел. То есть видел, но не читал. А Петька Пашку тоже заложил. Что тот в девчонку из параллельного влюблен. Правда, без взаимности. Смотри, не ляпни им чего-нибудь только.

— Чума на лыжах! — я закрыла лицо руками. — Ты там с ними ликбез какой-нибудь проведи, что ли. А то принесут нам внуков на воспитание.

— Не волнуйся, провел. И даже по резинке вручил. Не для использования, а на всякий случай. Все равно рано или поздно припрет, так уж лучше пусть будет.

Кольнуло досадой, что двойняшки делятся такими вещами с Вадимом, но, если подумать, так было и раньше. Да и потом не мне же с ними о безопасном сексе беседовать. Но все равно казалось

невероятным: малявки, которых я совсем недавно кормила с ложки и учила сморкаться в платок, вдруг как-то внезапно доросли до презервативов в кармане. Четырнадцать лет! Мне было столько же, когда я влюбилась в Котика. Правда, тогда мне об одной мысли о чем-то подобном было дурно.

Я вспомнила выпускной в девятом, Наташку Леонтьеву, два Женькиных письма, и меня передернуло.

— Чаю налить? — спросил Вадим.

— Нет, спасибо, — отказалась я.

Это было странно. После той ночи на даче, после вчерашнего разговора мы вдруг сидим рядом и болтаем. Совсем так же, как неделю назад — в другой жизни. Хотя нет, не совсем так. Раньше, даже разговаривая о чем-то серьезном, мы все равно друг друга постоянно подкалывали, щипали, пихали, строили глазки. Как будто не прожили вместе пятнадцать лет. А сейчас все было мирно, спокойно, но между нами как будто стоял прозрачный барьер. Как в кино — на свидании в тюрьме.

Словно услышав мои мысли, Вадим вдруг накрыл мои ладони своими и посмотрел мне в глаза.

— Лера... То, что ты сказала вчера... что, может, нам попробовать снова — это серьезно?

Я молча кивнула.

— Пожалуйста, ответь мне на один вопрос. Почему сейчас? Что случилось такого, что тебя вдруг развернуло на сто восемьдесят градусов? Для меня это очень важно.

— Я не знаю.

— Лера, это не ответ. Пока я не знаю причину, мне это будет очень сильно мешать. Ты же понимаешь, что это наш последний шанс? Или мы сейчас попытаемся что-то исправить, или уже никогда.

— Вадим, я понимаю. Но это правда. Я не знаю, почему. Может быть, просто накопилась какая-то критическая масса. Может быть, я о чем-то думала во вторник, после того как наорала на тебя. Я не помню. Я тогда действительно здорово набралась.

Я бессовестно врала — и скрестила за спиной пальцы. Но что я могла сказать? Рассказать правду? Даже если бы вдруг он мне поверил — а он бы мне точно не поверил! — это была совсем не та правда, которая могла помочь. Только наоборот. Это было примерно как

рассказать об измене. Никогда никому от такой правды еще не было легче. Это как ржавчина, которую можно замазать краской и притвориться, что ее никогда не было, но она все равно продолжит разъедать.

— Может, ты не поверишь, но... — продолжила я. — Ты вчера сказал, что за пять лет не удалось все до конца убить. И знаешь, я тоже тебя еще люблю.

И это тоже было неправдой. Слово «еще». Потому что сейчас я, наверно, любила его сильнее, чем раньше. Неделю назад это была такая безусловная любовь, нечто само собой разумеющееся. Да, у нас были трудности, но мы через них прошли. Да, иногда злились друг на друга, ссорились, но это уже ничего не могло изменить. И вдруг оказалось, что я продираюсь сквозь страх потери, боль, досаду.

Вадим потянулся ко мне и поцеловал в лоб.

— Я знаю, что моей вины во всем больше, — тихо сказала я. — Да нет, наверно, я одна во всем виновата...

— Лера, перестань, — он перебил меня. — С самого начала мы были виноваты оба. Помнишь, когда все было плохо — мы держались. Денег нет, по стенам тараканы ходят, дети болеют без конца, работа адова, спишь на ходу. И все равно у нас с тобой все было хорошо. Между нами. А потом вдруг раз — и свалилось благополучие. Как в лотерею выиграла. Вот тогда вся эта накопившаяся усталость и вылезла. Не сразу, далеко не сразу. Помнишь?

— Да, — вздохнула я. — Это действительно была усталость, очень верное слово. Наверно, как у солдат, которые с войны вернулись. Не надо отстреливаться, не надо каждую минуту ждать, что убьют. Вот тут нервы и не выдерживают. Мне тогда все время казалось, что все не так, как раньше. Что ты меня разлюбил. Даже не ревность... не знаю, какое-то противное чувство. Что я тебя теряю. И ничего не могу поделать.

— А меня тогда все раздражало. С диссертацией завязло, декан почему-то решил меня сожрать, приглашение в Англию сорвалось, а это для диссера очень нужно было. Ты без конца спрашивала, в чем дело, я отвечал, все как есть. Ты не верила, меня это бесило. Хотя тогда меня вообще все бесило. Ты, дети, дом. Иногда такое накатывало — бросить все, убежать на край света. А кто-то нам завидовал — счастливики, везунчики. Лера, послушай, давай сейчас не будем выяснять, кто больше виноват. Это ничего уже не изменит. Если мы будем выбираться

из этого болота — значит, будем выбираться вместе. Только я тебя прошу — не жми на газ. Ты же понимаешь, что все будет долго и трудно. И что, может быть, мы не раз сорвемся, поругаемся, припомним друг другу все плохое.

— Я понимаю...

Вадим обнял меня, какое-то время мы сидели так молча, потом он встал:

— Будем считать, что подписали протокол о намерениях. Ложись, если хочешь, а мне надо в конце концов статью дописать. Сегодня уже редактор звонил, спрашивал, когда. А я за четыре дня всего три абзаца написал.

Следующие несколько дней мы словно на цыпочках ходили. Такие внимательные друг к другу, предупредительные. Я собиралась на работу первая, Вадим выходил в прихожую меня проводить. Писали друг другу сообщения в вайбере о том, что благополучно добрались. Вечером я, если приходила раньше, встречала его. Вместе ужинали, разговаривали — о работе, о детях, обо всем, что приходило на ум. При этом мы не то что ни разу не поцеловались, но даже не дотронулись друг до друга. Даже случайно.

Иногда меня что-то раздражало, причем довольно сильно. Думаю, его тоже, но мы оба старались сдерживаться. Я все время вспоминала его слова: будет долго и трудно. И еще: не жми на газ. Наверно, это было самым сложным — не форсировать события. Если не считать того, что я по-прежнему двигалась вслепую, почти ничего не зная о событиях последних пяти лет. Да, что-то можно было восстановить, опираясь на последствия, как с Гришей или с больницей, но большая часть по-прежнему оставалась в тумане.

Мне оставалось только наблюдать, анализировать и делать выводы. Слова Вадима о накопившейся усталости, которая вылезла почти через три года после того, как у нас все более-менее наладилось, многое для меня прояснили. Когда было трудно, мы держались друг за друга, за свои чувства. Они помогали карабкаться вверх, добиваться лучшего для себя, для детей. Это был мощный стимул, но он требовал такого же огромного напряжения всех сил. Мы превращали его в энергию, а потом, когда стало легче, оно уже перестало быть нужным. Хотя никуда не делось. Копилось где-то в глубине, пока не рвануло.

Я понимала, что если нам удастся выстроить отношения заново, они будут для меня еще более ценными, чем раньше. И все же... если бы вдруг кто-то предложил все вернуть — вернуться в утро среды, и чтобы не было никакого парка, никакой скамейки, грозы и поцелуя с Котиком... Нет, я не раздумывала бы ни секунды.

А еще меня здорово тревожила история с Маринкой. Отвергнутая женщина — это мина замедленного действия. А уж если она еще и завистливая... От нее можно было ждать чего угодно. И даже то, что я

была предупреждена, не слишком успокаивало.

В четверг вечером Вадим пришел с работы и сказал, что утром едет в Таллин на конференцию. Вообще должен был ехать другой человек, но заболел, и ему срочно нашли замену. Я огорчилась — и все же немного обрадовалась. Надо было перевести дух, расслабиться, набраться сил. Моему внутреннему верблюду предстоял длительный переход по пустыне, и мне совсем не хотелось с ревом улечься на песок задолго до оазиса.

В аэропорт я не поехала, проводила Вадима дома, встав в шесть утра. А потом уселась с чашкой кофе на кухне и задумалась, глядя на пустую упаковку от таблеток.

Покупать новую или нет?

В прежней реальности я приняла бы сегодня последнюю таблетку и запаслась вместо следующей упаковки парочкой тестов на беременность. Вероятность того, что все получилось бы в первый же месяц, была не очень велика, но все же была. Я не сомневалась, что рано или поздно мы снова займемся любовью, и мне не хотелось забеременеть случайно. Это решение мы тоже должны были принять вместе. Но говорить об этом сейчас было бы явно преждевременно.

Значит, покупать.

Я вспомнила, как ехала тогда на работу на метро и улыбалась, думая о том, что нас ждет. Маленький человечек... И даже толком не успела порадоваться этой мысли.

Спокойно, Лера. Может, все еще будет. По-настоящему новое начало.

Не доехав до бизнес-центра, я остановилась у аптеки, а потом зашла в ремонтную мастерскую по соседству и повторила фокус с купюрой и телефоном.

— Доброе утро, Василий, — поприветствовала я детектива. — Медицинская маска беспокоит. Как наши дела?

— Дела наши, уважаемая Медицинская маска, к сожалению, не в полном ажуре, — обрадовал он меня. — Досье на ваш объект готово, без халтуры, кроме одного пункта. Интима.

— Ну вот, — огорчилась я. — А это было самое важное.

— А вы об этом ничего не сказали, — справедливо парировал Упадышев. — Мы бы тогда с него и начали. Понимаете, достаточно просто отследить текущие связи, но вам-то нужны за пять последних

лет, это не на пару дней работы. Одно только могу сказать, за прошедшую неделю дама ни с одним мужчиной не встречалась. Я, конечно, не могу гарантировать, что у нее не было скорострельных огневых контактов на рабочем месте, но...

— Спасибо, я и так знаю, что не было. Что будем делать?

— Вы можете заплатить меньше, забрать то, что есть, и подождать. Или подождать и забрать целиком, когда будет готово.

— А когда будет готово?

— Бру-бу-бум... — задумался детектив. — Дайте мне дней десять. Идет?

— А куда деваться, — вздохнула я.

Мы договорились, что я подъеду вечером за тем, что сделано. Самое интересное, я даже не могла толком понять, расстроилась или нет. С одной стороны, хотелось поскорее узнать о себе все, что возможно, но... было страшно. Потому что я совершенно не представляла, что буду делать, если выяснится: у меня была какая-то связь на стороне.

Пришло сообщение от Вадима: долетел благополучно. Обычно, когда он куда-то уезжал, в первый день я просто от него отдыхала, но уже к вечеру начинала скучать. Однако этим вечером мне точно было не до скуки.

Я лежала на диване в гостиной, листала папку с аккуратно подшитым отчетом и никак не могла избавиться от противного чувства, что за мной наблюдают. Прямо сию секунду. Да, я сама этого хотела и сама впустила наблюдателей в свою жизнь. Но все равно было очень неприятно. А неприятнее всего, пожалуй, то, что я знала: меня рассматривали под микроскопом — но никак этого не ощутила. Бешеные деньги Упадышев брал не за просто так. Интересно, кто он бывший — мент, фсбшник?

Конечно, многое мне было уже известно, например, поездки за границу, рабочие и личные контакты. Но и нового хватало. По крайней мере, вся моя профессиональная деятельность была как на ладошке, и я теперь могла не беспокоиться, что попаду впросак. Да и некоторые телефоны из записной книжки перестали быть загадкой.

В разделе о Вадиме были кратко перечислены его контакты с лицами женского пола, после чего следовало резюме: оснований подозревать наличие интимных связей нет. Видимо, подозревать его в

интимных связях с лицами мужского пола оснований было еще меньше, раз об этом даже не упомянули.

В списке людей, с которыми я пересекалась, хватало мужчин: и тех, кого я знала раньше, и совершенно незнакомых. Но это было лишь перечисление с краткими личными данными: возраст, род занятий, семейное положение, род контактов, иногда фото. Я дошла уже до последней страницы, и вдруг меня словно ледяной водой окатило.

В числе прочих в списке фигурировал Евгений Алексеевич Котов, 1983 года рождения, банковский служащий, разведенный. В графе «род контактов» значилось: «одноклассник, оффлайн».

В прежней реальности мы с Котиком виделись последний раз на его свадьбе. Я тогда уже ждала двойняшек и умирала от токсикоза, поэтому мы с Вадимом пришли только на регистрацию и были очень рады побыстрее сбежать. Потом от кого-то из общих знакомых я слышала, что он с женой из Питера уехал, хотя это меня уже совершенно не интересовало.

Но если сейчас детективы записали его в мои контакты, причем не виртуальные, значит, он вернулся. И пересекались мы с ним наверняка не один раз.

Господи, взмолилась я, пожалуйста, только не это! Пусть мы встретились пару раз в кафе поболтать. Просто одноклассник, ничего больше.

Я встала, нашла в секретере наш с Вадимом свадебный альбом, полистала. На последней странице была большая фотография: мы с ним стоим у подножья лестницы в загсе, рядом свидетели: Нина и друг Вадима Иван, а на ступеньках родные и гости. Где-то на самом верху, с краю притулился Котик. Тощий, сутулый, челка на глаза, пиджак на джемпер.

Я вспомнила тот поцелуй в парке на скамейке, и меня снова передернуло.

Спала я ужасно, просыпалась каждые десять минут, а под утро приснилось, что я вернулась домой после той грозы и обнаружила себя замужем за Котиком. И что у нас дочь — худая прыщавая дылда.

По-хорошему, за руль в таком состоянии садиться не следовало, но я представила, как возвращаюсь в воскресенье домой в набитой электричке, приняла холодный душ и попелась на стоянку. И выехала на первый же перекресток на красный свет. К счастью, машин в

субботнее утро было не так много. После этого я постаралась взять себя в руки. Еще не хватало только попасть в аварию.

На даче меня немного отпустило. Кто-то из соседей сказал маме, что в лесу уже пошли колосовики, и мы с мальчишками пошли проверить. Нагулялись, нашли три гриба. Петька с Пашкой носились по лесу, как подросшие нескладные щенки, скакали вокруг меня, приносили показать какие-то листики-цветочки. Мне показалось вдруг, что вообще ничего не изменилось. Точно так же мы ходили с ними в лес в мае, когда все еще только расцветало. После бессонной ночи, от переживаний и свежего воздуха у меня начала кружиться голова.

— Мам, ты слишком много работаешь, — безапелляционно заявил Пашка. — У тебя отравление кислородом.

Вечером, после неспешного чая из самовара на веранде, позвонил Вадим, и мы долго разговаривали. А потом я легла на его кровать и моментально уснула. А когда проснулась утром, все показалось уже не таким мрачным.

В конце концов, за десять дней чертов Котик ни разу не дал о себе знать. Ни звонков, ни сообщений, ничего. Даже если — не дай бог! — у нас с ним было что-то и закончилось, я просто забуду об этом — как о страшном сне. Да что там и забывать-то, если я ничего не помню. Точнее, не знаю. И нечего из-за этого переживать. Да, это была я — и все-таки не я!

Вадим должен был вернуться в среду. Я собиралась поехать в аэропорт, но он до последнего момента не знал, каким рейсом полетит. Или только так говорил, что не знает. Потому что в пять часов, когда я думала плюнуть и отправиться в Пулково, чтобы ждать там, он позвонил и сказал, что уже дома.

— Ничего себе сюрприз! — протянула я, пытаюсь скрыть легкое разочарование — мне так хотелось его встретить.

— Не задерживайся! — попросил он, и было в его интонации что-то такое, от чего внутри все нетерпеливо задрожало.

— Уже еду...

Быстро выключив компьютер, я схватила сумку и выскочила из кабинета, почти бегом.

— Лен, я уехала, — бросила на бегу и уже в коридоре услышала:

— До свидания, Валерия Сергеевна!

Я успела выехать до самых плотных пробок, но все равно казалось, что еду слишком медленно. И что вокруг сплошные водятлы, впервые севшие за руль.

Хорошо, что сегодня, а не вчера, подумала я и захихикала, как дуручка. Было бы обидно. Вспомнилось, как Вадим первый раз уехал за границу, кажется, в Берлин, на две недели. Тогда он еще учился в аспирантуре. Я страшно по нему скучала. А в тот день, когда он должен был вернуться, упростила маму забрать мальчишек из садика и оставить их у себя на ночь.

«Смотрите там, поаккуратнее, еще парочку не настрогайте», — проворчала она.

В результате мы только пообнимались слегка и завалились спать. Вадим был в хлам простужен, а я тоже... вне кондиции.

Поставив Джерри на стоянку, я посмотрела на наши окна. Из спальни сквозняком вытянуло занавеску, словно окно насмешливо показывало язык.

А если... ничего?

Ну и... ладно.

Ну и ничего и не ладно. Но ведь придется делать вид, что все в

порядке, что ничего страшного, все нормально.

Лифт спускался сверху медленно-медленно. А потом так же медленно карабкался на пятый этаж.

«Ну быстрее, ты, черепаха!»

Я вошла в прихожую, бросила сумку на тумбочку, скинула туфли. В холле на столике стоял в вазе букет темно-красных, почти черных роз. Может, потому, что я уже была заведена дальше ехать некуда, они мне показались дико, вызывающе сексуальными. В них было что-то подчеркнуто женское, страстное. Хотелось ощипать лепестки, раскидать по постели и предаваться на них разнузданным ласкам, вдыхая темный, тяжелый аромат.

— Вадим? — позвала я тем особым голосом, который рождается в самых тайных глубинах и в самых особых случаях.

— Иди сюда, — отозвался он из ванной.

Свет был выключен, но в стоящих на полу подсвечниках горели несколько свечей — высоких, с дурманящим запахом белых цветов. Любка? Нет, здесь, пожалуй, мешались нарцисс, белая сирень, ландыш, что-то еще.

Вадим полулежал в ванне, на бортике у стены стояла открытая бутылка вина, высокий бокал. Я села на край, наклонилась, поцеловала его в губы. Поцелуй был похож на медовую струйку, стекающую с ложки — долгий, тягучий, сладкий.

— Ты похож на бомжа, — сказала я, проведя по его щеке. — Как тебя только пускали в приличное место?

— Кажется, трехдневная щетина снова в тренде, — Вадим поймал мои пальцы губами и тут же отпустил. — Может, так и оставить?

— Нет, лучше пусть борода, — возразила я. — Мне всегда нравилось.

— Ты сейчас будешь вся мокрая, — он брызнул на меня водой.

— Я и так уже вся мокрая.

Прозвучало это здорово двусмысленно. Мы смотрели друг на друга и улыбались одинаково — чуть напряженно, дразняще.

— Так чего ты ждешь? — прошептал Вадим. — Особого приглашения?

— Особого, — кивнула я.

Он протянул мне бокал, я отпила немного. Красное, полусладкое. Отдающее лесной земляникой, разогретой солнцем. Оно напомнило

один страшно неприличный эпизод на поляне посреди соснового бора, давным-давно, когда мы еще не были женаты. Запах подвяленной зноем травы и багряно-спелой земляники, которую Вадим кидал мне в рот по яголке. И как мы целовались, губами отбирая друг у друга последнюю, самую крупную и сочную.

Я отдала ему бокал, встала и медленно начала раздеваться, чувствуя его взгляд — жадный, осязаемый до дрожи. Сняв блузку и лифчик, подняла руки, закалывая шпильками волосы. Грудь тоже поднялась выше, кожа мерцала в призрачном свете, отливая серебром. Я провела по ней руками, чуть задержавшись на сосках, медленно спустилась до талии, расстегнула молнию на юбке. Так же медленно потянула ее вниз, перешагнула через нее. Подошла ближе, проводя двумя пальцами под кружевной резинкой.

Вадим сел, поймал мои руки, мягко и настойчиво опуская их ниже. Я едва слышно застонала, когда его пальцы оказались там же, сталкиваясь с моими.

— Как я люблю смотреть на тебя, когда вот так дотрагиваюсь до тебя, — сказал он, задыхаясь. — На твое лицо. Лера...

И вдруг он резко убрал руки, поддернул резинку вверх и усмехнулся:

— Мы ведь не будем торопиться, правда?

Я вцепилась ногтями в его плечо и прошипела, наклонившись к уху:

— Я тебя утоплю, сволочь!

— Тигра! — рассмеялся Вадим, сжимая мои бедра.

Внезапно мои черные стринги оказались где-то на лодыжках, а его губы и язык... Боже мой, что он делал со мной! Я стояла, выгнувшись назад, оперевшись о ванну коленями, запрокинув голову, из последних сил оттягивая тот момент, когда все вокруг исчезнет в белом пламени.

Ну уж нет... не сейчас!

В последнюю секунду я успела оттолкнуть его, стряхнула стринги и забралась в ванну. Села между его ног лицом к лицу, обхватила ступнями поясницу, откинулась назад, положив голову на бортик. С душа на лицо упала капля, я смахнула ее, потянулась за бокалом.

— Пожалуй, мы и правда не будем торопиться...

— Вот как ты хочешь? — глаза Вадима горели, его рука под водой неторопливо прошлась по моей ноге, от лодыжки до бедра. — Ну

ладно... посмотрим, кто кого.

Мы нежились в теплой воде, передавая друг другу бокал, из которого отпивали по крошечному глотку, смотрели в упор, словно играя в гляделки. Легко прикасались друг к другу — как будто случайно. Это было похоже на «Болеро» Равеля, когда ритм, сначала такой неспешный, почти ленивый, постепенно нарастает с каждым тактом, и плавная мелодия превращается в гимн экстаза.

Все вокруг плыло в мерцании, тихий плеск воды напоминал о море. Напряжение желания становилось все сильнее, почти невыносимым, но мы ждали — кто не выдержит первым. Я кусала губы, еще крепче сжимая ногами талию Вадима, он смотрел на меня из-под прикрытых век, тяжело дыша. Это была та игра, в которой поражение ничем не хуже победы, потому что приз достается обоим.

Наконец я сдалась — закрыла глаза и покачала головой. Вадим рывком притянул меня к себе, наклонился, целуя грудь. Обхватив ее ладонями, он по очереди захватывал губами соски и обводил их по кругу языком. Мне казалось, что от меня летят тысячи искр, и вода, наверно, должна была светиться.

Нет, еще не сейчас!

Я протянула руку и нащупала пробку, вода с шумом начала вытекать из ванны.

— А жаль, — заметил Вадим, встал и снял с крючка полотенце.

— Здесь слишком темно, — я опустила глаза, якобы смущенно. — И тесно.

Он помог мне выбраться из ванны, мы стояли на коврике, закутавшись в полотенце, и целовались. Поднырнув под его руку, я выскользнула в холл и села на диван. Достала из вазы одну розу, оборвала листья, сломала шипы.

Диванчик этот для занятий любовью подходил еще меньше, чем ванна — узкий, короткий, скользкий. Но для меня он имел особое значение, поскольку пять лет назад внес свою весомую лепту в то, что мы помирились. Жаль, что я не могла рассказать об этом Вадиму.

Он встал перед диваном на колени, взял у меня розу, медленно провел ею по моему телу: по груди, животу, внутренней стороне бедер. Бархатистые лепестки ласкали кожу, от густого, маслянистого аромата кружилась голова. А еще больше — от слов, которые Вадим, наклонившись, шептал мне на ухо.

Я провела ладонями по его спине, задержавшись на ягодицах и бедрах, потянула к себе. И когда он вошел, сильно и глубоко, мне показалось, что я заполнена им до самых краев. Что мы растворяемся друг в друге, превращаемся в фантастическое существо с общей кровью, одним сердцем и одним дыханием. Каждое его движение отзывалось во мне эхом, рождая невыносимо острое наслаждение.

А потом все исчезло — осталось только золотое сияние, которое со звоном осыпалось тысячами звезд.

— Я думал, так никогда уже не будет, — тихо сказал Вадим, убирая волосы, упавшие мне на лицо. — Я люблю тебя!

— И я тебя люблю! — мои губы на секунду задержались на мочке его уха, опустились ниже по шее. — И никогда не переставала.

Казалось, мы никогда не сможем насытиться друг другом. И что теперь нас ждет сплошное безоблачное счастье. Но, как выяснилось, это только казалось.

Уже на следующий день мы разругались в хлам. Видимо, для того, чтобы жизнь не казалась медом. Орала друг на друга, не выбирая выражений, и я даже грохнула об пол тарелку, чего раньше вообще никогда не делала. Причем по совершенно глупой причине, фактически на пустом месте.

Утром Вадим заскочил на часок в университет, договорился о паре отгулов и поехал к маме в Ломоносов. И вернулся оттуда в обычном встрепанном состоянии.

Мамочка его Ольга Павловна, или мама-дорогая, была классической свекровью и возненавидела меня уже только за то, что я вздумала позариться на ее мальчика. Любая невестка для нее была бы нехороша по определению. С годами это чувство не только не прошло, но, похоже, даже усилилось. Любопытно, что Вадим меньше всего на свете был маменькиным сыночком, но это ничего не меняло.

К счастью, приезжала мама-дорогая к нам очень редко, в основном по круглым датам. Вадим навещал ее раз или два в месяц, иногда с двойняшками, которые видеть «ту бабушку» желанием вовсе не горели. Поездки в Ломоносов Петька с Пашкой считали тяжелой повинностью. За пару-тройку часов Ольга Павловна умудрялась достать их до такой степени, что потом к ним лучше было вообще не соваться, настолько они были злющие. Меня она не приглашала, чему я была только рада.

Когда-то Ольга Павловна преподавала в школе немецкий язык, но пять лет назад вышла на пенсию и с тех пор маялась от безделья. Для приварка к бюджету она давала частные уроки, но это отнимало всего несколько часов в неделю. Все остальное время посвящалось склокам с соседями. Ну а когда приезжал Вадим, да еще если с мальчишками, тут вообще начинался пир духа.

Насколько я знала по рассказам, программа практически не менялась. Сначала мама-дорогая жаловалась на здоровье, потом на Путина, потом на соседей. Это была увертюра. Дальше начиналось

основное действие. Первым актом высказывалось, что Вадим плохо выглядит, похудел, плохо одет, слишком много работает — видимо, жена тянет из него все соки. Дальше разговор плавно выезжал на жену, которая обвинялась во всех смертных грехах: жадная, невнимательная, плохая хозяйка, много работает, за мужем не смотрит, за детьми не смотрит и так далее. Если Вадим приезжал к ней с двойняшками, добавлялась еще одна тема: дети одеты черт знает во что, слишком худые, дерзкие, не уважают старших, плохо учатся (оба закончили восьмой класс без троек). И, разумеется, в этом виновата мать, которая...

Иногда Вадиму удавалось сбежать без скандала, но чаще он не выдерживал, и все заканчивалось слезами, упреками и обидами — разумеется, с ее стороны. В этот раз, видимо, все прошло особо резко, потому что вернулся он с шерстью дыбом. Как ни пыталась я хоть как-то все сгладить, но все-таки на мину наступила.

Дернул же меня черт сказать, что лучше бы мама-дорогая пошла в какой-нибудь кружок бальных танцев или завела собачку. Меньше времени оставалось бы на всякую хрень. Хотя, по большому счету, было абсолютно неважно, что именно я сказала. Надо было вообще молчать, как партизан на допросе, а я распустила язык. Вадим тут же завелся с пол-оборота и припомнил, что я постоянно о ней в последнее время плохо отзываюсь. Разумеется, шипеть в ее адрес разрешалось только ему. По правде говоря, я старалась вообще о ней никак не отзываться, но за последние пять лет поручиться не могла. Слово за слово — и понеслось.

В самый разгар войны зажужжал мой телефон, и я сбросила звонок, даже не посмотрев на экран. Но это дало Вадиму возможность ретироваться в свой окоп — хлопнуть дверью гостиной.

Высказав в мировое пространство все, что думаю о маме-дорогой (разумеется, вполголоса, чтобы не было слышно за стеной), я сварила себя кофе, плеснула туда сливочного ликера и села за стол. Разумеется, я помнила слова Вадима о том, что мы не раз сорвемся и разругаемся, но не думала, что это случится так скоро. Тем более после того, что было вчера. Но особо удивляться не стоило. Когда негатив копится столько времени, наивно ждать, что можно сразу все перечеркнуть и обо всем забыть. Нет, сочтись все будет долго. Как гной из лопнувшего нарыва.

Я выпила кофе, помыла чашку и только после этого вспомнила о сброшенном звонке. Последним в журнале входящих значился телефон Марины. Это было уже совсем неприятно.

После разговора о ней с Вадимом и с девчонками я сначала сгоряча решила вообще разорвать отношения и занести ее телефон в черный список. Но, подумав, поняла, что это стратегически неверно. Такую опасную змею стоило держать под контролем. Сама я ей звонить не собиралась, но на ее звонки все же лучше было отвечать. Хотя бы уже для того, чтобы знать о ее намерениях. Пусть даже приблизительно. И вот такой прокол. Хоть набирай и спрашивай, что ей было надо.

Я крутила телефон в руках, не зная, как поступить. В другой ситуации наверняка посоветовалась бы с Вадимом, но сейчас это было явно не ко времени. В конце концов решила не перезванивать.

Спать мы легли, повернувшись друг к другу спинами и даже не пожелав спокойной ночи. Наутро все еще дулись, но уже как-то вяло. Скандал явно выдохся. Вадим вполне мирно сказал, что собирается в автосервис, а оттуда сразу поедет на дачу.

Приехав в офис, я поняла, что работать не могу. Давило виски, звенело в ушах. Похоже, погода намеревалась испортиться. За всеми утренними разговорами я даже забыла посмотреть прогноз на сегодня. Может, сбежать домой? Но тут Лена принесла кофе и напомнила о встрече с Чарушниковым и еще двумя пиарщиками. Мы уже давно готовили к запуску совместный проект, и теперь предстояло обсудить детали. Отвертеться не получилось бы никак.

Ехала я на встречу в самом мрачном настроении. И дело было не только в неважном самочувствии. В голову все время лезло одно и то же: парк, скамейка, поцелуй с Котиком. И то, что потом произошло в офисе Чарушникова, когда я поняла: что-то изменилось. А теперь мы сидели там же, обсуждали с партнерами наши дела, и я никак не могла сосредоточиться.

— ВалерСергевна, как вы ко мне ни приедете, так и гроза, — сказал Чарушников, подойдя к окну. — Тучи какие собираются. А вроде, по прогнозу не обещали.

Когда я вышла из бизнес-центра на стоянку, небо с севера действительно было черным, как и в прошлый раз. «Горе, горе, крокодил наше солнце проглотил», — вспомнила я Чуковского. Оно еще светило, но тучи уже подобрались к нему вплотную.

Гроза... в тот раз тоже была гроза. А на следующий день я приехала снова, села на скамейку — и ничего. Может, дело в грозе? Может?..

«Лера, ты совсем рехнулась? — одернула я себя. — Тебе мало неприятностей? Хочешь еще? Что, если все станет еще хуже? Мы только-только с Вадимом начали из этого выбираться».

«А что, если это шанс? — возразила какая-то часть меня. — Ты же говорила, что ни секунды не раздумывала бы, если б такая возможность появилась. Возможность все вернуть. Ведь все дело в поцелуе, которого не должно было быть. Если его не будет...»

Хоть монетку кидай. А почему бы и не кинуть? Я вытащила из кошелька пять рублей. Орел — попробую. Решка — нет.

Выпал орел. В конце концов, скорее всего, ничего и не выйдет. Гроза — не гроза, какая разница! Это был какой-то одноразовый провал во времени. Так что... Но даже если вдруг снова удастся вернуться на двадцать лет назад, я ведь знаю, в чем дело. Знаю, как все можно исправить. Просто помахать Котику рукой, когда он пробежит мимо. И все. Ничего не говорить, не звать его. И ничего не будет. Ничего не изменится. Конечно, две последние недели прежней реальности тоже выпадут, я не буду о них ничего знать, но лучше две недели, чем пять лет. Особенно если учесть, что Котик здесь вдруг оказался в числе моих контактов — и хорошо, если это просто контакт, а не что-то похуже.

Последнее обстоятельство заставило меня решиться. Я свернула на Кузнецовскую и поставила Джерри там же, где и в прошлый раз. Перебежала дорогу, вошла в парк. Аллея, детская площадка, каток, еще одна аллея. Вот и скамейка в глухом закоулке — никуда не делась. Такая же белая, сверкающая свежей краской. Я огляделась по сторонам — никого. Забралась на скамейку, села на спинку, поставив ноги на сиденье. Тучи почти затянули солнце. Издалека заворчал гром — пока еще тихо.

...За шиворот с куста тиса упала холодная капля — я вздрогнула. Из-за поворота показалась Маринка.

— Сидишь? — спросила она ехидно. — Котика ждешь? Ну сиди, жди. Бежит твой ненаглядный.

Шорох гравия, синее пятно спортивного костюма мелькнуло за деревьями. Женька поравнялся со скамейкой, повернул голову. Я подняла руку, чтобы махнуть ему. Моя кроссовка скользнула по мокрому сиденью, и я съехала со спинки вниз, больно ударившись об нее затылком.

— Лерка, ты не ушиблась?

Женька подбежал ко мне, сел рядом, неловко положил руку на мое плечо.

— Все в порядке, — дернулась я, но Женька руку не убрал.

Он наклонился ко мне...

Сверкнула молния, почти сразу же ударил гром. Все небо было затянуто черно-лиловыми тучами. Верхушки деревьев тревожно шумели на ветру. Я сплюнула, вытерла губы, выругалась и быстро пошла к выходу из парка.

Первые капли дождя упали, когда я переходила улицу. Пришлось поднажать. Стоило мне захлопнуть дверцу машины — и началось. Лило так, что я не рискнула тронуться с места. Сидела и смотрела, как змеятся по лобовому стеклу потоки воды. Молнии вспыхивали одна за другой, раскаты грома накладывались один на другой. Меня трясла крупная дрожь.

Спокойно, Лера, спокойно!

Я достала из сумки паспорт. Соболева Валерия Сергеевна. Не Котова — уже слава богу. Зарегистрирован брак с Соболевым Вадимом Петровичем. Дети — Соболев Петр Вадимович и Соболев Павел Вадимович.

Я набрала номер Вадима.

— Ты еще не доехал?

— Еду, — ответил он. В трубке был слышен шум двигателя и какая-то музыка по радио. — Все в порядке?

— Да, просто тут гроза дикая. Я на юге, в Московском районе.

— А, ну тут прошла уже. Дорога мокрая, но солнце. Ладно, давай. Приеду — напишу. Целую.

«Приеду — напишу» и «целую» — это был хороший знак. Моя

неудачная попытка все исправить не навредила еще больше. Видимо, дело было в том, что тот единственный поцелуй в парке что-то значил для меня, но абсолютно ничего для Женьки. Он ведь был тогда влюблен в Наташку, а я была... ну да, «лучший друг». Точнее, жилетка для слез и соплей. Именно поэтому какие-то изменения начались лишь пять лет назад. Наверно, мы как-то пересеклись тогда...

И тут меня словно током ударило — как будто молния попала в Джерри и прошла сквозь меня.

Тот день, когда я проснулась утром и подумала, что рядом со мной спит совершенно чужой человек. Что и Вадим меня больше не любит, и я его, кажется, тоже уже не люблю. Тогда я бродила до поздней ночи по центру, и кто-то окликнул меня. По имени. То есть мне показалось сначала, что мужчина сказал «Лена», и я прошла мимо. И только потом сообразила, что все-таки «Лера», а не «Лена», но оборачиваться не стала. Не в том я тогда была настроении.

А что, если в этой реальности все-таки обернулась?

Если бы это была настоящая я, то, увидев Котика, скорее всего, сделала бы вид, что не узнала. Или сказала бы, что он обознался. Потому что от той полудетской влюбленности у меня остались самые неприятные воспоминания, которые время не сгладило, даже наоборот. Но другая Лера, наверно, не забыла тот единственный поцелуй, и для нее это было что-то очень важное, значимое. Только утром она подумала, что больше не любит мужа, и вдруг появляется некто из далекой юности — так символично, разве нет?

Впрочем, сейчас я по-прежнему не знала ровным счетом ничего. Было ли что-то между нами... между ними — другой Лерой и Котиком? Или все ограничилось парой-тройкой встреч, чтобы поностальгировать за чашкой кофе? Хорошо бы, если так.

Я посчитала на пальцах. Десять дней — Упадышев сказал, что за этот срок справится. Значит, в понедельник я могу ему позвонить. Возможно, тогда наконец все выяснится.

Все, Лера, вот тогда и будем думать, как жить дальше. А сейчас не стоит. И хотя ты давно уже разлюбила Скарлетт О'Хару, кое-что из ее арсенала вполне можно использовать. «Я подумаю об этом завтра» — очень грамотная тактика.

Гроза потихоньку пошла на убыль. Я завела двигатель и поехала домой. Хотя и надо было посмотреть кое-какие рабочие материалы, это

могло подождать до понедельника. В три часа я уже была дома и не знала, чем себя занять. Можно было поваляться на диване, почитать или посмотреть какой-нибудь легкий сериал. Или закончить вышивку, которая, похоже, пылилась в рабочей коробке уже не один месяц. Но ничего не хотелось. Тогда я позвонила девчонкам в надежде пригласить их на девичник — и тут тоже получился облом. Кира работала до восьми, Алла простудилась, Нина собиралась с мужем в театр.

Тогда я собралась и поехала на дачу. Никого не предупредив. Пусть будет сюрприз. Купила фруктов, всяких вкусностей, села в электричку, еще не слишком набитую. Так странно было, что никто меня не встречает. Дождь, похоже, прошел здесь еще утром: везде стояли лужи, но земля уже подсохла. Все вокруг было яркое, словно отмытое дочиста. И даже не похолодало, как обычно бывает после грозы. Я подумала, что неплохо бы сходить на речку искупаться.

Мальчишки вместе с Вадимом возились в саду с велосипедом и о чем-то оживленно спорили. Я тихонько открыла калитку и стояла на дорожке, глядя на них. Пока из кухни не вышла мама.

— Лерка? — удивилась она. — Ты откуда взялась?

— Удрала с работы.

Петька с Пашкой заскакали вокруг меня, отобрали сумку. Вадим подошел, обнял, поцеловал. Я заметила, как удивленно округлились мамыны глаза. Выглянул из сарая папа — в рабочих штанах, со стружкой в волосах. Помахал рукой и снова спрятался, наверняка что-то мастерил.

Я переоделась и пошла помогать маме готовить ужин.

— И? — поинтересовалась она, нарезаая зелень на салат, словно между прочим.

— Что? — я притворилась дурочкой.

— Голову мне не морочь. Что это было?

— Все нормально, — смущенно пробормотала я. — Где открывашка?

Мама положила передо мной консервный нож и поставила банку горошка.

— Неужели?

Я старательно вскрывала банку и молчала.

— Ну дай-то бог, — мама погладила меня по голове, как маленькую.

После ужина мы, как обычно, долго и лениво пили чай на веранде. Где-то далеко шумела электричка, выводила замысловатые трели невидимая птица. Было так спокойно, так уютно, и совершенно не хотелось думать ни о чем плохом.

— Вы купались? — спросила я двойняшек. — Как вода?

— Теплая-претеплая, — заверили они.

Вадим толкнул меня ногой под столом, наклонился и прошептал на ухо:

— Хочешь, ночью сходим?

— Эй, где больше двух, говорят вслух! — возмутился Петька.

— Много будешь знать — скоро состаришься, — отрезал Вадим.

— Да-да, и будешь такой дедушка Петя, — влез Пашка. — С седой бородой, как у козла. И будешь ходить и шаркать. С палкой. Горбатый.

Петька стукнул его в плечо, тут же получил сдачи, и они с воплями выкатились с веранды.

— Эй, осторожнее, цветы! — крикнула мама.

Я посмотрела на Вадима и едва заметно кивнула.

Вечером мне казалось, что никто никогда не угомонится. Двойняшки возились и болтали на чердаке, у папы чуть слышно играло радио, у мамы под дверью виднелась полоска света — она читала в постели. Вадим тихо цокал клавишами ноутбука. И только я вертелась с боку на бок, дожидаясь, когда наконец все заснут. И в результате уснула сама.

Вадим разбудил меня, поцеловав в лоб. Я открыла глаза — он прижал палец к губам: тише! В руках у него была моя одежда и большое полотенце. Из папиной комнаты доносился залихватский храп, остальные тоже давно спали. Мы вышли на веранду, я натянула шорты и майку прямо на голое тело, сверху накинула кофту.

Было, наверно, часа два. По дорожке пробежали сразу два Васи. Стрекотали кузнечики — еще тихо, только пробуя голоса перед августовскими концертами. Все так же томительно пахло любкой. На западе тускло светилась красно-оранжевая закатная полоса. Мы тихо пробрались через сад и вышли в переулок.

Когда в последний раз мы вот удирали ночью вдвоем? В другой реальности в прошлом году. А в этой? Наверно, шесть лет назад. Казалось бы, кто нам мешал сделать это открыто, вроде бы, давно взрослые, встали и пошли. Но хотелось тайны. Чтобы никто не знал.

Вадим взял меня за руку — как раньше, и я тихо засмеялась, просто от радости.

На речке у нас было свое секретное место. Под высоким берегом Сестра выкопала глубокий омут, но мы знали, как туда спуститься по едва приметной тропинке между кустами. Чуть выше по течению была маленькая полянка и узкая полоска песка — наш персональный пляж.

Вода действительно была теплая — как парное молоко. Мы долго плавали, хотя больше обнимались, целовались и черт знает чем еще занимались. И, любовью, разумеется, тоже — на расстеленном полотенце. А потом лежали на нем, кое-как укрывшись моей кофтой, смотрели на небо и отмахивались от комаров.

— Сколько времени зря потеряли, — вздохнул Вадим.

— Пойдем, — помолчав, сказала я. — Холодно.

На веранде мы нос к носу столкнулись с мамой, которая вышла посмотреть, кто там шастает по саду.

— Мы это... на речку ходили, — смущенно сказал Вадим и показал полотенце.

— Угу. На речку, — насмешливо ответила она и ушла к себе.

— Может?.. — прошептал он, кивнув в сторону своей комнаты.

— Fool contact? — я закусила губу, чтобы не рассмеяться, и мы тихо, на цыпочках проскользнули за дверь.

Выходные прошли... нестандартно. Две недели назад приходилось делать вид, что между нами все в порядке. Теперь мы притворялись скучной супружеской парой со стажем, хотя на самом деле, скорее, были озабоченными подростками, у которых зудит ниже пояса.

Из комнаты Вадима я ушла только под утро — и проснулась чуть ли не к обеду. Потом мы отправились в лес, отшив двойняшек, которые хотели увязаться за нами. На ту самую поляну, где когда-то собирали землянику. А ночью повторили подвиг на столе за кухней — разумеется, совсем в ином стиле.

— Пантенол в холодильнике, — ехидно заметила утром мама, посмотрев, как неуклюже я спускаюсь с крыльца.

Я зашипела, а Вадим смущенно захихикал, отвернувшись.

— Соболев, притормози! — взмолилась я, когда после обеда мы поехали домой и он положил руку мне на колено.

— Вот ведь ненасытная женщина. Подожди немного, здесь нельзя останавливаться. Доедем вон до той рощи.

— В другом смысле притормози, не в буквальном. Давай не будем выполнять пятилетку в три дня, я и так могу только на хвосте сидеть.

— Значит, придется зализывать твои раны.

Я стукнула его кулаком в бедро, а он, глядя с невозмутимым видом на дорогу, ответил тем, что медленно-медленно обвел языком губы. Откинув голову на спинку сиденья, я зажмурилась и захныкала. Впрочем, не без удовольствия, чего лукавить.

Когда вечером мы сидели за ужином, я подумала, что секс сексом, но разговаривать нам тоже придется учиться заново. То есть Вадиму — у меня-то с этим проблем не было. Мы — прежние — каждый вечер рассказывали друг другу обо всем, что произошло за день, делились мыслями, впечатлениями. Разумеется, я говорила ему не обо всем до последней капельки, но очень о многом. А вот он за пять лет явно разучился, это чувствовалось.

В понедельник я даже звонить Упадышеву не стала — просто заехала по пути на работу. Все в том же маскарадном костюме — темных очках, маске и косынке.

— Василий Львович занят, — не слишком любезно встретила меня готичная секретарша. — Вы ведь не договаривались? Подождите, пожалуйста.

Минут пятнадцать я просидела в душном предбаннике, листая захватанный прошлогодний «Караван историй». Наконец дверь кабинета открылась, и оттуда вышел мужчина в балаклаве. Мы обменялись с ним понимающими взглядами.

— А, вот и вы, — кивнул Упадышев, выглянув в приемную. — Добрый день, проходите.

— Я вас не ждал без звонка, — сказал он, когда я присела у стола. — Если подождете, распечатаю. Или могу просто устно изложить, это недолго.

— Излагайте, — кивнула я, пытаясь проглотить ком в горле.

— Короче, наш объект за последние пять лет замечен в адюльтере лишь с одним лицом. Вот, полюбуйтесь, — детектив развернул ко мне монитор. — Некто Евгений Алексеевич Котов, он есть в списке контактов. Бывший одноклассник.

Изо всех сил стараясь сдержать слезы, я посмотрела на экран. Меня замутило. Это, несомненно, был Котик, только повзрослевший на двадцать лет. И эти годы явно не пошли ему на пользу. Вид у него был на редкость неприятный. Какие-то жидкие усы, похожие на вытертую зубную щетку. Я вообще терпеть не могла усы без бороды. Неаккуратная стрижка, намек на бакенбарды — вообще фу.

— И что, — я старалась говорить спокойно, — регулярный адюльтер?

— Да, вполне так хронический. Правда, вялый. Все это время встречались у него дома, на Благодатной, два-три раза в месяц. Знаете, бабушки-соседки — они все видят, все знают. Кто, когда, куда. Котов четыре года назад развелся с женой. Она с дочерью живет в Киеве, он к ним ни разу после этого не ездил. Правда, месяца два назад что-то у них с Соболевой разладилось. Соседка слышала, что они ссорились, довольно громко. А потом Котов уехал в командировку, в заграничный филиал своего банка. Должен скоро вернуться. Это, пожалуй, все, что я могу вам сказать на данную тему. Или нужны какие-то подробности?

— Нет, подробности не нужны, — покачала головой я. — Давайте рассчитаемся и забудем о нашем знакомстве.

— Рассчитаться — это пожалуйста. А вот насчет «забудем» — не

зарекайтесь. Не вы первая так говорите, но некоторые возвращаются. Если что, в следующий раз сделаю вам скидку.

Я расплатилась, вышла и, уже особо не прячась, дошла до Джерри. Бросила в бардачок маску, очки, косынку и разрыдалась. Благо стекла тонированные, снаружи не видно.

Идиотка, ну как ты могла?! И с кем?! С этой тварью, которая в школе полтора года не просто вытирала об тебя ноги, но и еще и эксперименты ставила! Юный, твою мать, натуралист — это ведь так забавно и интересно, отрывать лапки у жука и смотреть, как он корчится. Забыла про тетрадь? А про Артема? Неужели до тебя не дошло тогда, что для него тот эпизод в парке был таким же экспериментом? А как же Лерка себя поведет, если ее поцеловать? Давай-ка посмотрим.

Я ненавидела себя и была себе глубоко отвратительна. И уже не получалось оправдываться тем, что я не я и лошадь не моя. Нет, это тоже была я. Лера, для которой тот единственный поцелуй — я не сомневалась, что единственный — был драгоценным воспоминанием, перевесившим все темное и мерзкое. Лера, одним махом перечеркнувшая десять счастливых лет брака ради человека, который уже в девятом классе был законченной сволочью и вряд ли с тех пор изменился. Люди вообще не меняются, только приспосабливаются к новым обстоятельствам, мимикрируют.

Та Лера, которая когда-то помахала Котику издали, пережила эти унижительные отношения, постаралась забыть их, как страшный сон, справилась с жуткой неуверенностью в себе, которую они породили. Может, тогда, на набережной подсознанием она узнала голос и именно поэтому прошла мимо, не обернувшись. Но та, другая, которая с ним целовалась... Теперь я не сомневалась, откуда она явилась в тот вечер, когда Вадим ждал ее... меня...

Я вспомнила фотографию с монитора Упадышева, эту самодовольную физиономию с тараканьими усами, и меня чуть не вырвало. Ощущение было такое, как будто искупалась в деревенском сортире. И мне еще казалось, что если вдруг у другой Леры с ним были какие-то отношения, об этом можно будет забыть? Не думать о том, что она несколько лет подряд ложилась с ним в постель? Да, я об этом не помнила — к счастью. Но ведь знала, что это было!

И что дальше? Я-то надеялась, что раз Котик не звонит и не пишет,

значит, между нами ничего нет или, по крайней мере, все закончилось. Но, оказывается, он просто уехал в командировку. С другой стороны, не в космос же улетел, есть телефон, интернет. Может, мы и правда поссорились и расстались? Хорошо бы.

Я достала из сумки зеркало — ужас, глаза красные, нос распух, все лицо в потеках туши, тени размазались. Судорожно всхлипывая, кое-как привела себя в порядок, попила воды из бутылки. Надо было успокоиться, иначе доехала бы максимум до первого перекрестка. Зажужжал телефон.

— Валерия Сергеевна, вы задерживаетесь? — поинтересовалась Лена.

— В налоговой, — соврала я. — Если кто ждет, буду не раньше, чем через час.

Весь день я ни на чем не могла сосредоточиться, все валилось из рук. Вадим позвонил и сказал, что идет на банкет по случаю защиты коллеги. Спасибо, дорогое мироздание, когда он придет, я буду крепко-крепко спать, и не надо будет врать, что болит голова или еще что-то в этом роде. Впрочем, голова к концу рабочего дня у меня действительно разболелась, да так, что я еле доехала до дома. Даже ужинать не стала, выпила обезболивающее и завалилась в постель.

Вадим пришел за полночь, я действительно уже спала, а когда утром уходила, еще спал он. И это мне было на руку, потому что я не представляла, как смотреть ему в глаза. Я — та женщина, сознание которой жило в моем теле — ни в чем не была перед ним виновата, но это мало помогало.

На работе не успела я начать планерку, взвыла пожарная сигнализация. Нас в очередной раз «заминировали». Забрав сумку, я вышла на стоянку, завела Джерри и поехала куда глаза глядят. Тут же застряла в пробке и решила, что с меня хватит, иначе просто сойду с ума. Загнала машину на первую попавшуюся платную стоянку и дошла пешком до «Пассажа». Разумеется, ни новые туфли, ни сумка под питона, ни замшевая юбка мои проблемы решить не могли, но хотя бы немного отвлекли.

Заполировать покупки надо было чем-то сладеньким. Я завернула в «Север», взяла капучино и кусок «Праги», приторной до невозможности. Внутри все склеилось, но лошадиная порция глюкозы слегка пришпорила одурелый мозг.

Лера, все уже случилось. Вернуться назад и исправить не удалось. По сути, ничего не изменилось. Просто до вчерашнего утра можно было только догадываться, был ли у тебя роман с Котиком, а теперь ты знаешь это наверняка. Как бы ни было это омерзительно, придется пережить. Перетерпеть. Как говорил премудрый Соломон, и это пройдет.

Главное теперь — чтобы об этом не узнал Вадим. Я вспомнила его слова в первую ночь после того, как все по злему волшебству изменилось. «Тебя что, кто-то с ноги запустил на луну?» Может, о чем-то подозревал? Но одно дело подозревать, а другое знать точно. Но откуда он может узнать? Маринка? Знала ли она? Во всяком случае, Вадиму сказала, что у меня кто-то есть. Но после этой выходки он вряд ли ей поверит. Девчонки? Я должна была совсем умом повредиться, чтобы делиться с ними такими вещами. Если только...

Да, он вполне может. Это как раз в его забавном стиле. Если я с ним порвала — запросто. «Не доставайся ты, сучка, никому». Оставалось лишь надеяться, что за два месяца он остыл и не будет мелко, подло мстить.

— Может, сходим куда-нибудь? — предложил Вадим. — Обмыть туфли, чтобы носились?

Меньше всего мне сейчас хотелось сидеть с ним глаза в глаза, болтать о чем-то, но и избегать его — это тоже был не выход. Надо было просто через это перешагнуть. Учиться жить дальше с этой виной.

— Давай в «Корчму», — предложила я. — Прогуляемся пешочком.

Держась за руки, мы пошли к Поклонной горе, к ресторанчику, где бывали так часто, что он стал для нас чем-то вроде буфета-забегаловки. Поскольку утром надо было на работу, заказали всего лишь по кружке пива и свиные ребрышки.

— Знаешь, странная вещь, — сказал Вадим, обгрызая хрящик. — Мне сегодня девушка одна, лаборантка с кафедры сказала, что мной интересовался какой-то странный тип. Выспрашивал, нет ли у меня с кем-нибудь каких-нибудь шуров-муров. Деньги совал.

Я мысленно пожелала Упадышеву... всех благ. Разумеется, такой грязной работой занимался не он сам, но люди его сработали халтурно. Можно было, конечно, устроить ему обещанные неприятности, но сейчас мне было не до этого.

— Интересно, — протянула я, спрятав лицо за кружкой. — И что?

— Да ничего. Первая мысль была, что это ты кого-нибудь наняла.

— Чего?! — поперхнулась я. — Спятил? Зачем мне?

— Ну... мало ли. Может, надеялась, что у меня есть любовница и я буду виноват.

— Блин, Вадим! — очень натурально возмутилась я. — Даже если бы и бы? Мы же не на гнилом Западе. Брачного контракта у нас нет, на счетах один смех, квартира твоя, по наследству тебе досталась, машина у каждого своя. Что нам еще делить-то? Детей? Так они уже сами могут решать, с кем жить. Не сомневаюсь, что тебя выбрали бы.

— Да вот и я так подумал. Скорее всего, мелкая подковерная возня. Кто-то зачем-то хотел нарыть на меня компромат. Не знаю, правда, зачем. Лер, да не расстраивайся, фигня все это.

По крайней мере, теперь у меня был вполне законный повод не выглядеть веселой.

— Нормальное кино, — буркнула я. — Сначала ты меня подозреваешь в какой-то пакости, потом говоришь, что все это фигня. Не такая уж и фигня, если кто-то даже денег не пожалел, чтобы накопать на тебя какую-нибудь дрянь.

— На каждого мусье есть свое досье, — махнул рукой Вадим. — Это ты не знаешь, какой там у нас гадюшник. А так, вроде, все приличные люди, с высшим образованием и научной степенью. Хотя может быть и другой вариант. Есть у нас одна аспирантка, у которой безумно ревнивый муж. Вот он вполне мог по ее следам полкана пустить. И все, кто с ней в контакте, разумеется, под подозрением.

— Не понимаю этого, — я поставила кружку и вытерла пенные усы. — Он с ней развестись хочет?

— Да нет, наоборот.

— Тогда зачем эта слезка? А вдруг найдет что-то? Тогда что? Тут уж точно либо разводиться, либо жить дальше с абсолютным знанием, что измена действительно была. Не воображаемая, а реальная.

— Не знаю, Лер, — Вадим задумался, глядя куда-то в мировое пространство. — Для кого-то легче пережить реальную, чем постоянно думать, было или не было. Хоть какая-то определенность.

— Ничего себе определенность!

— Великодушно простивший получает в руки грозное оружие. Почти ядерное. Это, знаешь ли, большое преимущество в домашних войнах.

Разговор мне совсем не нравился. Было ли это случайным совпадением, или?..

Стоп, стоп, Лера, у тебя уже паранойя. И ничего в нем эдакого, в разговоре этом. Да, скользкая тема и опасная, но разве тебе не интересно, что он в этом направлении думает? Кажется, вполне так актуально, нет?

— Хочешь честно? — он посмотрел на меня так, как будто я была двоечницей, в третий раз подряд завалившей экзамен. — Я все это время был почти уверен, что у тебя кто-то есть. И Маринка о том же намекала.

— Помню, — сказала я, с трудом проглотив слюну. — Ты еще сказал, что тебе наплевать. То есть не было, но стало.

— На самом деле не стало. Помнишь, мы как-то давно с тобой об этом говорили? Что можно простить случайную измену по глупости.

Трудно, очень трудно, но можно. Мало кому удастся прожить жизнь и ни разу никем больше не заинтересоваться, кроме законной половины. Другое дело, что делать с этим интересом. Затоптать, как окурок, или поддаться соблазну.

Я молчала, не зная, что сказать. Что бы сделала я, если бы не просто подозревала, что Вадим мне изменяет, а узнала точно? Смогла бы простить или нет? Может быть, такую вот глупую, одноразовую, случайную измену и смогла бы. Хотя в глубине все равно постоянно сидела бы мысль о том, что однажды случившееся может повториться снова. Но если бы оказалось, что он изменял мне несколько лет подряд... нет, точно нет. И надеяться на то, что он простит меня, если вдруг узнает о Котике... можно не надеяться.

— Лера, послушай, — он накрыл мои пальцы ладонью. — Я не хочу ничего знать. Понятно? Я не из тех, кто придумывает что-то и потом из-за этого страдает. И очень хорошо научился не думать о том, что не нужно. Поэтому если вдруг что-то действительно было, держи это при себе.

— Потому что если ты узнаешь, простить меня не сможешь... — это был не вопрос, не утверждение, что-то между. Говоря это, я смотрела на свое обручальное кольцо, которое вдруг начало расплываться.

Так! Никаких слез! Поняла?!

— Я знаю парня, от которого жена ушла к другому. Вышла замуж, родила ребенка. А потом развелась и вернулась к нему. И они снова поженились. Я как-то спросил его под рюмку, не думает ли он о том, что жена была столько времени с другим мужчиной. Сначала он ответил матерно. Потом сказал, что все равно она в итоге с ним. А потом опять матерно, и очень крепко. Давай закроем эту тему, ладно?

Я молча кивнула. Мы допили пиво и пошли домой.

Ночью, когда Вадим уснул, я снова и снова прокручивала в голове этот разговор. Иногда мне казалось, что все обойдется. Люди не могут долго жить в напряжении, и даже самое противное, отвратительное со временем оказывается в дальних чуланах и подвалах. Да, оно может иногда всплывать, но не висит перед глазами постоянно, как похабный вирусный баннер на экране монитора. Я постараюсь обо всем забыть — если, конечно, можно забыть о том, что и так не помнишь.

Но потом всплывала банальность — что все тайное рано или

поздно становится явным. И странно, что до сих пор еще не стало. Видимо, время еще не пришло. Может быть, именно тогда, когда у нас снова все станет хорошо...

На следующий день после работы я поехала к Нине, которая заказала в интернет-магазине примерку миллиона разных осенних тряпок и хотела, чтобы кто-то помог ей оценить и выбрать. Алла все еще болела, Кира снова работала допоздна, поэтому пришлось мне.

Поскольку на бесплатную примерку отводилось не так уж много времени, разговаривать нам было некогда. Я открывала коробки и пакеты, расстегивала молнии и пуговицы, откладывала в сторону то, что не подошло. Когда курьер уехал, мы еще раз со вкусом рассмотрели все выбранное и уселись пить чай.

— Маринка тебе не звонила? — спросила Нина, размешивая в чашке сахар.

Я рассказала о сброшенном звонке и о том, что это здорово меня беспокоит.

— Да, неудачно вышло, — согласилась Нина. — Черт, я все эти годы удивлялась, как ты вообще с ней дружишь. И Алка тоже. Если честно, мы ее терпели только из-за тебя.

— А зачем Алка тогда ее на день рождения пригласила, когда мы с ней перестали общаться? — удивилась я. — С Маринкой?

— Ты ничего не путаешь? — нахмурилась Нина. — Когда это было?

— Четыре года назад.

— Лер... Четыре года назад Алка вообще день рождения не отмечала, у нас тогда бабушка умерла. И я что-то не помню, чтобы вы с Маринкой надолго ссорились.

— Может, и путаю, — согласилась я, спохватившись, что здесь, в этой реальности, все могло быть не так. — Не ссорились, но было такое, что почти не общались.

— Ну, мы об этом ничего не знали.

— Нин, почему я с ней дружила — это отдельная песня, долго рассказывать. Так уж... исторически сложилось. Может, потому что неловко было ее оттолкнуть, когда у нее проблемы были. После первого развода, после второго.

— Вот как? — Нина задумчиво крутила в руках ложку. — А мне казалось, все дело в том, что она слишком много о тебе знает.

— Я тебя умоляю, — не слишком убедительно засмеялась я. — Какие у меня тайны? Все как на ладошке. Семья, работа. Даже завалящего любовника нет.

— Да? Ну ладно. Просто последние года два... да какие там два, больше, гораздо больше. В общем, было такое ощущение, что ты какая-то... странная, что ли. Не такая, как раньше. Как будто что-то скрываешь. Вот мы с Алкой и думали, что у вас с Маринкой какие-то тайны. По правде, не очень приятно было.

— Если честно, Нин, у нас не очень хорошо было с Вадимом. И я никому не говорила.

— Ну да, — с обиженным видом кивнула Нина, — как же, испортить имидж девочки, которую облизала удача.

— Да нет, не в этом дело, — я покачала головой. — Просто не люблю, когда меня жалеют, сочувствуют. Понимаю, что это вполне может быть от чистого сердца, но все равно как-то...

— Да, Соболева, ты такая. Ладно, что поделаешь. Сейчас-то у вас как?

— Вроде нормально.

— Вроде или нормально? — Нина обеспокоенно наморщила лоб.

— Нормально, нормально.

— А Маринка знала?

— Я ей не говорила, но, наверно, догадывалась. Если уж стала так откровенно на него вешаться.

Подумав, Нина потянулась за телефоном.

— А давай-ка я ей звякну, — сказала она, листая записную книжку. — Узнаем, чем красавица наша дышит.

Маринка взяла трубку, и Нина включила громкую связь. Сначала они поболтали немного о всяких нейтральных вещах, потом Нина плавно перевела разговор на меня. И тут Маринку, которая, похоже, была хорошо под мухой, начало клинить. Эта зараза, сказала она, совсем оборзела, не хочет с ней разговаривать, сбрасывает звонки и вообще свое еще получит. Отольются кошке мышкены слезки. Нина попыталась выяснить, в чем дело, но внятного ответа так и не получила — кроме того, что Соболева тупая сука, которая скоро будет горько плакать.

— И ведь заметь, — сказала я мрачно, когда Нина закончила эту содержательную беседу, — я с ней не ссорилась, не ругалась.

Последний раз мы виделись на дне рождения. Насколько я помню, там все было мирно.

— Ну, если не считать, конечно, того, что ты ей сказала под занавес, — хмыкнула Нина.

— А что я ей сказала? — под ложечкой противно заныло. — Не припоминаю.

— Да ты, вроде, и не особо пьяная была. Неужели не помнишь? Она весь вечер тебя донимала, всякие подколы, намеки, шуточки-прибауточки. А в конце, когда ты уже такси вызвала, наклонилась к ней и сказала. Кира в туалет ушла, Алка тоже не слышала, только я. Сказала очень нецензурно, насколько она тебя достала и в какую пешую эротическую прогулку может отправляться. И, мне кажется, ей это очень сильно не понравилось.

Домой я приехала в состоянии грогги. Вот теперь уже точно было «шеф, все пропало». Если Марина заговорила так, значит, Соболева действительно скоро будет плакать горькими слезами. Мало того, что ее недвусмысленно послал Вадим, так, оказывается, то же самое проделала и я. То есть другая Лера, но тут уже было без разницы, какая именно.

Когда мы с Маринкой ругались, она никогда не пыталась помириться первая. Неважно, кто был виноват. Забивалась в темный угол и ждала, когда я ей позвоню. И эта тактика всегда срабатывала. Ну, кроме того случая пять лет — но тогда мы, собственно, и не ссорились. Почему так получалось? Трудно сказать. Может быть, мне казалось, что первым идет навстречу тот, кто умнее? Что все наши ссоры не стоят выеденного яйца? Или потому, что к чему-то подобному я привыкла в отношениях с Котиком?

И все-таки, может, стоит попробовать как-то пойти на мировую? Нет, бесполезно. Слишком далеко все зашло. Либо она просто не захочет со мной разговаривать, либо притворится, что все хорошо, а потом все равно укусит. Как говорила моя бабушка, к ней теперь и на пьяной козе не подъедешь. Почему-то я представила, как подъезжаю к Маринкиному дому верхом на в дупель бухой, икающей козе с заплетающимися ногами, но смешно не стало, скорее, наоборот.

Тогда оставалось только гадать, что именно она устроит и когда. А еще — знает ли что-нибудь о Котике. Эта идиотка — именно так я думала о другой Лере — запросто могла ей проболтаться. Ну как же, лучшая подруга! А еще Маринка могла и сама догадаться.

Вадим что-то писал в гостиной, выглянул, рассеянно поцеловал и убежал обратно. Сейчас это был вовсе не мой муж — отец моих детей, друг и любовник, а сумасшедший профессор, которого лучше не трогать. Впрочем, эта ипостась была очень даже кстати. Я налила себе чаю и ушла в спальню с ноутбуком. И первое, что сделала, — зашла на страницу Маринки ВКонтакте, посмотрела, кто у нее там в друзьях. Котик среди них не значился.

Кроме нее, я почти не общалась с одноклассниками и на встречи выпускников не ходила. Нет, только на одной была — через пять лет

после окончания школы. Вадим остался с двойняшками, я приехала на часок и очень быстро сбежала. В соцсетях изредка перебрасывалась парой слов с Артемом и еще парой-тройкой человек. Уж Артем-то точно не стал бы поддерживать отношения с Котиком.

Я зашла на страницу Артема в Фейсбуке, пролистала последние записи, посмотрела фотографии с женой, дочкой и собакой. Смешной, остроносый, вечно растрепанный мальчишка, который близоруко щурился, потому что стеснялся носить очки, за двадцать лет превратился в очень интересного мужчину. Теперь у него были черты лица, которые называют породистыми, приятная улыбка, да и очки в тонкой оправе ему очень шли. А бонусом — своя строительная фирма и дом в Подмосковье. Трудно сказать, могло ли у нас с ним что-то получиться, но... я была его первой любовью, а он вполне мог стать моей. Такой, о которой потом не стыдно было бы вспоминать. Наверно, так и было бы — если бы не Котик.

...После дискотеки мы с Наташкой курили за школой, пили из горлышка дешевое кислое вино и разговаривали о нем. О Котике. Почти как подружки. Мне хватило выпить несколько глотков и пару раз затянуться, чтобы впасть в полуобморочное одурение. Пошатываясь, я пришла домой, закрылась в ванной, пустила воду погромче и нарыдалась всласть. А в новогоднюю ночь просила то ли деда Мороза, то ли Дорогое Мироздание избавить меня от унижительной «дружбы» с Женькой. Дать мне шанс на что-то новое. И, как ни странно, эта моя просьба была услышана.

У нашей школы были шефы, крупное производственное объединение, которое каждый год выделяло на зимние каникулы путевки в ведомственный лагерь. Не бесплатно, разумеется, но довольно дешево. Находился лагерь в красивом месте на Карельском перешейке, и мне там очень нравилось. Когда-то он был пионерским, а стал просто лагерем отдыха. Обычно мы ездили с Маринкой, но в тот год она заболела и осталась дома. Из нашего класса поехало всего четверо, в том числе и Артем.

Он пришел к нам в седьмом и сразу стал оказывать мне знаки внимания — в лучших традициях начальной школы: дернуть за косу, толкнуть в дверях, наступить на ногу или спрятать сумку. Я злилась, потому что такие вещи мне ни капельки не льстили. К девятому классу Артем немножко повзрослел и перестал меня донимать. И только

иногда я ловила его взгляд — грустный, как у собаки, которую не взяли на прогулку.

Всю неделю в лагере он постоянно оказывался рядом — как будто случайно. На прогулках, в кино, на дежурстве в столовой. А я словно вырвалась из-под власти злых чар Котика. И ненавязчивое внимание Артема мне было приятно. Не нужно было следить за каждым своим словом, исчезло ощущение, что иду по минному полю и не знаю, чем обернется следующий шаг.

В последний вечер на дискотеке мы с Артемом танцевали все медленные танцы, а во время быстрых сидели в уголке и болтали. А потом оделись и через дырку в заборе удрали за территорию лагеря. И гуляли по берегу речки, пока не замерзли. Шел снег — огромные пушистые хлопья падали мягко и тихо. Горели фонари, вокруг не было ни души. Мы шли по дорожке, и Артем подавал мне руку, помогая перебраться через сугробы. Я давно забыла, о чем мы тогда разговаривали, но было именно легко и весело — то, чего мне так не хватало с Женькой. Да и вообще было в этой прогулке что-то нереально сказочное, волшебное. Если подумать, она осталась самым теплым и нежным воспоминанием всех моих школьных лет.

На следующий день мы вернулись в город, и мне тут же позвонил Котик. Ну как же — ему ведь нужно было рассказать, как весело они провели каникулы с Наташкой. Куда ходили, что делали, о чем разговаривали. Кто как не лучший друг Лера должен был от всей души за него порадоваться. Но Лера радоваться что-то не торопилась, рассеянно угукала в ответ, словно и не слушала. Потому что действительно не слушала. Не хотелось мне слушать о его свиданиях с Наташкой и тем более не хотелось за них радоваться.

«Ну а что лагерь?» — обиженно поинтересовался Женька.

«Отлично, — сказала я. И дернуло же меня за язык прибавить: — Кажется, у нас что-то наметилось с Артемом».

«Федоров?! — Котик явно растерялся. — Серьезно? Да он же кретин! Хотя...»

«Хотя... для тебя сойдет» — вот что это значило. Я послала его к черту и повесила трубку.

Этот разговор испортил мне настроение, но не очень сильно. На следующий день начиналась новая четверть, и я здорово волновалась: как мы встретимся с Артемом — уже не в лагере, а в школе. Полночи не

спала, утром нагладила юбку и блузку, накрутила челку щипцами и даже немного накрутила ресницы маминой тушью.

Артем кивнул издали и даже не подошел. И на следующий день. И через день. Мы здоровались, иногда разговаривали о чем-то учебном, но не более того. Как будто и не было той недели в Лосево.

Котик не отходил от меня ни на шаг — якобы морально поддерживал. «Я же говорил, что он кретин. Он тебя не стоит», — вспомнила я его слова из Тетради. Тогда, кажется, он даже про Наташку перестал упоминать через каждое слово.

Я была слишком самолюбива и слишком не уверена в себе, чтобы спросить Артема, в чем дело. И только через семнадцать лет, когда он нашел меня в Фейсбуке, решилась задать этот вопрос.

«Все знали, что ты с Котовым», — уклончиво ответил он.

Я поднажала и выяснила, что в тот же день, когда мы вернулись из лагеря, после разговора со мной, Котик позвонил ему и довольно грубо потребовал не лезть в наши с ним отношения.

«А ты не мог меня спросить — что я об этом думаю?» — поинтересовалась я.

«До сих пор не могу себе этого простить, — ответил Артем. — Но в пятнадцать лет на все смотришь иначе. А теперь уже слишком поздно, Лера».

В друзьях у Артема было несколько наших одноклассников. Я обшарила их страницы и таким извилистым путем вышла на Котика. На его странице фотография была еще противнее, чем та, которую мне показал Упадышев. Редкие записи, в основном перепосты и фотографии. Судя по нескольким последним, он был сейчас где-то в Германии. Я пролистала все записи за пять последних лет. Ни малейшего намека на личную жизнь — и на том спасибо.

Часы в нижнем углу экрана показывали половину первого. Вадим обычно ложился намного раньше. Я встала, прошла через холл, заглянула в гостиную. Он лежал на диване с открытым ноутбуком на животе и спал. Будить было жалко, хотя я и знала, чем чревата ночь на этом мебельном монстре.

Закрыв ноутбук, я отнесла его на стол, потом присела перед диваном на корточки. Погладила Вадима по щеке, коснулась бороды, которая потихоньку уже начала отрастать, осторожно поцеловала в лоб.

«Лерочка...» — пробормотал он и повернулся на бок, ко мне

спиной.

Я встала, накрыла его пледом, выключила свет. На душе скребли кошки. Огромные черные кошки с длинными острыми когтями. А сама я чувствовала себя крысой, загнанной в угол. Нет, крысой, которая сама загнала себя в угол, а теперь ждет, что будет дальше. Пробегут враги мимо — или нападут. Но, скорее всего, нападут.

Прошла неделя, вторая. Ничего не происходило. Маринка не звонила — ни мне, ни девчонкам. Котик тоже никак не давал о себе знать. Первое время я каждый день, да что там, каждую минуту ждала какой-то гадости. Вечером, встречаясь с Вадимом, смотрела на него со страхом — а вдруг уже знает? Эта жизнь на пороховой бочке выматывала настолько, что иногда подмывало взять и рассказать ему обо всем — и будь что будет.

А потом я устала бояться и махнула рукой. Люди живут у подножья вулкана, строят дома, рожают детей. Хотя прекрасно знают, что он уже не раз извергался и в любой момент может проделать это снова. Но просто об этом не думают.

Перевалил за середину июль, мы отметили день рождения двойняшек. Решили, что в отпуск поедem в Испанию, как обычно — в конце августа. Купили в гостиную новый диван. Бурный секс едва ли не каждую ночь тоже вошел в привычное — для меня — русло. Постепенно все успокаивалось, и я, кажется, наконец смогла рассуждать здраво.

Больше всего во всей истории меня удивлял тот факт, что другая Лера не просто сдуру переспала разок с Женькой. Это я еще с натяжкой могла бы понять — с мужем разлад, кажется, что любовь прошла, жизнь катится в пропасть, а тут возможность закрыть старый гештальт. Но пять лет подряд? С Котиком? Такую-то мать, с Котиком?! Да что за мазохизм такой, прости господи?

Но потом до меня постепенно начало доходить. Те мои чувства к нему — ведь это была не столько первая влюбленность наивной девочки, сколько самая настоящая зависимость. Да, подростки бывают теми еще манипуляторами, а уж Котик в этом явно преуспел. Похоже, со мной он как раз прощупывал границы дозволенного, набирался опыта. Полтора года очень странной «дружбы», после которой я больше трех лет приходила в себя. И трудно сказать, сколько бы еще понадобилось времени, если бы не встреча с Вадимом. Наверно, было бы преувеличением сказать, что именно он изменил меня. Но кто знает, смогла бы я без него стать к тридцати пяти той Лерой, которой

завидовали. Успешной, уверенной в своих силах и в своей привлекательности.

Эта Лера закрыла за собой дверь и старалась не вспоминать о старой истории. О том, что Маринка потом вытащила на свет божий. Как будто вытряхнула на всеобщее обозрение даже не грязное белье, а мусорное ведро. То, от чего я брезгливо избавилась. Но другой Лере этого сделать не удалось. Неужели из-за одного поцелуя в парке? Она так и не поняла, что это было очередное унижение? Видимо, нет. Видимо, этот эпизод, такой отвратительный для меня — взрослой, для девочки Леры остался в памяти чем-то романтическим, волнующим. А сами отношения с Котиком — прекрасной первой любовью, пусть и без взаимности.

Выходит, эти чувства много лет дремали у нее где-то глубоко, несмотря на годы счастливого брака. И когда этот самый брак дал трещину, случайная встреча стала толчком — они снова пошли в рост. И уж ей-то Котик наверняка не казался мерзким. И усы не напоминали зубную щетку. По правде, если подходить объективно и непредвзято, ничего такого ужасного в его внешности не было. Самый обыкновенный мужчина, даже где-то не без обаяния. Правда, развестись с Вадимом и выйти за него замуж она не рискнула. Или не предлагал?

Ближе к концу июля Вадим уехал на несколько дней в Москву, и мне снова стало не по себе. Как раз в это время пять лет назад все и произошло. То дождливое утро, когда я проснулась и подумала, что между мной и Вадимом больше ничего не осталось. Та ночь, влажная, душная, когда я бродила по набережным и кто-то окликнул меня по имени. Я больше не сомневалась в том, кто это был.

Вечером я приехала с работы, поговорила с Вадимом по телефону, сообразила ужин на скорую руку. Для себя одной я редко что-то готовила, обычно заходила в кафе или обходилась какими-нибудь полуфабрикатами. Налила бокал вина, устроилась на новом диване с тарелкой, включила телевизор.

Зажужжал, пополз по тумбочке телефон, рискуя свалиться на пол. Я лениво протянула руку — ну кто там еще? — и чуть не выронила, словно обожглась, увидев на экране: «Евгений».

Первым побуждением было сбросить звонок и перекинуть номер из записной книжки в черный список. Но я уже сделала эту ошибку с Маринкой, правда, тогда это получилось случайно. И повторять ее

точно не следовало. Прятаться — не поможет.

— Да, — сказала я, держа телефон одной рукой, а ногтями другой впившись в ладонь — чтобы голос не дрожал, как овечий хвост.

— Лерик, привет! — весело сказал Женька. — Я вернулся.

С тех пор как мы виделись в последний раз, я совершенно забыла его голос. Но хватило всего двух фраз, чтобы вспомнить. И слишком мягкое «л». И странную интонацию, словно слегка вопросительную, даже там, где нет вопроса. И «Лерик» — так не называл меня больше никто. Валерия, Лера, Лерка. Вадим — очень редко — звал Валеркой.

— Да, — ответила я тупо. — Хорошо.

Я не сомневалась, что рано или поздно это произойдет. Он вернется и позвонит. Но когда это случилось на самом деле, оказалась совершенно не готова.

— Лер, что с тобой? — насторожился он. — У тебя такой голос...

— Все в порядке.

Я совершенно не знала, о чем говорить. Потому что не имела понятия, каким был последний наш разговор. Его и другой Леры. Может, она сказала ему, что между ними все кончено. А может, наоборот — пообещала, что разведется и выйдет за него замуж. И поэтому я тянула время, ожидая чего-то более информативного.

— Ты приедешь в пятницу? — спросил Женька.

— Куда?

— Лер, ты что, издеваешься? — похоже, он начал злиться. — Ко мне. На Благодатную.

— Жень...

— Ты сказала, что тебе надо подумать. Я дал тебе время. Не звонил, не писал. Надеялся, что ты все решила. Только не говори, что тебе было мало трех месяцев.

Черт, черт, черт! Похоже, он действительно выставил какой-то ультиматум. Например, так: или все, или ничего. С одной стороны, это неплохо, потому что позволяет сказать: «Извини, я подумала и решила, что нет». Но с другой... Я слишком хорошо его знала, чтобы не понимать, какие могут быть последствия. Вряд ли он сильно изменился за эти годы. Разве что в худшую сторону. К тому же я не была уверена на сто процентов, что мое решение должно было быть связано именно с нашими отношениями, а не с чем-то другим. Может, он предложил мне ограбить банк, кто его знает.

— Ты можешь русским языком сказать, что тебе от меня надо?

Я позволила голосу звучать так, как мне и хотелось: раздраженно, взвинчено. Это была сознательная провокация — заставить его сказать очевидное, то, что мне и так должно быть известно. И этот немудреный прием сработал. Кое-чему я от него все-таки научилась и не забыла за столько лет.

— Лера, твою мать! — завопил Женька так, что я отодвинула телефон от уха. — Какого хрена? Я тысячу раз просил тебя рассказать все мужу и подать на развод. А ты все тянула kota за яйца. Дети, то да се, пусть подрастут, тогда поймут. Я из-за тебя с Анной развелся и дочь четыре года не видел. Сколько можно?

— Жень...

— Да что «Жень»?! Все, Лер, я тебя понял. Сейчас ты опять начнешь нудеть: «Ой, прости, но я не могу, не сейчас». Значит, трахаться со мной пять лет ты могла, дети тебе не мешали. Я тебе что, игрушка? Болванчик на веревочке? Думаешь, можешь об меня ноги вытирать?

— Значит, тебе можно было? В школе? — не выдержала я и тут же прикусила язык, но было поздно.

— Вот как ты заговорила, сучка?! — взвился Женька. — Вспомнила, да? Через двадцать лет? Так все это была твоя сладкая месь? Блюдо, которое подают холодным? Так?

Я молчала, потому что сказать было нечего. Все было плохо, очень плохо, я это знала. И все равно... как будто повеяло тонким ароматом ядовитого болотного цветка. Та Лера, разумеется, не ставила себе такую задачу: отомстить Котику за все школьные унижения. И все же она это сделала — для меня. Хотя мне это требовалось меньше всего. Эта месь была из разряда «назло бабе отморожу яйца». Именно потому, что теперь от него можно было ждать любой гадости. Так же, как и от Маринки. Если они вдруг объединятся, вот это будет классный тандем. Не зря говорят, что нет худших врагов, чем бывшие друзья.

— Хорошо, — сказал Женька и повторил: — Хорошо...

В ухо забила морзянка коротких гудков. Я нажала на кнопку отбоя, положила телефон на тумбочку, туда же поставила тарелку с остывшими блинчиками. Взяла бокал и выпила вино в три больших глотка. А потом пошла на кухню и налила еще.

— В Санкт-Петербурге плюс двадцать шесть, во второй половине

дня проливные дожди, возможны грозы, — доверительно сообщила с экрана тонкая-звонкая девица в обтягивающем платье и торжественно закончила прогноз рекламой средства от простатита: — Трым-тым-тым, просто будь мужчиной.

— Спасибо, девушка, — кивнула я, приподняв бокал. — За грозу. А простатит оставь себе.

В своих рассуждениях я ошиблась в одном — и именно это мне теперь не давало покоя. Ладно, допустим, Котик подвернулся в неудачный момент, и Лера сдуру с ним переспала. И что, действительно оказалось так сладко, что затянулось на много лет? Это после Вадимато? Хотя... мне ведь не с кем было сравнивать, других мужчин не было. Всегда казалось, что лучше просто быть не может. А если вдруг может?

Мысль показалась настолько крамольной, что аж передернуло, от плеча до плеча. Скорее, тут было другое. Не как или сколько, а с кем. Есть ведь женщины, у которых за многие годы не приключилось ни одного оргазма, но они считают свою интимную жизнь вполне удачной, поскольку с любимым мужчиной. В конце концов, с Вадимом у нас тоже далеко не сразу возникла гармония.

Впрочем, это все ладно, не суть. Удивляло другое. Если у той Леры с Котиком была полная идиллия, неужели ее устраивали редкие встречи тайком? Я-то думала, что другого варианта не было, но оказалось, что был. Женька как раз быстро развелся — по его словам, из-за нее. А вот она не спешила. И это точно не было желание сидеть на двух стульях сразу — если не сказать совсем уж нецензурно. С Вадимом-то у них все было чем дальше, тем хуже. Материально? Тоже мимо. Зарабатывали они примерно одинаково, иногда у Леры и побольше выходило. Квартира, правда, принадлежала Вадиму, но Котик жил один в огромной трехкомнатной сталинке. Я у него никогда не была, но еще со школы об этом знала.

Тогда что? Дети? Пять лет назад им было всего по девять, и их мнение вряд ли кого-то заинтересовало бы. Наверняка суд оставил бы их со мной. Или, может, дело в моем нежелании, чтобы они жили с отчимом?

Все-таки что-то не стыковалось. Похоже, я не знала чего-то очень важного. Или упускала что-то из виду.

Ночь прошла кошмаром без сна. Мысли, воспоминания, снова мысли... До этого вечера Котик был чем-то отвратительным, но... далеким, почти виртуальным. И вдруг голос в трубке сделал его пугающе реальным и опасным. Как обещанная прогнозом гроза, когда

вдруг раздается первый раскат грома.

Да, я собиралась сделать это снова. Поехать в парк, сесть на скамейку — в надежде снова вернуться в прошлое и еще раз попытаться все исправить. Как там говорят? Бог любит троицу? Может, в третий раз наконец получится? Мысли о том, что и третья попытка может оказаться такой же неудачной, я старательно гнала прочь. Не говоря уже о том, что все может стать еще хуже. Если после прошлого раза ничего не изменилось, это не значит, что не изменится в этот. Да и кто сказал, что не изменилось? Получилось-то все по-другому. Может, не попробуй я вернуться назад, Котик мне и не позвонил бы. Что я вообще знаю о подводных течениях причинно-следственной связи?

Нет, уперлась я, это была случайность. Теперь я буду знать, что скамейка скользкая, сидеть надо осторожно. Не шелохнувшись. Котик бежит мимо, я машу ему рукой — все.

А если скамейка перевернется — и он бросится меня поднимать?

Блин, Лера, прекрати! А если метеорит упадет? Риск того стоит. Если ничего не сделать, все кончится очень плохо.

А вот в этом уже можно было не сомневаться. Поэтому утром на работе я открыла в интернете метео-карту и следила, как на город надвигается грозовой фронт. Прогноз обещал грозу уже без «возможно». После обеда я предупредила Лену, что сегодня не вернусь, и поехала к парку Победы.

На том месте, где я ставила Джерри в прошлые разы, эвакуатор забирал серую Тойоту. Пришлось проехать дальше — к «Вашингтону», бывшему Маринкиному дому. Сейчас-то она жила рядом с «Нарвской», но то, что я вынуждена была припарковаться в этом месте, показалась дурным предзнаменованием.

Небо на юге уже налилось фиолетовым. По тучам, похожим на чернильницу, бежали странные желто-белые клочья. Парило так, что трудно было дышать — совсем как в первый раз, когда я брела через парк на каблуках, едва переставляя ноги. Почему-то вдруг показалось, что скамейки на том месте уже не будет, но она стояла все там же. Хотя уже и не выглядела такой вызывающе новой и сверкающей.

Как назло, по аллее, глухой и обычно совершенно безлюдной, туда-сюда сновали люди. Я села на скамейку, вполне прилично, на сиденье, и ждала, с трудом сдерживая нервную дрожь. Наконец вокруг все словно вымерло, и, оглянувшись по сторонам, я вскарабкалась на спинку.

Сердито заворчал гром.

...За шиворот упала холодная капля — я вздрогнула. Прошла мимо Маринка, подала свою ехидную реплику. Из-за поворота донесся шорох гравия. Я поерзала, устраиваясь поустойчивее, вцепилась руками в спинку скамейки. Сама она стояла крепко, не шаталась, опрокидываться, вроде, не собиралась. Сверху нависали темно-зеленые заросли. В воздухе висела мелкая водяная пыль.

Мне показалось, что чего-то не хватает. Да, точно, и в прошлый раз было так же — то же самое ощущение. А вот в самый первый я это видела или чувствовала — то, чего не хватало сейчас. И без него картинка как будто была неполной. Не совсем настоящей.

Я изо всех сил пыталась вспомнить и уже почти ухватила мысль за хвост, но тут показался Женька. Повернул голову, пробегая мимо, улыбнулся. Я помахала рукой. Он сделал еще несколько шагов и... остановился. Постоял секунду и пошел ко мне.

— Лер, что-то случилось? У тебя такое странное лицо.

Черт, нет!!! Только не это!

Слезы хлынули ручьем. Женька подошел совсем близко, встал коленями на сиденье, обнял меня и стал собирать слезы губами...

...Громыхнуло совсем близко, и тут же упали первые тяжелые капли. Через минуту лило уже вовсю. Застигнутые врасплох люди жались к стволам деревьев, а я, хотя зонт лежал в сумке, шла по аллее под дождем — так было не видно, что я плачу.

Сев в машину, я завела двигатель и включила печку, чтобы хоть немного согреться. Взяла тряпку, которой протирала стекла, и кое-как вытерла волосы, даже не думая о том, что она грязная. С туфель на коврик натекла лужица. На сиденье подо мной и вовсе был потоп.

Телефон в сумке надрывался. Я достала его и, даже не посмотрев на номер, нажала на кнопку соединения.

— Лера, может, ты все-таки объяснишь, в чем дело? — даже не поздоровавшись, спросил Женька.

Что я, интересно, могла ему объяснить? Извини, я никогда не была твоей любовницей, потому что это была не я, вернее, я, но...

— Не могу, Жень, — пробормотала я сквозь слезы, стараясь хотя бы не всхлипывать.

— Что ты не можешь?

— Объяснить. И разговаривать не могу. Я за рулем. Тут дождь. И

пробка.

— Хорошо, я позвоню позже.

Бросив телефон на сиденье, я снова разревелась — в который уже раз, не сосчитать. Ладно бы я расплачивалась за свою глупость. За свою собственную измену. Но у меня ведь и в мыслях ничего подобного не было никогда. Даже пять лет назад, когда казалось, что между мной и Вадимом уже все кончено. Даже когда пошла в ресторан с Гришей — знала, что ничего не будет.

Но жизнь редко бывает справедливой. По большому счету, в ней вообще нет справедливости. Есть причины — и есть следствия. Я не хотела ничего менять в своей жизни. Ни в настоящей, ни в прошлой. Но разве меня кто-то спрашивал об этом? Откуда вообще взялась эта чертова скамейка? Какие силы поставили ее здесь, в этом глухом уголке парка, именно в том месте, с которым у меня были связаны далеко не самые приятные воспоминания? И значит ли это, что она там специально для меня, а не для любого, кто перед грозой сядет на ее спинку и задумается о прошлом? Если так, то почему я? Почему именно я?

Я рыдала и материлась, хотя больше хотелось орать, выть, топтать ногами, лупить кулаками по чему попадя. От бессилия, от отчаяния. Но вот потихоньку все пошло на спад. Верблюд проорался и мог идти по пустыне дальше. Протерев лицо влажной салфеткой, я бросила ее в пепельницу и начала мысленно раскладывать пасьянс — так я это называла. Это было обычное рабочее: если получится так — будем делать вот так, а если так — то вот эдак.

Обычно я всегда просчитывала самый оптимистичный и самый пессимистичный варианты. Что будет, если обстоятельства сложатся таким образом. Последствия, перспективы, мои действия. С оптимальным проблем не было, там даже и просчитывать особо ничего не требовалось. Наихудший я наоборот анализировала от и до, чтобы быть готовой. Чтобы кирпич не свалился на голову внезапно. Но чаще всего, в девяти случаях из десяти, проходил какой-то промежуточный вариант, не самый лучший и не самый худший.

Самым лучшим в моей ситуации было бы вернуть все на исходные. Так, как было. Рассчитывать на него не приходилось. Даже если бы я таскалась в парк каждый раз, когда по прогнозу обещали грозу. У меня было такое чувство, что мироздание сопротивляется, не дает мне все

исправить. Дважды я пыталась — и дважды происходило что-то неожиданное, чего никак нельзя было предусмотреть.

Или все-таки дело в том, чего не хватало, что было не так? Если бы понять, вспомнить...

Вариантом получше, но тоже почти идеальным, был такой, при котором Котик молча оставлял меня в покое. Разошлись — и обо всем забыли. И без гадостей от Маринки. Но на это тоже можно было не рассчитывать. Наихудший — они объединились и слили Вадиму информацию по полной. И это был тот редкий случай, когда крайний вариант оказывался наиболее вероятным.

Как-то мне пришлось общаться со спецназовским полковником в отставке. Запомнилась фраза: «В критической ситуации бить надо первым, и чтобы противник уже не встал». Имелась в виду, конечно, боевая обстановка, но моя сейчас мало отличалась. Я хотела поехать прямо к Упадышеву, но вовремя сообразила, что, во-первых, похожа на мокрое пугало, а во-вторых, лучше все-таки договориться о встрече.

Заехав домой, я быстро вымыла голову и переделалась. Потом набрала знакомый номер, уже со своего мобильного. Время маскарадов закончилось.

— Добрый день, Василий. Медицинская маска беспокоит, — отрекомендовалась я. — Она же Валерия Соболева.

— Даже так? — если Упадышев и удивился, то никак этого не выдал. — Чем могу? Или какие-то претензии?

Претензии у меня, по правде, имелись, но в данный момент точно было не до них.

— Подъехать можно? Прямо сейчас?

— Давайте через час? — подумав, предложил он.

Через час я сидела у его кабинета, с трудом сдерживая желание грызть ногти. От этой мерзкой привычки мне удалось избавиться много лет назад, но теперь она вдруг настойчиво напомнила о себе. Хотя внешне я была совершенно спокойна, как будто выплеснула всю истерику, когда рыдала в машине. Детектив выглянул в приемную и приглашающе кивнул мне.

— В нашей профессии любопытство не приветствуется, — сказал он, закрыв дверь. — Но я правильно понял, что вы заказали досье на саму себя?

— Правильно, — кивнула я. — Были причины.

— Разумеется, — корректно согласился Упадышев. — Вас интересует что-то еще?

— Да. Только не о себе. Котов — вы показывали мне его фотографию. Компромат на него. Такой, чтобы он согласился вскрыть себе брюхо маникюрными ножницами и сожрать кишки, лишь бы не всплыло. И очень срочно. Вы сказали, что сделаете скидку — не надо.

Наоборот, заплачу больше, лишь бы побыстрее.

— Валерия Сергеевна... Далеко не у каждого человека за душой есть что-то настолько ужасное.

— Да, конечно. Но у этого, думаю, найдется. Процентов на девяносто уверена. И еще. Если можно, выясните подробности его развода. Кто подавал иск, причина, подробности.

— Хорошо. Раз уж мы отменили режим инкогнито, я могу связаться с вами сам?

— Да. По тому телефону, с которого я звонила.

Я вернулась домой, разделась и забралась в горячую ванну с бокалом вина. Адреналин бурлил в крови, стучало в висках. Включился режим холодного бешенства, когда уже не убегаешь, не прячешься в темном углу, а разворачиваешься к противнику лицом, чтобы сражаться не на жизнь, а на смерть. Нет, я не собиралась нападать сама, но оружие надо было держать наготове, чтобы при необходимости, при первом же его шевелении сделать упреждающий удар.

Ночью я внезапно проснулась, как будто увидела во сне ответ на загадку. Точнее, всего лишь половину ответа.

Когда я попала в прошлое в первый раз, мне невольно удалось изменить его, потому что я смотрела на все глазами не пятнадцатилетней девочки, а взрослой женщины. Та Лера с завитой щипцами челкой просто не смогла подозвать Котика, ей не хватило смелости. Другое дело — Лера, которой я стала, решительная, уверенная в себе. Только вот зачем мне это понадобилось? Из любопытства, которое, как известно, сгубило кошку? Или от меня уже ничего не зависело?

Впрочем, это уже было неважно. Важно то, что, сколько бы раз ни попадала в тот момент, вернуть все в прежнее состояние я не смогу, пока не почувствую себя снова подростком. Девочкой, которая уверена, что влюблена в мальчика, хотя мальчик этот старательно вытирает об нее ноги. Но как? Как пережить тот момент еще раз во всех полноте чувств, мыслей, ощущений?

Я чувствовала, что отгадка где-то рядом. То, что было в первый раз и чего не было в другие два. Если я вспомню, может быть, и пойму, что нужно сделать. Но вот как заставить себя вспомнить? Ответ: никак. Со мной такое бывало уже однажды. Не обязательно с чем-то забытым. Иногда надо было принять какое-то решение или сделать выбор, но все

варианты казались одинаково привлекательными или наоборот — неприемлемыми. И тогда оставалось одно — отложить на какое-то время. Конечно, не всегда это было возможно, иногда приходилось действовать быстро. Но если обстоятельства не слишком торопили, потом решение приходило словно само собой. И оказывалось верным. Так же и с воспоминаниями. То, что сопротивлялось и цеплялось когтями, не желая выходить на свет, вдруг неожиданно всплывало вообще без усилий.

Весь следующий день я ждала, что Котик перезвонит, но он, похоже, лег на дно. Как же это было знакомо! Он ни капли не изменился, и сейчас самым парадоксальным образом это радовало. Потому что непредсказуемость гораздо опаснее явных рисков, которые можно просчитать. Сейчас ему надо было заставить меня нервничать, чувствовать себя неуверенно, в идеале — виноватой. Не для этого ли было сказано про развод (из-за меня!) и про то, что он четыре года не видел дочь?

Вообще тут была еще одна загадка, из разряда глобальных. Зачем ему вообще понадобилось, чтобы Лера вышла за него замуж? Любовь? Крайне сомнительно, какая уж тут любовь при таком раскладе. Секс? Так не одна, прошу прощения, писька на свете, все по одному фасону скроены. Материальная выгода? Может, но не настолько велика, чтобы за нее цепляться. Желание иметь статусную игрушку? Вот это уже, пожалуй, теплее. Играть с девочкой, которая легко позволяет себя унижать, — это уже не тот уровень, это он перерос. Гораздо интереснее нагнуть женщину, которая знает себе цену.

Впрочем, все это были лишь догадки. Что-то определенное можно было сказать, только встретившись с ним лично, как бы мне не хотелось этого делать. Но идти на контакт сама я не собиралась. Пусть тоже подергается. В моих интересах тянуть время, пока Упадышев что-нибудь не нароет — если, конечно, нароет.

Вечером вернулся Вадим.

— Лер, с тобой все в порядке? — спросил он после ужина. — Я тебе рассказываю, а ты как будто уплываешь куда-то.

— Все нормально, — я встала из-за стола, обняла его сзади — так, чтобы он не видел моего лица. — Просто у нас сейчас очень важный проект, постоянно на нервах.

Впрочем, это даже вряд ли было враньем. То, что я делала сейчас,

действительно можно было назвать важным проектом. Чрезвычайно важным, потому что от результата зависела вся моя дальнейшая жизнь.

Вадим сидел на диване и смотрел старую французскую комедию про жандарма из Сан-Тропе, а я лежала, положив ноги ему на колени, и просматривала в ноутбуке рабочие материалы. Впрочем, вникнуть как следует в содержание не получалось. Это было какое-то пограничное состояние, когда я уже не могла больше думать о том, что волновало меня больше всего, но и ни на чем другом сосредоточиться тоже не получалось.

Когда фильм закончился, Вадим выключил телевизор, провел рукой по моей ноге, забираясь высоко под короткое синее кимоно.

— Я по тебе скучал, — сказал он, улыбаясь одними глазами. — Ты скоро?

— Да, — кивнула я. — Иди пока в душ, я сейчас дочитаю.

Но как только Вадим ушел в ванную, я отложила ноутбук и закрыла глаза, пытаясь справиться с горьким ощущением вины. Не поймет ли он, что со мной что-то не так, что дело вовсе не в «важном проекте»?

Нет, Лера, так не пойдет. Если ты постоянно будешь думать о вине другой своей ипостаси и не сможешь с этим справиться, лучше тогда прямо сейчас во всем признаться и расстаться. Потому что исправить произошедшее уже невозможно. Отмотать время назад, стереть измену, словно карандашный рисунок резинкой. Ты пробовала дважды — ничего не вышло. Поэтому просто заруби себе на носу: ты — вот эта самая Лера, которая лежит сейчас на диване и грызет пояс кимоно — ни в чем не виновата. Все. Точка.

Шум воды смолк. Вадим вышел и остановился в дверях гостиной, глядя на меня, — босиком, полотенце обмотано вокруг бедер. Я сделала вид, что не понимаю, в чем дело: «Мужчина, через почему такое вы на меня так пыритесь? Чевойта вам надоть?» Лениво встала, протиснулась мимо него, сдернув мимоходом полотенце. Юркнула в ванную, захлопнула дверь перед носом и повернула язычок замка.

— Ну, подожди, зараза... — проворчал Вадим.

Я стояла под душем, и теплые струйки воды ласкали кожу, как нежные прикосновения, рождая в воображении самые нескромные картины. Вытираясь перед зеркалом, я проводила по телу руками, представляя, как через минуту то же самое будут делать руки Вадима, и

по спине бежали нетерпеливые мурашки.

Черной змеей проползла, извиваясь, мысль: наслаждайся, пока еще есть время. Кто знает, сколько его осталось. Как будто по ногам потянуло холодом из-под двери. Я отмахнулась: сколько есть — все мое. Посмотрим, чей козырь старше. Натянула всю ту же зеленую шелковую рубашку, вытряхнула из флакона последние капли Эсте Лаудер.

Вадим лежал, закинув руки за голову, и ждал меня. Не глядя на него, я выключила свет, забралась под свое одеяло и сказала с интонациями Снежной королевы:

— Спокойной ночи!

— Да прям!

Одеяло само собой куда-то улетело, и свет, похоже, тоже включился сам собой. Вадим наклонился надо мной, глядя мою грудь, живот, бедра через рубашку, — и это было двойное удовольствие: от его ласк и от скользкой прохлады шелка. А потом она тоже словно испарилась. Его язык провел прямую от груди до пупка, опустился ниже, еще немного ниже...

— А вот теперь спокойной ночи, дорогая!

Вадим целомудренно поцеловал меня в лоб, выключил свет, лег под свое одеяло и повернулся ко мне спиной. Я взвизгнула, сдернула с него одеяло и уселась верхом, придавив ладонями плечи. Наклонилась и медленно раздвинула его губы языком...

Это был похоже на первый год после того, как я стала Славкиным партнером и директором агентства. Мы с Чарушниковым и еще парой местных акул объединились и зачищали рынок от конкурентов, которых было как грибов после дождя. Точнее, как поганок. Нашим девизом было: «Мелочи — мелочь». Война, азарт! Я просыпалась каждое утро в возбуждении, в котором было что-то сродни с сексуальным. Только тогда на кону стоял успех и деньги. Сейчас — моя дальнейшая жизнь.

В то, что Котик просто так умоется, я не верила. Еще раз с пятой цифры: люди не меняются. Не в его натуре выпустить за здорово живешь то, что попало в лапы. Так было с Артемом, так, видимо, было и с Ильей из параллельного класса — моим соседом по дому.

Иногда по утрам мы с ним одновременно выходили и вместе шли в школу. Изредка Илья заходил ко мне домой, иногда я к нему. Просто болтали, слушали музыку. А потом прошел мерзкий слухок, что у нас с ним что-то... эдакое. И как будто сам Илья эти слухи и распускает. Не разобравшись, я сгоряча наговорила ему всякого, а он только стоял и хлопал глазами. И только потом, когда Женька уже уехал, я узнала, кто на самом деле был источником этих сплетен. Я спросила в письме: какого черта? Но Котик вывернулся: ничего подобного, ну, может, просто повторил то, что услышал от кого-то. С Ильей мы потом все выяснили, я попросила прощения, но неловко мне было до сих пор — стоило только вспомнить о той истории. И это был просто один маленький фактик из множества прочих.

Я хорошо представляла, чего можно ждать от Котика. Раз я не хочу быть с ним — значит, не буду и с Вадимом. Но просто так поставить его в известность о многолетней измене жены было бы слишком жидко. Нужны были такие доказательства, чтобы одним выстрелом в десяточку. Чтобы контрольный уже не понадобился. Желательно фото или видео. Настоящие, не подделанные.

Конечно, можно было с натяжкой допустить, что Женьке известно обо мне что-то горячее из другой области. Бизнес, финансы, может, даже криминал. Откуда мне знать, какие подводные камни были в жизни другой Леры. Не настолько ведь глубоко копали люди

Упадышева, я не ставила перед ним задачу нарыть на меня компромат, за исключением постельных дел. Но это как раз было бы не в Женькином стиле. Даже с учетом того, что он финансист. Погубить деловую репутацию, разорить, даже посадить — нет, это не для него.

Тут все тонко. Даже если Лера говорила ему, что больше не любит мужа и не разводится с ним только из-за детей, Котик прекрасно понимал, что это для нее важно. Значит, это болевая точка, и именно по ней надо бить. И теперь мне нужно было что-то очень серьезное, потому что блеф не прошел бы. Когда-то давно Маргарет Тэтчер, английский премьер, говорила, что только паритет ядерного вооружения — гарантия мира. Она была права.

Весь следующий день я нетерпеливо поглядывала на телефон, хотя и понимала, что еще слишком рано. Но ближе к вечеру Упадышев все-таки позвонил.

— Валерия Сергеевна, могу предварительно обрадовать, — сказал он, поздоровавшись. — Кое-что определенно есть. Сейчас я вам пока ничего не скажу, нужен еще день-два, чтобы все уточнить. Но это именно то, что вам надо. Для харакири маникюрными ножничками. А пока по разводу. Иск подала супруга, Анна Котова. В числе причин на суде прозвучали измены мужа, грубое обращение с ней и с ребенком.

— Грубое — это как? — уточнила я. — Он что, их избивал? Как-то на него не похоже.

— Нет, речь шла о систематическом моральном давлении, унижениях, оскорблениях и прочем подобном. Право общения с ребенком суд не ограничил, но, судя по всему, Котов им не пользовался. Алименты платит исправно, хотя иногда с задержками.

— Понятно... Спасибо. Ну хоть намекните, в какой области компра?

— По его специальности, — усмехнулся Упадышев. — В довольно крупных размерах. Если сольете по инстанциям — вряд ли обделается легким испугом.

— Еще раз спасибо, — я хищно потерла ладони. — Жду с нетерпением.

Это было уже кое-что. Похоже на реальный козырь. Главное — чтобы не опоздать. Но пока время играло на меня. Котику надо было сначала меня помурьжить, потрепать нервы. Он был похож на паука, который не сразу съедает пойманную муху. Сначала впрыснет яд.

Потом подождет, пока внутри, под твердой оболочкой, у нее все не растворится. И только потом выпьет питательный протеиновый коктейль. Ну а развод — я почти не сомневалась, что так все и будет. Это другой Лере он мог морочить голову, что развелся исключительно ради ее прекрасных глаз и прочих частей тела.

Звонок Упадышева поднял мне настроение и еще сильнее подстегнул охотничий азарт. Адреналин бурлил, а когда я дотронулась до металлической окантовки на ящичке стола, от пальцев с тихим сухим щелчком пробежала искра.

После рабочего дня я вышла на крыльцо, прикидывая, ехать ли сразу домой или завернуть к Нине, которая работала не так уж далеко. Разумеется, я не собиралась ей ничего рассказывать, но напряжение требовало выхода — пусть даже в обычной женской болтовне о пустяках. Тем более Вадим позвонил и предупредил, что задержится.

Рядом с входом стояли несколько наших сотрудников и что-то оживленно обсуждали.

— До свидания, Валерия Сергеевна, — услышала я и тут же с другой стороны:

— Лера!

Ощущение было такое, как будто случайно хлебнула кипятка, а потом сразу запила ледяной водой. Медленно повернувшись, я краем глаза заметила, что то же самое проделали и мои подчиненные.

Первое, что бросилось в глаза — рукава джемпера, завязанные на груди. За двадцать лет он так и не избавился от этой привычки. Судя по фильмам, снятым еще до нашего рождения, когда-то это было модно, но уже тогда, в конце девяностых, выглядело нелепо. А уж сейчас... Двойняшки назвали бы это «зашквар», я определила проще: днище.

Котик всегда был высоким и худым, но сейчас начал заметно сутулиться. Синий джемпер, наброшенный на плечи поверх белой рубашки, только подчеркивал это. Потертые, неважно сидящие джинсы, неновые кроссовки. Неаккуратная стрижка с той же падающей на глаза челкой, совершенно не идущие ему усы. В общем, фотография не обманула. Сплошное «не».

Странное дело, если вспомнить, Женька всегда выглядел каким-то... невзрачным, что ли? Сейчас я бы сказала иначе: облезлым, потрепанным. В школьные годы, посмотрев на него, вряд ли можно было догадаться, что он из довольно обеспеченной семьи. Одежда,

обувь, прочие вещи у него всегда были неказистыми, что-то плохо сидело, что-то откровенно не шло. Но тогда это меня мало волновало. Тем более как-то раз Женька обронил: полезно, когда тебя недооценивают. Это была такая фраза-маркер, которая очень многое о нем говорила.

Я стояла и думала: боже мой, когда-то он мне нравился. Я с ума по нему сходила. Была всерьез уверена, что это любовь всей моей жизни. Почему девчонки в пятнадцать лет такие дуры? Впрочем, и некоторые бабы в тридцать не умнее.

Котик быстро подошел ко мне, схватил за руку и громко заявил:

— Нам надо поговорить!

Я попыталась вырваться, но он держал крепко. На нас смотрели во все глаза, охранник на входе тоже явно заинтересовался.

— Отпусти меня! — прошипела я.

Подумав секунду, Котик все-таки выпустил мою руку, но так и стоял, преградив мне путь.

— Тебе придется, Лера, — сказал он с наглой усмешкой. — Ты же не хочешь устраивать здесь цирк для всех, кто на нас пялится? Наверняка тебя здесь хорошо знают.

Цирк действительно был не в моих интересах. А вот разговор — точнее, переговоры — очень даже.

— Хорошо, пошли, — кивнула я.

— Куда? — опешил Котик, явно не ожидая, что я так легко соглашусь.

— Откуда я знаю? В кафе, в ресторан, в рюмочную.

— Может, тогда ко мне поедем? Я на машине.

— Нет, — отрезала я. — Никаких машин. Просто сядем где-нибудь и поговорим. Недалеко, чтобы пешком дойти. А потом я вернусь сюда и поеду домой. На своей машине.

Женька смотрел на меня, наморщив лоб. Ничего подобного от меня он явно не ожидал. Судя по всему, другая Лера вела себя с ним так же, как и в девятом классе: со всем соглашалась, заглядывала в глаза, молча глотая слезы и кусая губы. Ну, может, иногда робко возражала, не рассчитывая на успех. А потом приходила домой и срывалась на Вадиме, как собака.

Пока мы шли по Садовой, я прикидывала, как удержаться на тонкой грани: показать, что царь горы теперь не он, но и не взбесить

настолько, чтобы укусил первым. Все-таки пока убойного оружия в руках у меня не было. Да и прояснить кое-какие моменты не мешало бы.

Мы зашли в небольшое кафе, сели за столик, заказали кофе.

— Ну? — он смотрел на меня в упор, зло прищурясь. — Давай наконец расставим точки над и.

— Давай, — согласилась я. — Что будет, если я скажу, что эта наша последняя встреча?

— Я тебе уже говорил, что будет. Повторить?

— Будь добр.

— Лера, я не позволю морочить себе голову. Ты обещала, что уйдешь от мужа и будешь со мной. Я развелся сразу. Ты все тянула и тянула. То у тебя дети, то у тебя новая работа, то ты больна, то еще какая-то херня. Перед командировкой я тебе сказал: или ты со мной, или все. Решай, время есть.

— Я решила, Женя. Что дальше?

— Ты думаешь, что можешь сломать мне жизнь, а сама будешь жить дальше припеваючи? Не выйдет, милая. Для тебя ягодки тоже закончатся.

Так, игры кончились. Или наоборот — только начались. Вообще-то в карты я играла неплохо, хотя и не очень любила. Слишком уж азарт захватывал. Такие люди, как я, проигрывают миллионные состояния за один вечер. Поэтому если и садилась, то только киндером. На щелбаны или, как бабушка, говорила, по копеечке. Ну что ж, поблефуюем.

— Вот так ты, Женечка, меня и держал пять лет, да? — сказала я задумчиво. — Один раз сдуру с тобой трахнулась — и привет. Вечное сексуальное рабство.

— Таковую женщину, как ты, трудно удержать, — усмехнулся Женька. — Но можно. Когда ей есть чего терять.

Я смотрела на него во все глаза. Неужто бинго? Он не шутил. Ни капельки. Ну что ж, одним вопросом меньше. А я-то понять не могла, чем же он меня... ее так увлек. Удивлялась — неужели только воспоминаниями о прекрасной школьной любви? И даже робко предполагала: а вдруг он такой зашибенный любовник, что держите меня семеро. Ну да, как же. Встречалась бы тогда Лера с ним всего два раза в месяц. И подкатывалась бы к Вадиму под бочок, несмотря на холодную войну.

— То есть ты в курсе, что я тебя не люблю и сплю с тобой исключительно потому, что деваться некуда?

— Лер, ну зачем ты так? — помрачнел он, и наглую ухмылку словно мокрой тряпкой стерло. — Неужели у нас с тобой все так плохо было?

Да-да, дорогой, я прекрасно помню про «лучшего друга». Слова другие, стилистика та же. Сейчас ты ловко извернешься, я окажусь во всем виновата и буду просить прощения. Ну уж нет, фигли-мигли-балалайка.

— Жень, скажи мне честно, — я отодвинула чашку и накрыла его руки своими, вспомнив при этом о его вечно холодных влажных ладонях. — Просто ответь на один вопрос.

— Ну? — насторожился он, но руки не убрал.

— Помнишь, в девятом классе ты меня в парке поцеловал? Весной, когда мы там бегали?

— Помню. И что? — он не мог понять, к чему я клоню.

— Зачем?

— В каком смысле? Захотелось — и поцеловал.

— Нет, я серьезно, — чем больше он нервничал, не понимая, чего я от него хочу, тем спокойнее становилась я. — Ведь ты же был влюблен в Леонтьеву. И вы с ней встречались.

— Ну и что? Мне просто стало тебя жаль, Лера. Ведь я же знал, как ты ко мне относишься. Ты тогда сидела на скамейке — как лемур. Вцепилась в нее, вся такая несчастная, глаза вытаращенные. Только хвоста полосатого не хватало. Я тебя, кажется, спросил, что с тобой, а ты заревела.

— Значит, ты тогда меня пожалел и поцеловал. А на самом деле это тебе нафиг упало, да?

— Извини, но тогда — да.

— А мне вот кажется, что ты врешь. Тебе просто хотелось еще немного меня помучить. Напоследок. Так?

Женька смущенно засмеялся и осторожно вытянул кисти из-под моих ладоней.

— Лер, это все было до исторического материализма. Ты мне по телефону тогда припомнила — что я в школе об тебя ноги вытирал. Все с тех пор сильно изменилось.

— А мне кажется, что не очень, — возразила я, отпив глоток остывшего кофе. — Если бы не тот поцелуй, я тогда на набережной даже не обернулась бы.

— Я подумал, что ошибся. Все-таки сколько мы не виделись? Четырнадцать лет? Или пятнадцать?

— Около того. Последний раз — на твоей свадьбе.

— Ну вот. Еще и темно было. Позвал тебя, ты мимо прошла. Потом остановилась, оглянулась. Ну а потом ты помнишь — сидели в кафе, а когда закрылось, ко мне поехали.

Ага, вот как, значит, все было. Это действительно он меня окликнул тогда, я не ошиблась. Ошиблась только насчет момента Лериного, так сказать, морального падения. В «блядском платье» — это уже потом было.

— Послушай, ты мне, кажется, говорил, но я уже не помню. Как ты вообще тогда оказался в Питере?

— Говорил. Когда у хохлов началась та заварушка, начал

подумывать о том, чтобы вернуться. Гражданство-то российское, и у меня, и у жены было. А тут как раз отец в Москве умер. Там квартира осталась матери, а эта, на Благодатной, мне. Приехал оформлять наследство. Ну а после развода совсем перебрался.

Конечно, непонятного оставалось еще достаточно, но, в общем и целом, картину я уже могла себе представить.

С мужем разлад, выплеснулась многолетняя усталость и раздражение, настроение на нуле — и вдруг привет из далекой юности. Как будто стоишь на площадке последнего вагона, а поезд проезжает мимо знакомого полустанка. И кто-то такой томительно знакомый сидит на пригорочке и рукой машет. И вот уже все плохое уходит в тень, а на первом плане гуляют белые единороги и розовые пони. И над всем рассвет и радуга. И ты дергаешь стоп-кран, чтобы сойти с поезда. А потом оказывается, что вместо единорогов и пони на лужайке пасутся лошаки и мулы, все в слюнях и в коросте. А вместо рассвета — бесконечный серый дождь. Вот только обратной дороги, оказывается, нет. Поезда на этом полустанке не останавливаются. Игра, в которой нельзя выиграть, нельзя остаться при своих. Нельзя даже выйти из игры. Ну что ж...

— Кот, ты хочешь, чтобы я осталась с тобой, несмотря ни на что? Зная, что я тебя не только не люблю, но и глубоко презираю? Тот первый раз был огромной ошибкой, которую я сделала сдуру, потому что была зла на мужа. Да из тебя любовник — как из говна пуля. От кота на пашне больше проку. Извини на добром слове, остопиздело что-то там изображать. Ты как в анекдоте — бледное подобие левой руки. И вообще, каким мудаком ты был двадцать лет назад, таким и остался.

Это было грубо, очень грубо, но я намеренно злила его — и Женька поддался на провокацию. Его лицо сначала побледнело, потом побагровело. Наверно, не будь мы на людях, он бы меня ударил.

— С-сука! — со свистом не сказал, а выплюнул он. — Я думал, мы договоримся по-хорошему. Но по-хорошему, смотрю, ты не хочешь. Ладно. Помнишь то красивое кино, где ты на коленочках? Ты еще просила, чтобы я его стер. Так вот я его сохранил. На всякий бякий случай. Никогда не знаешь, что может пригодиться, правда? Как будет здорово, когда его увидит твой муж, дети, родители, подчиненные, конкуренты, клиенты? А, Лера?

На секунду к горлу подкатила дурнота. Не от страха — от

отвращения, хотя я старательно изобразила выражение крайнего ужаса.

Какой же ты дебил, Котов, думала я при этом, разве можно открывать свой жалкий стрит, не зная, какие карты у соперника. Упадышев, миленький, сдай мне роял-флеш, пожалуйста!

— Жень, подожди, — жалобно проблеяла я. — Подожди! Я... я не хотела, я...

— Да? — сощурился он. — Вот как ты теперь запела? Не хотела? Нет, Лерочка, поздно пить боржоми, когда почки отвалились. Помнишь, как в детском садике говорили? Первое слово дороже второго.

— Жень, ну пожалуйста, — я старательно моргала, пытаюсь выжать слезу, которая, когда надо, как назло, не желала выжиматься. — Прости!

Давай, давай, Лера, унижайся, ты же когда-то хорошо это умела. Вспомни, неужели так трудно? Войди в образ. Поплачь, попроси прощения. Жалобно. Чего тебе не хватает? Запаха мела и пыльной тряпки? Потных подмышек? Или новой толстой тетради в твердой обложке — помнишь, как она пахла, Тетрадь?

Какая-то важная мысль пробежала быстрым облачком, не задержавшись. Ладно, не сейчас.

Женька смотрел на меня с улыбкой злобного демона, наслаждаясь. Вот чего ему нужно было на самом деле. Что там секс! Этого добра можно от любой давалки получить. А такое удовольствие — это же деликатес, как во французском ресторане. Когда-то, еще подростком, он тренировался на мне. А может, заодно и на Наташке, откуда мне знать. Потом наверняка на других девушках. Оттачивал мастерство на жене, пока та не подала на развод. И вдруг встретил старый, испытанный источник вкусный эмоций.

— Жень, пожалуйста, ну я тебя умоляю!

Я старалась изо всех сил, но получалось не очень убедительно. Разучилась я это делать. За всем этим моим псевдоунижением наверняка торчали уши холодного расчета. Легче блефовать с мусорной картой на руках, чем вот так изображать запредельный испуг.

— Я подумаю, Лера, — сказал он холодно, и я прикрыла глаза рукой, чтобы они не блеснули торжествующе.

Именно это мне и надо было — чтобы он снова потянул время. Чтобы я, по его мнению, извелась и приползла к нему на коленях. Кстати, интересно, что там за кошмарное кино «на коленочках»? Хотя нет, лучше не знать.

Я смотрела на него умоляюще, изображая Бэмби или кота из «Шрэка», при этом прикидывая, не слишком ли переигрываю.

— Я тебе позвоню, — он встал и пошел к выходу.

Посидев еще минут пять, я расплатилась и тоже вышла на улицу. Добралась до Джерри, села, завела двигатель и только тогда позволила себе расслабиться — хохоча и от души матерясь. Хотя смешного в ситуации, разумеется, было мало. Но зато теперь она стала вполне прозрачной. Нет, он не врал, видео действительно было — иначе не сказал бы: «Помнишь то красивое кино? Ты еще просила, чтобы я его стер». Но он открыл свои карты, а я свои только готовилась получить. При этом зная: колода стасована так, что мне придет самая горячая комбинация.

Мне казалось, что я превратилась в сплошной оголенный нерв. Пятница, суббота... Упадышев не звонил. Погода стояла дождливая, что тоже оптимизма не добавляло. Вадим что-то писал, двойняшки отсиживались у себя на чердаке, папа возился со своими поделками в сарае. Мы с мамой парили банки, варили варенье. В общем, все были при деле, и никто не обращал на меня особого внимания.

В воскресенье утром пришла смска: «Готово». Я выдохнула с таким облегчением, как будто стояла на эшафоте и вдруг прискакал гонец с указом о моем помиловании. Хотя, если хорошо подумать, все еще только начиналось. Действительно ли Упадышев нарыл что-то настолько серьезное, что потянет на роял-флеш?

Когда мы вернулись в город, Вадим заехал на стоянку поставить Дастер, а я пошла домой и набрала номер детектива.

— Приезжайте, — сказал он. — Все в лучшем виде. Если хотите, можно сразу скинуть в службу безопасности его банка, они придумают, что с этим делать.

— Давайте подождем пока, — хищно улыбнулась я. — Сначала я сама, а там видно будет.

— Ну, как хотите.

Мы договорились, что я приеду утром, и попрощались. Теперь главной задачей было, как подать Котику это угощение. На какой красивой тарелочке. Так, чтобы он проглотил свое паскудное кино и навсегда забыл о моем существовании. Было во всем этом великолепии одно слабое место. Скорее всего, Котик как-то хитро обувал свой банк. Если я вывалю свой флеш так же, как это сделал он, что помешает ему быстренько замести следы? Нет, надо лишь приоткрыть карты так, чтобы он понял: обмануть меня не удастся. Чтобы даже подумать в эту сторону не рискнул.

После ужина мое нервное возбуждение раскочегарилось до такой степени, что я просто усидеть на месте не могла. Залезла на стремянку и вымыла пластиковый потолок в ванной, но это мало помогло. В конце концов я пошла в гостиную, отобрала у Вадима ноутбук, и мы затеяли дикую оргию на новом диване. Можно сказать, устроили ему обкатку.

— Тигра, ты сегодня какая-то бешеная, — сказал Вадим, едва отдышавшись. — Я тебя прям боюсь. Ты случайно не того, а? Ты такая была, когда залетела. Просто зверь.

— Нет, — с сожалением вздохнула я. — Точно нет. Ну а если бы?

— Ну так и... почему бы нет? — улыбнулся он. — Девчонку. Парни уже совсем взрослые, скоро, может, вообще от нас съедут. А нам лялька останется.

Меня словно ножом резануло — почти теми же словами Вадим сказал об этом в той, прежней реальности. Мне так хотелось завопить: «Да-да-да!!!», но сейчас это было несколько преждевременно. Сначала надо разобраться со всеми внешними проблемами.

— Это надо обдумать, — сказала я осторожно.

На следующее утро, проснувшись ни свет ни заря, я едва дотерпела до того времени, когда можно было поехать к Упадышеву.

— Смотрите, — сказал он довольно, когда я зашла в кабинет и села к столу. — Схема очень мутная и запутанная, но, я бы сказал, где-то даже почти гениальная. Хотя и не новая. Каждый месяц наш друг становился богаче на вполне пристойную, но и не настолько наглую, чтобы быть замеченной, сумму. За счет вкладчиков. Они об этом, разумеется, не подозревают. Самая хитрость в том, что поймать его за химо было довольно просто. Вот только нужно было знать, что надо ловить. Знаете ведь наверняка старую хохму про Неуловимого Джо? Потому неуловимый, что никто не ловит.

В финансовых схемах я понимала ровно столько, сколько надо было для работы, но Упадышев мне в общих чертах все разъяснил. Насчет «особо крупных размеров» он, конечно, преувеличил, но выплыви эта маленькая Женькина хитрость на свет божий, его банковская карьера стопроцентно закончилась бы. Да и присесть можно было лет так на несколько.

После всех этих детективных игрищ мой банковский счет заметно похудел, но дело того стоило. Подумав, я решила, что оптимальным вариантом будет застать Котика врасплох. Напасть без объявления войны. Я позвонила Вадиму и предупредила, что, возможно, задержусь.

Сначала я хотела поехать к Женьке домой и даже уточнила в интернете адрес, потому что знала только номер дома. Но потом передумала. Нет, не потому, что боялась физического насилия или чего-то в этом роде. Просто не стоило давать ему преимущества своей

территории. О банковских махинациях следовало говорить на месте преступления — в банке. Правда, тут тоже была небольшая проблема: я не представляла, где именно он работает. Не факт, что в центральном офисе, у его банка было немало отделений по всему городу. Пришлось сделать несколько звонков, но уже через час мне на почту упал полный список сотрудников. Котик в нем значился в качестве управляющего одним из отделений.

Я ушла пораньше и поехала на Торжковскую. Поставила Джерри в карман, прошла туда-сюда по улице, настраивая себя на схватку. Вдохнула поглубже и зашла в вестибюль. Прошла мимо банкоматов и поинтересовалась у охранника на входе, у себя ли Котов. Женька был занят, и мне пришлось подождать. Чтобы не растерять боевой настрой, я думала о вчерашнем разговоре с Вадимом. Девочка... маленькая, хорошенькая. Я бы хотела назвать ее Александрой, хотя Вадиму не очень нравились имена унисекс.

Куда ни глянь, все в отделении было прозрачно-стеклянным, кроме двух дверей: безымянной с кодовым замком и второй, на которой висела скромная табличка «Управляющий». Она распахнулась неожиданно, когда я подбирала альтернативные варианты имен. Из кабинета вышел мужчина в сером костюме, а за ним — Котик, одетый в черные брюки и белую рубашку без галстука. Увидев меня, он споткнулся и уцепился за дверь, чтобы не упасть.

— Лера? — пробормотал Котик растерянно. — Извините, Олег Петрович. Всего доброго. Ты... как здесь? — он снова повернулся ко мне.

— Вклад хочу у вас открыть, — нахально заявила я, встав с банкетки. — Депозит. Двухлетний. С повышенной ставкой. С начислением процентов каждый месяц и капитализацией.

Это было похоже на мультфильм — глаза у него медленно расширились и стали огромными, как у совы.

— Я могу зайти?

Он молча посторонился, пропуская меня в кабинет, вошел следом, махнул рукой на стул. Я села и посмотрела на него в упор.

— Ну?

— Чего ты хочешь? — хрипло спросил он, похоже, еще надеясь, что ошибся, что я по какой-то совсем другой причине заявилась.

— Не догадываешься?

— Лер, ну зачем ты так? — завел он старую песню. — Ведь мы же с тобой...

— Нет никакого «мы», Котов, — отрезала я. — И никогда не было. Была влюбленная девочка-дурочка и маленькая сволочь с замашками взрослого садиста. А потом эта девочка-дурочка наступила на старые грабли. И взрослая сволочь этим воспользовалась. Тебе же не секс от меня нужен был, правда? Ведь это же так сладко: унижать, дергать за ниточки, манипулировать, да? Именно поэтому ты хотел, чтобы я за тебя замуж вышла? Чтобы удобнее было?

— Лера...

— Ты ведь все понял? Не надо тебе рассказывать подробности? Ты же не будешь таким идиотом, чтобы назло бабе отморозить яйца? И не надейся, что успеешь подчистить хвосты. Все скрины уже лежат в даркнете. Одно неосторожное движение — и тебе конец. И свалить никуда не успеешь. И, кстати, если со мной что-то случится, все файлы уйдут в рассылку автоматически. Если ее некому будет отменить.

Это тоже был блеф, причем совершенно беспардонный, но на меня снизошло вдохновение. И Женька поверил — я поняла это по его лицу. Подлый человек всегда верит, что другой способен на такую же подлость, это аксиома.

— Чего ты хочешь? — повторил он.

— Женя, выключи уже дурака. Ты просто забудешь о моем существовании. А я о твоём. Никакого кино, никаких секретных материалов. Баш на баш. Забудешь навсегда, а не пока все уляжется. Никакой страшной мести через сто лет. Не забывай, у тебя есть дочь. Моих возможностей ты не знаешь.

Даже в такой паскудной ситуации мне претило угрожать ребенку, но я вынуждена была это сделать. Каким бы паршивым отцом он ни был, дочь есть дочь. И ему действительно не были известны мои возможности.

— Хорошо, — сказал он и вытер пот со лба.

Его лицо было бледным — настолько, что белая рубашка показалась застиранной до желтизны. С трудом сглотнув слюну, Котик расстегнул пуговицу на воротнике.

— Хорошо, — повторил он. — Я сотру все файлы, и больше ты обо мне не услышишь.

— Хозяин подарил Добби носок, — усмехнулась я. — Как это мило

с твоей стороны. На вот тебе сувенир на память, — я бросила на стол распечатку всего лишь одной страницы из длинного перечня его банковских операций. — Не буду врать, что уничтожу. Но если ты свое обещание выполнишь, от меня никто ни о чем не узнает. Это я тебе гарантирую.

Женька молча кивнул и снова вытер пот со лба. Выглядел он настолько жалко, что меня гадливо передернуло. Я представила, как женщина с моим телом ложилась в постель с этим ничтожеством. И ей это даже, наверно, нравилось. Во всяком случае, она этого хотела. Как минимум один раз.

Не говоря больше ни слова, я вышла из кабинета, пересекла операционный зал, постояла минуту на крыльце, приходя в себя. Села в машину и поняла: что-то не так.

Мы были как СССР и США времен холодной войны. У нас был паритет ядерного оружия. Разумеется, он не станет стирать свое похабное видео — это его оружие сдерживания. Если я нарушу свое обещание, мне тут же прилетит ответка. Так же как и ему — если он не сдержит слово.

Тогда откуда этот его страх на грани инфаркта?

Сначала мне просто было не по себе. И с каждым перекрестком, с каждым светофором на душе становилось все тяжелее. Проехав под железнодорожным мостом и свернув на Большой Сампсониевский, я уже твердо знала, что опоздала. Флеш вполне так был роял, но немного запоздал. Или Котик сам отправил свой подарок по назначению, или слил кому-то еще. Например, той же Маринке, о которой я за последнее время подзабыла — а зря.

Это даже было более вероятно. Потому что мне он ничего не сказал. Наверно, надеялся, что еще можно дать задний ход. Я даже примерно могла себе представить, как все было.

Скорее всего, дура Лера с ней поделилась, не подозревая, что подружница давно запала на Вадима. И даже, может, рассказала, какой Котик выставил ультиматум, уехав в командировку. Поэтому Маринка и сидела на попе ровно — ждала, когда он вернется. И позвонила ему, когда тот уже было здорово разозлен моим отказом. Видимо, тогда-то у них план и сложился. Сначала помотать мне нервы на кулак, а потом ударить с двух флангов одновременно. Отправить паскудное видео сразу с двух адресов. Одно и то же. А может, и разное, как знать.

Вспомнилось вдруг, как в другой реальности после дня рождения Вадим предложил мне заняться сексом в лифте. И его слова про хоум-порно. Вот как они отозвались — кто бы мог подумать!

Поставив Джерри на стоянку, я долго сидела в машине, не решаясь пойти домой. Больше всего хотелось снова завести двигатель и ехать куда глаза глядят, пока не кончится соляра. А потом выйти и идти, идти... И никогда больше не возвращаться обратно. Но это было бы малодушно. И потом... наверно, оставалась крошечная надежда, что я все придумала. Что ничего не произошло. Что Котик так нервничал и потел только потому, что не верил моему обещанию.

Наконец я собралась с духом, взяла сумку и пошла к дому. И еще другое вспомнилось — как не решалась подняться в квартиру после похода в ресторан с Гришей. Топталась у двери и смотрела на куст с розовыми цветами. Он и сейчас цвел — тонко пахло ванильным мороженым и сливочным ликером. Я сорвала одну кисть, понюхала...

отшвырнула и вошла в парадную. Лифт полз медленно, и я вспомнила название детектива, который читала еще в школе: «Лифт на эшафот».

Судя по замку, закрытому на один оборот, Вадим был уже дома. Встретить меня он не вышел. Я заглянула в гостиную, и одного взгляда на него хватило, чтобы понять: все кончено. Он сидел на диване, откинувшись на спинку и закрыв глаза. Рядом стоял включенный ноутбук.

Я остановилась в дверях, к горлу подступила дурнота, в ушах зазвенело. Только не хватало еще в обморок грохнуться. Вадим посмотрел на меня и сказал таким голосом, как будто его терзала невыносимая боль — да так, наверно, и было:

— Судя по твоему виду, ты в курсе. Ну что ж, вполне потянет на Оскар.

Я сползла спиной по косяку, села на пол, подтянув колени, уткнулась в них лицом. Пожалуй, обморок как раз не помешал бы. Долгий-долгий. И чтобы потом, не приходя в сознание...

— Может, ты хоть что-нибудь скажешь?

Я подняла голову, посмотрела на него... и начала рассказывать. Все, с самого начала. С того самого момента, как позвонил Моховец и сказал, что у нас проблемы с Ипатьевым. И заканчивая моим визитом в банк к Котову. Каким-то чудом мне удалось сдержаться, не сбиться на истерику. Вадим слушал внимательно, не перебивая. Когда я закончила, повисла тяжелая тишина.

Наконец он встал, подошел ко мне, протянул руку. На секунду промелькнуло безумное: он поверил мне, он понял! Но стоило взглянуть на его лицо, и стало ясно: надеяться не на что.

Вадим помог мне встать, усадил в кресло, опустил рядом на корточки.

— Лера, — сказал он, не глядя на меня, — все это время я почти был уверен: у тебя кто-то есть. Выяснить можно было легко, но я не хотел. Помнишь, мы с тобой в «Корчме» об этом говорили? Пока наверняка не знаешь, как будто этого и нет. Можно легко себя обмануть, если хочешь. Я тебе сказал тогда: если что-то было — не хочу об этом знать. Но видишь ли, если бы сейчас ты сказала, что все вот это, — он махнул рукой в сторону ноутбука, — подделка, монтаж, я бы поверил. Особенно учитывая, кто прислал. Я не эксперт по фальшивому видео. И не стал бы искать эксперта. Было бы тяжело, но я все равно

поверил бы. Но ты сейчас фактически подтвердила, что кино настоящее. Что все было. Тебя никто не заставлял, не угрожал тебе, твоим близким. Ты просто изменяла мне пять лет.

— Вадим!..

— Помолчи, пожалуйста. Лера, поставь себя на мое место. Без эмоций. Просто представь. Ты получаешь замечательное видео со мной в главной роли. Сюжет простой: я с большим энтузиазмом трахаю свою бывшую одноклассницу. Была такая девочка Оля. Она мне нравилась, а я ей нет. И рассказываю тебе фантастический роман о прыжках во времени. Я вернулся на двадцать лет назад, поцеловал Олю, и в настоящем все поменялось. Я изменял тебе пять лет, но на самом деле это был не я. Всего один вопрос: ты мене поверишь?

Я молчала, потому что ответ был очевиден: нет. Все это было чистой правдой. Но если бы я услышала подобное от Вадима, не поверила бы. Стопроцентно. Потому что поверить в подобное, не пережив, невозможно. А если даже вдруг и поверишь, все равно это ничего не меняет. Нас с другой Лерой не две разных. Я одна. И именно я изменяла ему с Женькой.

— Прости, Лера, но я ничего не могу поделать. Я просто... не могу.

Вадим встал, достал из шкафа в холле дорожную сумку и пошел с ней в спальню. Я слышала, как он выдвигает ящики шкафа, снимает одежду с вешалок. Потом зашел в ванную, забрал что-то оттуда. Вернулся в гостиную, забрал ноутбук, ежедневник и несколько книг.

— Решим потом, на спокойную голову, — сказал он. — Что будем делать дальше. Я позвоню. Пожалуйста, не говори ничего мальчишкам. Я с ними поговорю сам. Они ведь давно догадывались, что у нас все плохо. Скажу, что мы попытались снова, но не вышло. Никто не виноват — так сложилось.

— Спасибо, — прошептала я, больше всего на свете желая умереть, немедленно. — Куда ты сейчас?

— Наверно, к Ивану. Или в гостиницу. Потом квартиру сниму. Не беспокойся.

Он задержался на секунду, глядя на меня, повернулся и вышел. Хлопнула дверь, повернулся ключ в замке.

И вот тут меня наконец пробило по-настоящему. Я вспомнила выражение лица Котика, когда выходила из его кабинета, и расхохоталась, как сумасшедшая. А потом разрыдалась — и вот это уже

была настоящая истерика. Куда там всем предыдущим.

Прервал эту вакханалию телефонный звонок. Я с надеждой схватилась за трубку и снова истерично расхохоталась, увидев на экране: «Евгений».

— Лера! — похоже, у него там действительно было предынфарктное состояние, если не сам инфаркт. — Послушай! Я не хотел! Я правда не думал... Я ей звонил, я ее просил... Лера, пожалуйста, я тебя очень прошу!

Продолжая смеяться, я нажала на кнопку отбоя, а потом сбросила еще два его звонка. Это было маленькое утешение. Такое маленькое, как петушок на палочке для человека, у которого сгорел дом. А потом позвонила Маринка.

— Ну что, Соболева? — сладко пропела она. — Или ты уже не Соболева? Как кинчик, зашел? Ты там прямо порнозвезда. Надеюсь, профессор оценил?

— Надеюсь, ты счастлива, сука, — сказала я так спокойно, как только могла, и отключилась.

«Видите, спокоен как? Как пульс покойника», — вспомнилось из Маяковского.

Я вышла на кухню, выпила воды, вымыла лицо, вытерла кухонным полотенцем, пахнущим рыбой, и снова потянулась за телефоном. Упадывше отозвался после первого же гудка. Возможно, он от меня уже устал, но все же я хорошо платила. Такими клиентами не бросаются.

— Слушаю, Валерия Сергеевна.

— Василий, у меня просьба. В качества бонуса — можно?

— Излагайте, — насторожился он.

— Помните, вы предлагали отправить наш подарок по приятному адресу?

— Конечно.

— Вы можете это сделать? Прямо сейчас?

— Не вопрос. Подождите минутку.

Я включила громкую связь и смотрела, как бегут на дисплее секунды, отсчитывающие продолжительность разговора. Из динамика доносилось цоканье клавиш и щелчки мышкой.

— Ну вот, ракеты ушли, — сказал он через минуту и двадцать две секунды.

Все, теперь можно было достать бутылку вина и выпить. На

работу утром я не собиралась. Гори оно всем синим пламенем. Одна мразь свое получила, что делать со второй, подумаю потом.

Я выпила уже половину, голова кружилась, но легче не стало. Скорее, наоборот. Снова ожил телефон.

— Да как же вы все меня зае...ли! — сказала я, едва на свалив его на пол.

На экране высветилось: «Корнетова».

— Лерочка, ты как? — спросила Кира.

— Что как? — пьяно захихикала я.

— Мне сейчас Маринка позвонила, сказала, что ты, вроде, не в себе. Что она за тебя беспокоится. Представляешь? Она за тебя беспокоится!

Сначала я расхохоталась. Потом выругалась многоэтажно. Потом заплакала.

— Кир... я просто пьяная. От меня... Вадим ушел.

Помолчав, Кира спросила:

— Хочешь, мы с девочками сейчас приедем? Ну, или я одна, если они не смогут?

— Валяйте!

Я представила, что они приедут, будут меня жалеть и утешать... блин, это было так противно, унижительно... пусть приезжают, в конце концов!

Девчонки приехали через час, все трое. К тому времени я допила бутылку в одни ворота, и мне было море по колено. Не в том смысле, что стало не так больно, скорее, я растворилась в этой боли. Не она была во мне, а я в ней.

— Ой, милая, да ты хорошая, — присвистнула Алла, но Нина посмотрела на нее свирепо.

— Лерка... — Кира обняла меня, погладила по голове. — Это правда?

— Что именно? — устало поинтересовалась я. — Я ж тебе сказала, он от меня ушел.

— Лер, давай сядем, — Нина отцепила от меня Киру и кивнула в сторону гостиной. — Ты на ногах не стоишь.

Мы с Близнецами устроились на диване, Кира в кресле.

— В общем... — Алла нервно расправила юбку на коленях. — Эта сука позвонила нам всем. Только Кире сказала, что с тобой что-то не в порядке, а нам с Нинкой конкретно — что именно с тобой не так. Что ты изменяла Вадиму, он узнал и тебя бросил.

— Да, это правда, — сказала я. Мне было уже все равно. Лучше пусть думают, что я потаскуха, чем жалеют.

— Лера... — ахнула Кира.

— Так, хватит! — попросила я. — Если вы собираетесь читать мне мораль, можете себя не утруждать. Я и без вас все знаю. Да, я блядь. У нас с Вадимом все было плохо, и я изменяла ему пять лет подряд. С бывшим одноклассником. Потом я с ним порвала. И с Вадимом все стало налаживаться. А он слил Маринке кое-какое интересное кино со мной в главной роли. И та отправила его Вадиму. Все. Все тайное становится явным, всем сестрам по серьгам, и Буратино сам себе главный враг.

Где-то во дворе заливисто лаяла собака, на лестничной площадке звонко процокали женские каблуки. А у нас повисла тяжелая тишина. Алла смотрела на Нину, Нина на Киру, Кира на Аллу. На меня не смотрел никто.

— Лерочка, — Нина обняла меня за плечи, — никто не собирается

читать тебе мораль. Вы с Вадимом взрослые люди. Видимо, что-то между вами произошло. Не просто так ведь все...

— Жизнь сложнее схем и правил, — добавила Алла. — Тем более в отношениях.

— Помнишь, ты мне сказала, что не любишь, когда жалеют или сочувствуют? — спросила Нина. — Давай так. Мы не будем тебя утешать. Ты просто нам все расскажешь. Мне кажется, тебе это сейчас нужно. Вывернуться наизнанку.

— Может, мне и нужно, — я поджала под себя ноги и закрыла глаза. — А вам-то зачем? Я ведь если начну, действительно наизнанку вывернусь. А там очень мало приятного. С изнанки-то.

— Лера, я почти полжизни копаюсь в гнилых зубах, там еще меньше приятного, — голос Киры донесся до меня словно с противоположного края вселенной. — Мы потерпим.

— Ну как хотите. Только начать придется очень сильно издали. Со школы. Иначе вряд ли что-то поймете...

Мальчишки обращали на меня внимание с первого класса, хотя красавицей я и не была. Кто-то хотел идти со мной в паре на экскурсию, кто-то бил портфелем и дергал за косу. Но мне хотелось дружить с мальчиком. Вот просто дружить. Гулять вместе, учить уроки, обсуждать прочитанные книжки. С девчонками мне было скучно. Я не играла в куклы, мне не интересны были всякие бусики-бантики, девчоночьи сплетни, шушуканье по углам. На самом деле — я поняла это уже потом — мне вообще никто не был нужен, я была замкнута и вполне самодостаточна. Хотя все считали, что я очень дружелюбная, веселая и общительная.

Классу к третьему стало понятно, что мальчишки вовсе не горят желанием со мной дружить в том смысле, который вкладывала в это понятие я. Меня по-прежнему дергали за косу и ставили подножки, но даже Вова, с которым мы сидели за одной партой и который угощал яблоками, не звал погулять и не приглашал на день рождения. Дружить с девчонкой было стыдно-позорно! Жених и невеста, да.

Шестой — почти подростки. Некоторые мои одноклассницы уже были девушками и даже встречались с парнями постарше. «Интересные» темы обсуждали постоянно. Это был период, когда я панически боялась взрослых мужчин. Московский тогда был неблагополучным районом. Парк, рабочие общаги. Специфические

персонажи в плащах — обычное дело. Однажды на меня в парадной напал какой-то мужик, но я вырвалась и убежала. Наша классная приносила фотороботы насильников и показывала девочкам (ее муж работал в милиции). В общем, чуть ли не в каждом встречном мужчине я видела маньяка и убийцу. Не удивительно, что «взрослые» отношения меня тогда очень пугали. Вполне естественный и уже не совсем детский интерес к противоположному полу я прятала за желанием детсадовской дружбы, апогеем которой было все то же гуляние по парку за ручку.

Какой-то там звездой, королевой я не была, хватало девчонок, за которыми мальчишки бегали гораздо больше. Но и от отсутствия внимания тоже не страдала. Точнее, страдала — но от отсутствия внимания того мальчика, которого сама выбрала из всех. Таких было три, по очереди. Тогда уже никто не считал стыдным дружить с девчонкой, в классе были такие парочки. И, наверно, обрати я внимание на кого-то из тех, кто интересовался мной, я бы получила то, чего хотела. Но нет. Недостигаемые объекты были прекрасны (кстати, я не делала абсолютно ничего, чтобы заинтересовать их!), а достигаемые — скучны и вообще... просто придурки.

Потом, через много лет, я выслушала не одно признание: «Знаешь, а ведь ты была моей первой любовью». Не только от Артема. И я отвечала: «Что ж ты молчал, счастье было так близко». Не то чтобы я не догадывалась, но...

Уже потом я поняла, что, во-первых, мне нравилось... страдать. Нет, это не было настоящее взрослое страдание неразделенной любви, скорее — ожидание любви. Сладкое томление, сладкая грусть, надежды, мечты... Я просто упивалась этим. Читала стихи, слушала музыку, рисовала чьи-то туманные профили и силуэты. Откуда этому взяться в простой обыденной дружбе, где уроки, яблоки, прогулки, разговоры о книгах? Ну, так мне казалось.

А во-вторых... Наверно, я очень боялась развития этих отношений. Развития в физическую сторону. Уж не знаю, откуда у меня это взялось в двенадцать-тринадцать лет, может, как раз из откровений рано повзрослевших одноклассниц. Но мне казалось, что любые романтические отношения противоположных полов рано или поздно должны прийти к сексу. Возможно, сейчас девочки уже смотрят на это иначе, но для меня секс тогда был чем-то очень и очень взрослым, не имеющим ко мне ни малейшего отношения.

Говорить об этом с мамой я категорически не желала. Нормальной литературы на эту тему тогда еще почти не было. Оставались разговоры с подружками и кое-какие медицинские книги из дедушкиной библиотеки, которые я читала тайком. Но там освещалась исключительно физиологическая сторона вопроса. Тем не менее, у меня сложилось убеждение: секс будет только с любимым человеком и только когда я буду к этому готова. Когда буду готова? Трудно сказать. Но уж точно не в школе. Хотя тогда мне казалось, что я люблю Сашу (Юру, Гену) и буду любить вечно, головой я прекрасно понимала, что это совсем не та любовь. Как бы я сказала сейчас, не тот уровень квеста.

В восьмом я снова выбрала себе в мечты прекрасного принца, который даже не смотрел в мою сторону. Максим учился в параллельном классе, видела я его только на переменах издали. Идеальной объект для платонической подростковой влюбленности.

Котов пришел к нам в пятом, но до восьмого класса я не запомнила его вообще, словно и не было. Всех помнила, а его нет — настолько он был для меня не интересен. И дело даже не во внешности — все-таки объективно он был довольно симпатичным. Просто сам по себе он не выделялся абсолютно ничем. Ноль. Пустое место. Учился средненько, никаких особых талантов, ни с кем особо не дружил, ни с кем не враждовал. Или, точнее, дружил со всеми. Кажется, за эти годы я не перекинулась с ним и парой слов.

Началось все в один непрекрасный весенний день, когда я увидела своего принца с девочкой. Они сидели в коридоре на подоконнике, болтали, смеялись и по очереди откусывали от одной булочки. Это было словно удар молнии, который моментально расставил в моей псевдоромантической голове все по своим местам.

Мне стало очень и очень грустно. И дело было не в ревности, точнее, не только в ней. Я поняла, что хочу вот таких вот простых, веселых отношений. Не бродить одной под дождем, красиво мечтая о несбыточном, не читать по ночам грустные стихи, а сидеть рядышком и есть одну булочку на двоих. Болтать, смеяться, гулять, ходить в кино, делать уроки. В общем, всего того, чего хотела в третьем классе. Но еще — случайно сталкиваться руками. И не случайно держаться за руки. Смотреть в глаза — так, чтобы замирало сердце. Может, даже целоваться. А все остальное... Ведь этого не будет — пока я не захочу, я так решила.

Первым уроком была химия. Мы сидели за длинными столами по шесть человек, чтобы удобнее было делать лабораторные работы. Рассаживали нас по журналу, по фамилиям, моим соседом слева был Котик. Я сидела, едва сдерживая слезы, и вдруг под локтем оказалась записка. «Я давно за тобой наблюдаю. Почему ты всегда такая грустная?». Я просто оторопела: да кто ты такой, чтобы за мной наблюдать и лезть в мои дела?! Не помню уже, что я ответила, но что-то очень резкое — мол, отвали, тебя не касается. Он послушно отвалил, но я все равно была в шоке, словно со мной попыталась заговорить пробирка или колба для опытов.

До этого моя влюбленность была легкой и необременительной. Хоть и грустной, но приятно грустной. После сцены в коридоре она превратилась в кошмар. То мне хотелось загрызть эту девчонку. То казалось, что они не вместе, а он наоборот посмотрел на меня. А потом снова видела их вдвоем и снова сходила с ума.

В это время Женька действительно наблюдал за мной. На разных уроках мы сидели в разных местах класса, но я постоянно чувствовала его взгляд. Не заинтересованный — уж я-то могла отличить! — а именно изучающий, холодный. Если я встречалась с ним глазами, он не сразу отводил взгляд, несколько секунд смотрел немного насмешливо и только потом отворачивался. «Прекрати на меня смотреть!» — хотелось заорать, но было стыдно.

«Котов, что ты тарацишься на Леру? — спросила наша ядовитая математичка. — Влюбился, что ли?». «А почему бы и нет?» — ответил Котик, к великой радости всего класса и к моей бешеной ярости.

Через неделю я снова увидела Максима с той же девочкой и снова чуть не плакала на химии. И снова мне под локоть подлезла записка. Надо сказать, записки — это было у нас тотальное поветрие. Все переписывались со всеми. Иногда в конце недели я выгребала из сумки целые пригоршни записок.

«Я знаю, что с тобой».

«Отвяжись!» — ответила я.

«Тебе нравится кое-кто, а ты ему нет».

«Тебе-то какое дело?»

«Тебе же надо с кем-то поделиться. У тебя ведь нет подруг».

Пожалуй, впервые я посмотрела на Котика внимательно. Все знали, что мы дружим с Маринкой. Но да, это была достаточно странная

дружба. Скорее, я позволяла ей с собой дружить, чем дружила с ней сама. Но как он мог догадаться? И, кстати, о том, что мне нравится Максим, никто не знал.

«Почему я должна делиться именно с тобой?»

«Потому что я тебя понимаю. Мне тоже нравится одна девочка, а я ей нет. Догадаешься, кто?».

Вообще-то мне не было никакого дела, кто ему нравится, и гадать я не собиралась. К счастью, прозвенел звонок и спас меня. Но на следующем уроке мне передали еще одну записку от Женьки.

«Хочешь, я скажу, кто нравится мне, а ты скажешь, кто нравится тебе?».

«Мне все равно, кто тебе нравится», — ответила я и... невольно завертела головой, разглядывая девчонок: а правда, кто же может нравиться этому придурку? Вроде бы, и не ждала ответа, но когда урок кончился, а записка так и не пришла, была несколько... задета, что ли?

До следующей химии Женька в мою сторону даже не смотрел. Это было какое-то непонятное и еще не знакомое мне чувство. Раздражение? Недоумение? Какого черта-то? Что ты о себе возомнил, чучело?! На химии я сама покосилась в его сторону. Раз, другой — ноль эффекта. К концу урока не выдержала и написала:

«Ну, и кто же тебе нравится, интересно?».

Договорились, что напишем имена и передадим одновременно. Сейчас это казалось смешным, тогда — совсем нет.

«Максим Н. из А», — написала я.

«Лариса» — написал он.

Следующие несколько дней на уроках мы занимались исключительно перепиской. Я даже почти забыла, что должна страдать по Максиму.

«Почему Лариска? — недоумевала я. — Что вы в ней все находите?».

Лариса действительно нравилась многим, и это было совершенно непонятно. Если «полный ноль» Котик был хотя бы объективно симпатичным, «полный ноль» Лариса была вообще никакой. Никакущей.

«Она необычная, — отвечал Женька. — Не как все».

«Почему вам всем нравилась Лариска?» — спросила я одного из наших одноклассников в Фейсбуке лет через пятнадцать.

«Что б ты понимала, — снисходительно ответил он. — У нее была грудь».

Но тема Ларисы была исчерпана быстро, и наша переписка завертелась вокруг Максима и его подруги.

«Ничего странного, — писал Женька, — Вера очень красивая. Было бы как раз странно, если б он обратил внимание на тебя. Не расстраивайся. Ты симпатичная. И неглупая. С тобой интересно. Просто не каждый может тебя оценить».

Подобные «утешения» загоняли мою самооценку глубоко под плинтус. Да-да, я третий сорт — не брак. Надо очень-очень сильно постараться, чтобы разглядеть во мне что-то интересное. И даже то, что

другие мальчишки как раз очень даже посматривали на меня, нисколько не помогало. Ведь никто из них не рвался петть мне серенады или хотя бы таскать мою сумку.

«Ты ведь была занята, — грустно сказал потом один из тех, для кого я была первой любовью. — Все знали, что у вас с Котовым... Никто и не лез».

Да-да, все считали, что у нас с Женькой любовь-морковь. Странная такая любовь. Записочная...

Подошел к концу учебный год, и меня отправили на все лето к родственникам в Анапу. Женька тоже уезжал куда-то и пообещал прислать письмо. А в самой последней записке написал, что будет скучать и что очень рад, что мы с ним подружились. Мне было немного неловко, но больше радостно: вроде как исполнилась моя мечта третьего класса, я дружу с мальчиком!

Прошел июнь, июль — письма не было. Сначала я думала, что еще рано, потом, что оно где-то затерялось на почте, потом, что Женька потерял мой адрес. Каждое утро я бежала к почтовому ящику, но он был пуст. Наконец письмо пришло. Полстранички, сухо, ни о чем: погода хорошая, хожу на речку, в лес, катаюсь на велике. И так меня это письмо обидело... Решила, что не буду отвечать, но потом написала что-то ядовитое, вроде: пиши такие письма крысе-Ларисе, а мне нафиг надо. Ответ пришел очень быстро, на шести страницах. Извини-извини, я идиот, я подумал, что совсем тебе не нужен, так глупо, ты мой самый лучший и единственный друг.

Первого сентября мы сели за одну парту, весь день болтали, но после школы, как обычно, пошли в разные стороны, каждый в свою. Встретиться? Но у меня четыре раза в неделю была музыкальная школа, у него волейбольная секция, в выходные тоже что-то не получалось. Когда люди хотят чего-то, они это делают. Когда не хотят — ищут причины. То есть я хотела, а Женька искал причины, которые не позволяли нам, к примеру, сходить в кино или в парк. Зато мы долго разговаривали по телефону. Через пару недель я заболела, он ни разу меня не навестил, но по-прежнему исправно звонил.

Вернувшись после болезни, я обнаружила, что Женька сидит с Аней. Оказалось, классная всех рассадил по своему усмотрению, о чем он мне не сказал. Мы по-прежнему переписывались, причем завели для этого толстую тетрадь, которая страшно интриговала одноклассников.

Однажды у меня ее даже пытались украсть, но неудачно. После лета тема Максима и Ларисы как-то сама собой сдулась, и на первый план вышли наши с ним собственные отношения. Эта была нудная, скучная, мутная писанина без капли смысла. Словооблудие — так будет точнее. Нравимся мы друг другу или просто друзья — на эту тему были испачканы десятки страниц. Ни к чему определенному мы так и не пришли.

Я задавала себе этот вопрос много раз и не могла ответить. Когда Женька болел, мне его не хватало. Кстати, я хотела его навестить, но он каждый раз отказывался — мол, у него мама всегда дома, все не так поймет, лучше не надо. Так я у него ни разу и не побывала, как и он у меня. Я часто думала о нем, вспоминала наши разговоры, но... Вот, к примеру, я могла себя представить целующейся с Максимом и думала, что это, наверно, было бы очень приятно. Но поцеловаться с Котиком... бррр... Меня передергивало от одной мысли. В общем, на круг выходило, что он мне не нравится. Но было что-то, что меня к нему притягивало. И, самое паскудное, он это прекрасно понимал.

В девятом классе у наших мальчишек начался короткий, но бурный период лапанья. Причем лапали всех девчонок без разбору. Загоняли в угол и изучали анатомию. Под юбку, правда, не забирались, и на том спасибо. Некоторым девочкам это не нравилось. Я могла и в морду дать. Нас быстро оставили в покое, сосредоточив внимание на тех, которые визжали, но особо не возражали. Аня, соседка Женьки по парте, была барышней видной, выглядела по-взрослому, на приставания сопливых одноклассников только смеялась. Котик — по праву соседа — оглаживал ее чаще других. Он быстро сообразил, что мне неприятно на это смотреть, и делал это исключительно в моем присутствии.

При любой моей неудаче Котик — лучший друг! — утешал меня, но очень своеобразно. Хоть я уже и не была отличницей, но училась хорошо. И все же тройки иногда проскакивали.

«Не расстраивайся, — говорил он, — не всем же знать математику (физику, химию), зато ты...»

В качестве «зато» предлагались вовсе не мои сильные стороны, наоборот. «Зато ты играешь на пианино» (я еле тянула музыкалку на тройки и не бросала, только чтобы не расстраивать маму). Или «зато ты умеешь вышивать» (однажды я сдуру показала ему страхолюдного вышитого кота). Выходило так: если уж это — «зато», то все остальное

и вовсе полный отстой.

Унижал он меня очень ловко и тонко, не подкопаешься. Но предельно ясно. К пятнадцати годам у меня была вполне оформившаяся, очень даже неплохая фигура, но с изъянцем — толстыми коленками. На физкультуру нас заставляли надевать спортивные трусы, что меня очень раздражало. Как-то я пожаловалась Женьке: какой идиот придумал это безобразие?! Он внимательно осмотрел меня и сказал:

«Да, пожалуй... Хотя некоторые в трусах выглядят очень даже секси».

Перевод был не нужен: некоторые — да, но только не ты.

Все это могло бы показаться ничего не значащими мелочами, но дело было в том, как он все это говорил. Интонации, мимика, жесты... Он мог проехать насчет моей одежды, прически, манеры поведения, любого слова или действия. В любой момент. Все это подавалось так: а) я же твой лучший друг, кто еще скажет тебе правду, б) не расстраивайся, когда-нибудь кто-нибудь тебя обязательно оценит, а пока я побуду рядом, чтобы тебе не было слишком одиноко.

Моя самооценка очень быстро упала дальше некуда. Я чувствовала себя глупой, уродливой, никому не нужной замухрышкой. А, да, еще и толстой. Объективно мой вес был даже ниже нормы, но Женька часто говорил, что ему нравятся стройные девушки, глядя при этом в сторону девчонок, похожих на узниц Освенцима.

В начале второй четверти он написал в Тетради:

«Кажется, мне нравится Наташа Леонтьева из параллельного, мы вместе ходим на волейбол. Извини, мне очень жаль. Но я совсем не хотел, чтобы ты в меня влюблялась».

Я ответила:

«А с чего ты взял, что я в тебя влюблена?».

Я видела его лицо, когда он это читал: его аж перекосило. Он положил Тетрадь в сумку и... неделю не обращал на меня никакого внимания. Сначала мне было страшно обидно, потом пробилась какая-то эйфория: «Швобода, швобода!». Но она быстро испарилась.

Я выдержала неделю. Потом некий внутренний голос начал петь в уши: «Да какая тебе разница, кто ему нравится? Ты ведь действительно в него не влюблена. Вы просто друзья. Сделай первый шаг, будь умнее». Я сделала. Написала:

«Как дела с Наташей?».

После уроков Женька положил передо мной Тетрадь и молча вышел из класса. Прочитала я только дома. Несколько страниц. У Наташи есть парень, поэтому ему ничего не светит. И ему очень-очень плохо. А я — лучший друг! — бросила его в самый тяжелый момент. Он-то думал, что всегда сможет на меня положиться, что я поддержу его, но... Я сидела с отвисшей челюстью — я его бросила?!

Еще неделя ушла на обсасывание этой ситуации: кто кого бросил, кто кого обидел, кто виноват. В итоге все равно виноватой оказалась я, но он меня великодушно простил. Я была жилеткой, чтобы в нее плакаться, носовым платком, чтобы вытирать сопли и слюни. Каждый день я читала и слушала, как прекрасна Наташа, как он ее любит и как сильно страдает. Не передать, как мне это было в тягость. Я уже жалела, что решила помириться, но теперь уже не могла ничего сделать. Мне постоянно пелось в уши, что я — единственная его опора, и без меня он пропадет. И мне казалось, что было бы подлостью оставить его без поддержки.

Спустя какое-то время Наташа поссорилась со своим парнем, и Женька похвастался, что теперь они вместе. Сопли-вопли сменились рассказами о том, как он счастлив. И это было не меньшей обузой, но как только я пыталась намекнуть, что, может, не стоит рассказывать мне о том, куда они ходят и что делают, сразу же получила по башке. Как?! Ты не хочешь разделить мою радость?! Какой же ты тогда друг?! И все это сопровождалось тонкими намеками: ты-то никому не нужна, если не я — ты останешься совсем одна, ты правда этого хочешь?! Разумеется, я не хотела. И поэтому терпела.

На новогодней дискотеке ко мне подошла Наташка.

«Лера, прости, пожалуйста, — сказала она. — Мне очень неловко, что так вышло. Женя сказал, что ты его любишь, но он к тебе относится только как к подруге, не больше».

Я устроила Котику безобразную сцену, но он выкрутился: мол, Наташка его не так поняла, ничего подобного он ей не говорил. Но даже если бы и говорил — ну и что? Ведь мы же с тобой только друзья, разве нет? Это была такая мантра: «Мы только друзья». Я повторяла ее, когда в новогоднюю ночь плакала под елкой.

А потом была история с Артемом, которая добила меня окончательно. Я больше не сопротивлялась. С каждым днем становилось все хуже и хуже. Котик сладенько утешал меня в своей

обычной манере и по-прежнему ежедневно докладывал о своем счастье с Наташей. Перемены они проводили вместе, вместе шли домой. А мне оставалась Тетрадь и телефонные звонки.

Их идиллия продолжалась месяца полтора, потом они поссорились, и Наташа снова стала встречаться с бывшим. Цикл начался сначала. Снова сопли-вопли-слюни. Ах, ах, я так несчастен! Только теперь к этому добавился новый мотив: все бабы — суки и твари. Зло свое Котик срывал на мне. Но если раньше это было тонко, то теперь стало очень даже грубо, хотя суть была прежней: ты — никчемная каракатица, скажи спасибо, что с тобой хоть кто-то дружит, кроме твоей тупой коровы Марины.

Да, он не уставал подчеркивать, что мы дружим. Возможно, поэтому мне всю жизнь в слове «дружба» мерещился какой-то подвох. Я обижалась, мы ссорились. Я часто возвращалась домой в слезах, плохо спала, стала хуже учиться, бросила музыкалку. Маме сказала, что слишком много времени отнимает, а скоро в школе экзамены. Заканчивалось все одинаково: я первая шла мириться, Женька — нехотя, поломавшись, — соглашался.

Началась весна, и все тот же внутренний голос сказал: если ты так сильно страдаешь, то, может, все-таки это не просто дружба? Может, ты действительно в него влюблена? И я поверила, что да — это вот такая несчастная любовь.

Я уже знала, что сразу после экзаменов Женька уедет. Его отец был хоть и мелким, но все же номенклатурным начальником, и его переводили на повышение в Мурманск. Вот тогда-то мне и пришлось в голову признаться ему в любви. Видимо, просто дошла до точки. В оригинальном варианте мне не хватило духу, и я была избавлена хотя бы от этого унижения. Но девчонкам рассказала последнюю редакцию.

— Я сидела на скамейке в парке, он бежал мимо. Хотела позвать его и все сказать, но поняла, что не смогу. И такая, наверно, у меня при этом была рожа, что он сам подошел. Спросил, что со мной. Я разревелась, он меня поцеловал... И я уже сейчас, недавно спросила, значило ли это для него хоть что-нибудь, и он ответил, что просто меня пожалел. Потому что знал, как я к нему отношусь. Только это было еще не все.

— Не все?! — переспросила возмущенно Кира. — До чего же сволочь... Извини, но он случайно тебя не трахнул еще тогда — из жалости?

— Слава богу, нет. Ему и без меня было кого трахать.

К концу учебного года Котик стал каким-то подозрительно хорошим. Перестал меня доставать и даже нить о Наташке. Я обманывала себя, что, наверно, хоть сколько-то ему дорога и что ему тоже жаль со мной расставаться. Он даже пригласил меня погулять в парке, когда мы готовились к экзаменам — в первый и единственный раз. Но, по правде, разговаривать о нас не хотелось, а другие темы мы находили с трудом, поэтому прогулка получилась довольно тягостной.

На выпускном Женька ко мне даже не подошел. Его вообще нигде не было. Я готова была разреваться при всех, потому что знала: утром он уезжает. Если мы сейчас не попрощаемся, значит, не попрощаемся вообще, а для меня это было очень важно.

Все уже расходились, никаких ночных гуляний тогда у нас не было.

И вдруг Женька появился откуда-то. Мы забрались в темный угол за раздевалкой, не помню уже, о чем говорили. Поцеловались все-таки на прощание. А потом я пришла домой и всю ночь проплакала.

Вскоре я получила от Женьки письмо, которое заставило меня сначала рыдать, а потом истерично даже не смеяться, а ржать. Интернет тогда еще был роскошью, у меня и компьютера-то не было. В письме он писал, что с начала мая снова встречался с Наташей, но решил не говорить мне об этом, «чтобы не расстраивать». Вскользь упоминалось, что именно она настояла на этом. То есть вся его «хорошесть» были ничем иным как враньем и маскировкой.

Дальше он писал, что во время выпускного они были у Наташки дома и он «испытал физическую близость». Эта фраза показалась мне настолько дурацкой и похабной, что я запомнила ее дословно. Дальше следовали пикантные подробности. Например, что Наташа уже давно не девочка, так что ему повезло. После чего он — тадам! — благодарил меня за те, чувства, которые я испытывала к нему, и просил прощения за то, что не мог их разделить. Еще разок: парень благодарит девушку за ее чувства к нему и тут же рассказывает с картинками, как спал с другой. Вопрос: он идиот или садист?

И снова я сделала глупость, ответив на это письмо. Видимо, у меня уже выработался рефлекс, как у собачки Павлова: есть письмо — надо ответить. Ответ мой был откровенно хамский, я высказала все, что думала, все, что накопилось за целый год. Закончила просьбой избавить меня от описаний его половой жизни и вообще оставить в покое.

Я была уверена, что поставила точку. Рассчитывала за лето собрать себя веничком на совочек и осенью начать все сначала. Ведь за этот год я превратилась в совершенно асоциальное существо и не общалась ни с кем, кроме Котика и — иногда — Маринки. Думала, что смогу снова наладить отношения с одноклассниками. И хоть как-то поднять свою самооценку. Но, как говорится, хрен там плавал.

Следующее письмо от Женьки пришло очень быстро. Я даже подумала, что мое не дошло, но в самом начале он благодарил меня за ответ. И больше никакой на него реакции. Писал о новой школе, новом доме, о ребятах, с которыми познакомился. И... о девушке, которая ему понравилась. Ничего не изменилось! Просто теперь он был не рядом, а в другом городе.

Это Маринке я сказала, что получила от Котика всего два письма.

На самом деле их было много. Очень много. Вместо того чтобы выбрасывать их в мусорник, не распечатывая, я писала сухие короткие отписки. Почти ничего о себе, в основном об одноклассниках, учителях. И каждый раз наивно надеялась, что он не ответит. Но Женька исправно отвечал. Два года! Я по-прежнему была лучшим другом, жилеткой и носовым платком, только на расстоянии. Он подробно писал о девушке — сначала об одной, потом о другой, без конца ныл и жаловался. То, что я не упоминала о личном, он понимал правильно: что у меня никого нет. И, разумеется, гнул свое: ничего, и на твоей улице еще перевернется грузовик с пряниками. Конечно, я могла бы что-то придумать, но почему-то этого не делала.

Я вернулась к прежней тактике романтической влюбленности, выбрав в качестве предмета одиннадцатиклассника, который вряд ли даже подозревал о моем существовании. Правда, теперь в этих чувствах не было легкости, надежды, ожидания, как раньше. Я привыкла думать о себе как о безнадежной неудачнице. Потом был первокурсник Миша, с которым мы познакомились на дискотеке и пару раз сходили в кино. Скорее всего, он просто решил не связываться со школьницей, но для меня это было очередным подтверждением: я никому не интересна.

Кончилось все тем, что я начала встречаться с парнем из десятого: мы болтали на переменах, ходили в кино и целовались на последнем ряду. Мне было так же скучно и противно, как через много лет в ресторане с Гришей. Вот только во взрослом состоянии год, пять, даже десять лет разницы — ерунда. В школе год — это пропасть. Для девочки встречаться с мальчиком на год младше — просто днище. Это означает, что она готова пойти гулять с любимым, кто ей улыбнулся. Мне было невероятно стыдно, я себя ненавидела, тогда как социальный капитал моего кавалера наоборот взлетел до небес. В конце концов он променял меня на свою одноклассницу — и это было даже ниже самого днища. Я думала, что следующим шагом, вероятно, будет лишиться девственности с пьяным бомжом на свалке, причем заплатив ему за это котлетами.

Ну а потом история сделала очередной поворот. После школы я поступила в университет на журфак. Котик вернулся и тоже поступил в институт. И, разумеется, немедленно объявился с претензиями на вакантное место наипершего друга. Со своей заезженной пластинкой: если никто не может оценить тебя по достоинству, я пока побуду рядом.

И тут же начались рассказы о девушках на курсе.

Как же я его ненавидела! Хотелось забыть о нем — как о страшном сне. Но он звонил, и я никак не могла послать его матом туда, откуда не возвращаются. Язык не поворачивался. Это было словно гипноз.

Через полтора года я встретила Вадима — и все закончилось. Для меня — настоящей Леры. Но, видимо, не для той, другой. Той, которая целовалась с Котиком в парке. Той, о которой я рассказывала.

— У нас с Вадимом все было идеально. И вдруг что-то сломалось. Как будто на пустом месте. Помните мой день рождения пять лет назад? Мы тогда первый раз были в «Абрикосове». Вадим должен был за мной приехать, но не смог. Я обиделась, что-то себе напридумывала. На самом-то деле это был просто повод. Накопилось всякого...

— У всех бывают кризисы, — Алла погладила меня по руке. — Мы с Генкой тоже чуть не развелись один раз. А Нинка с Лешей даже заявление о разводе подавали в загс, у них тогда еще Машки не было.

— Кризисы... — повторила я. — Вы же не развелись. И на сторону не подались. А я как-то утром проснулась и решила вдруг, что больше Вадима не люблю. И что он меня тоже не любит. Лежит рядом со мной в постели совершенно чужой человек. И так стало паскудно, хоть домой не возвращайся. Это летом было, Петька с Пашкой на даче. Я и не пошла. Бродила до ночи по центру. И вдруг меня кто-то позвал по имени. Оказалось, Женька.

Дальше начиналась та область, где я могла лишь строить предположения. Историческая реконструкция. Хотя вряд ли это было трудно сделать. Котик не изменился, просто вышел на новый уровень. Да и другая Лера в чем-то осталось прежней. Пожалуй, только сейчас, рассказывая девчонкам обо всем, что произошло, я смогла размотать клубочек до самого начала и понять, что она должна была чувствовать. Насколько ей были в тягость эти отношения и почему столько времени она не могла их разорвать. И все-таки решилась.

— Какой упырь! — покачала головой Нина, когда я закончила. — Лерка, бедная... И ведь ничего теперь уже не поделаешь.

— Ничего, — согласилась я. — Было бы это еще случайно, по глупости, но вот так, пять лет подряд... Мне просто придется как-то перетерпеть и жить дальше. Хотя сейчас я даже представить себе не могу — как.

— А если рассказать все Вадиму? Все — как было? — предложила

Кира, но я то ли засмеялась, то ли захныкала.

— Нет, Кир, не вариант. И вообще, девчонки... Спасибо вам. Если бы не вы...

И тут меня наконец срубило. Как только удалось добежать до туалета — загадка.

Так жутко меня не полоскало, даже когда я ждала двойняшек. Удивительно было другое: как мне удалось вполне связно изложить подругам всю историю после бутылки вина в одни ворота. Видимо, дело было в стрессе. Сначала почти совсем не взяло. А вот когда закончила и немного расслабилась — в одну секунду оказалось, что пьяная в дрова. Последним моментом, который я смутно помнила, были обнимашки с унитазом. Дальше — темная ночь.

Утром я проснулась с раскалывающейся головой. Во рту, как папа говорил, словно замполит нагадил. От малейшего шевеления тошнота снова подступала даже не к горлу — к ушам.

— Живая? — поинтересовалась Кира, заходя в спальню. — Я там у тебя в ванной похозяйничала немного. Тоники-фигоники, крем. Диван, кстати, классный.

— Ты здесь ночевала, что ли? — спросила я, тихо умирая.

— Ну да. Одну тебя было оставить... что ли? Близнецы вечером уехали. Я сейчас на работу, а Алке в ночь, так она приедет, побудет с тобой.

— Спасибо, — всхлипнула я.

— Ну-ка не реви. Все будет... может, и не особо хорошо, но будет. Пока никто не умер, все еще не так страшно.

Стараясь не делать резких движений, я взяла с тумбочки телефон и посмотрела, нет ли пропущенных звонков или сообщений. Пять звонков от Котика и один с работы. На часах — половина одиннадцатого. Я набрала рабочий номер и сказала Лене, что отравилась и не приду. А потом отправила Котика в черный список. И Маринку туда же. Все, хватит с меня.

— Что там на улице? — спросила я у Киры.

— Жарко.

Жарко... Уже третий день сильная жара. А сильная жара в Питере обычно заканчивается чем? Правильно, грозой. И это моя единственная надежда. Будет еще хуже? А куда еще-то? Обнаружить себя замужем за Котиком? Плевать. Насыплю ему крысиного яда в борщ. Есть ли хоть малейший шанс вернуть все? Только если вспомню то, о чем забыла. До

ближайшей грозы. Сколько их вообще осталось этим летом? Может, одна — последняя.

Кира пожарила омлет и заставила съесть кусок. Меня снова вывернуло, и стало немного легче. Во всяком случае, я смогла уснуть и проспала почти до вечера. Проснувшись, первым делом схватилась за телефон, но пропущенные вызовы были только по работе. Вадим не звонил — да это было и к лучшему. О чем мне с ним говорить? О разводе? Не сейчас, пожалуйста, только не сейчас.

Алла просидела со мной часов до восьми и отравилась в свою редакцию на ночное дежурство. На тот случай, если срочно надо будет поставить в номер горячую новость или наоборот — что-то убрать и заменить.

— Ты точно в порядке? — спросила она, надевая в прихожей туфли. — Или Нинку к тебе отправить?

— В порядке, Ал, спасибо, — прошелестела я, подпирая стенку. — Не беспокойся.

— Ну, конечно, не беспокойся, — хмыкнула она, чмокнула в щеку и ушла.

Я сварила самый крепкий, просто адски крепкий черный кофе с перцем и выпила чашку в несколько глотков. А потом села на кухонный диванчик, обхватив голову руками.

Думай, голова, думай, панамку куплю. Что мы с тобой забыли? Чего не хватало в долбанном парке двадцатилетней давности?

Но как я ни старалась, ничего не получалось. Я элементарно не могла представить себе четыре разных варианта того эпизода и сравнить. То есть могла, но поверхностно. Только события — не эмоции, не тончайшие чувственные ощущения. Промучившись так больше часа, я поняла, что ничего не выйдет. По крайней мере, до тех пор, пока я снова не окажусь на той чертовой скамейке майским днем тысяча девятьсот девяносто восьмого года.

Если не получится сейчас, буду пробовать снова. Пока не начнется осень. Не смогу — значит, буду ждать следующего лета. Повторять, повторять — раз за разом, пока наконец не выйдет. Пока сучий Котик не пробежит мимо. Нет, я не буду сейчас думать о том, что, может быть, вообще больше никогда не смогу попасть в тот день. Если я буду об этом думать, то просто сойду с ума.

Вторник, среда, четверг... Я, как говорила бабушка, уперлась.

Стиснула зубы и просто ждала. Жара — день за днем. На небе ни облачка. На работе впахивала, как папа Карло. Взяла себе новый проект и писала в одиночку, чего давным-давно уже не делала. Лишь бы занять голову. По вечерам кто-то из девчонок тащил меня в люди. В кино, в кафе, на концерт. Я приезжала домой и без сил валялась в постель. Только отмечала: еще один день прошел.

В четверг, когда я вернулась домой, шкаф встретил меня пустотой на половине Вадима. На кухонном столе лежала записка:

«Лера, вещи забрал. Пока живу у Ивана. Через неделю улетаю в Австралию на год. Буду читать лекции в университете Мельбурна. В эти выходные приеду на дачу поговорить с ребятами. Будь добра, не появляйся там. Электронная почта та же, номер телефона скину. Деньги буду переводить на карту. Несмотря ни на что, — эти слова были жирно подчеркнуты, — у нас дети, поэтому будем на связи. Все остальное решим потом. Всего хорошего».

Дала себе волю, поплакала, уперлась снова. Пятница, суббота, воскресенье...

В выходные было хуже всего. Я даже звонить на дачу не стала. Все равно Вадим приехал в пятницу и все рассказал. Как ни странно, звонков не было ни от мамы, ни от двойняшек. Скорее всего, Вадим попросил их этого не делать — пока я не позвоню сама. За что я была ему очень благодарна.

Алла с Ниной звали к ним на дачу, но я отказалась. В субботу уехала на залив и весь день бродила по берегу. Переночевала в придорожном мотеле, а в воскресенье погнала Джерри в сторону финской границы. Сколько раз мы ездили по этой трассе — когда летали за границу из Хельсинки, когда откатывали визу. Я даже пожалела, что не взяла загранпаспорт. Приехать в Вантаа, поставить машину на стоянку, взять билет — куда угодно... Но нет. Прогноз на понедельник обещал ливневые дожди с грозами. Да и потом разве убежишь от себя?

В понедельник утром я надела белое шелковое платье — то самое, с подрезом под грудью, в цветах, листьях и разводах. И ужасные босоножки на каблуке. За рулем в них было страшно неудобно. Плевать! На работе всем от меня было что-то нужно, и всех я отфутболивала. Сидела и тарасилась в метео-карту в интернете. А после обеда подорвалась и поехала к парку.

Удобное место было плотно заставлено машинами, и мне снова пришлось припарковать Джерри у «Вашингтона». Отсюда дворами до дома Котика было минут десять ходу. Интересно, его еще не посадили? Или хотя бы не уволили? Можно было попросить Упадышева выяснить, но мне и на это уже было наплевать.

На этот раз гроза шла с юга — не лиловая туча, просто черная с седыми краями. Я прогуливалась по аллеям, дожидаясь, когда раздастся первый, еще тихий раскат грома, похожий на ворчание большой собаки.

Что я забыла? О чем нужно непременно вспомнить?

Все замерло в дремотной душной истоме. Ни один листочек не шевелился. Шум машин с улицы доносился глухо, как сквозь слой ваты. По спине под платьем стекали струйки пота. Страшно хотелось пить, но я оставила бутылку с водой в машине.

Еще светило солнце, похожее на каплю расплавленного металла, но чернота уже подползала. И вот наконец зарокотало. Внезапно подул ветер, деревья взмахнули ветками. Пыль вихрями поднялась с дорожек, скрипнула на зубах. Я поспешила к скамейке. Она выглядела старой и трухлявой, краска облупилась, и я даже испугалась, что это не та.

...За шиворот упала холодная капля — я вздрогнула. В воздухе висела водяная пыль. Голубь ухаживал за голубкой. Прошла мимо Маринка — и я зажмурилась, чтобы ее не видеть. Еще несколько секунд — и покажется Женька. Как же я его ненавидела в эту минуту.

И вдруг я поняла: именно моя ненависть погубит все. Я снова и снова, вопреки известному выражению, пыталась войти в одну и ту же воду. Но я была другой — и поэтому события разворачивались по-другому. Чтобы вернуть все, нужно было думать и чувствовать, как та пятнадцатилетняя девчонка. Но как, как я могла снова прочувствовать то, чего давно уже нет? Да, я помнила свои ощущения и мысли в тот момент, но как погрузиться в них снова, пережить так, словно никогда до этого их не испытывала?

И тут я наконец вспомнила!

Запах! Сколько раз со мной было такое — почувствовав какой-то знакомый запах, я не просто вспоминала события из прошлого, но мгновенно проживала их снова. Вот что было, когда я попала в прошлое впервые, и чего не было потом.

Я протянула руку, сорвала несколько тисовых хвоинок, растерла их в пальцах.

Да, я и так уже была в прошлом, но этому прошлому не доставало... объемности. Я была не внутри него, а словно на поверхности плоской картинки с эффектом 3D. Но терпкий запах мокрой хвои сделал свое дело — он забросил меня в глубину этой картинки.

Мое сознание тридцатипятилетней женщины словно ушло куда-то. Я снова была девятиклассницей. И не только внешне. Я была глупо и безнадежно влюблена в одноклассника, несмотря ни на что. И отчаянье мое сейчас было вовсе не оттого, что от меня ушел муж, а оттого, что одноклассник этот никак не хочет воспринимать меня всерьез. Вот сейчас он поравняется со скамейкой, и я скажу, что люблю его. А там — будь что будет. Но в тот момент, когда он пробежал мимо, мой язык словно прирос к зубам. И я просто махнула ему рукой, с трудом сдерживая слезы...

Небо почернело, ветер гнул молодые деревья, раскаты грома раздавались совсем близко. Телефон в сумке надрывался.

— Мамонт, ну ты где? — возмущенно спросил Петька. — Сказала, что на час всего на работу, и пропала. Самолет в девять, а у тебя ничего не собрано. Папа тебе звонил, а ты трубку не берешь.

Мне хотелось петь, плясать и прыгать — от радости и облегчения. Ощущение было, словно я сдала тяжелейший экзамен. А еще — как будто лопнул долго созревавший нарыв. Я забуду все это, как страшный сон!

— Никак было не уйти. Все, Петь, уже в машине, выезжаю.

Я шла к аллее, когда что-то заставило меня обернуться. Скамейка на тропинке исчезла. Словно и не было никогда.

Ливень был совсем близко, и я заторопилась к выходу. Первые крупные капли упали, когда я подошла к переходу через Кузнецовскую.

— Лера? — услышала я за спиной и похолодела. — Это ты?

Если бы я не видела его всего неделю назад, подумала бы, что он здорово изменился за те годы, которые прошли с нашей последней встречи. Еще больше похудел и ссутулился, на лице появились некрасивые складки, волосы поредели, в них пробилась седина. Зато джемпер — все так же наброшен на плечи, и рукава завязаны на груди.

— Извините, вы обознались, — сказала я и пошла через дорогу к Жорику.

Едва я успела захлопнуть дверцу, снаружи опустился занавес дождя. Последняя гроза этого лета на аплодисменты не скупилась. Но

на этот раз я не стала ждать, когда прояснится, потихоньку поехала, подпевая песням по радио.

У нас на севере небо хмурилось, но, похоже, дождь свернул в другую сторону. Я поставила машину на стоянку — рядом с Прелестью. Сорвала у парадной с куста розовую кисть, пахнущую мороженым и ликером. С трудом дождалась лифт.

— Мамонт, ты ничего не купила? — выскочили в прихожую двойняшки. — В холодильнике мышь повесилась.

— Забыла, — кивнула я сконфуженно. — Держите деньги, стоняйте быстренько.

Вадим стоял чуть поодаль, глядя на меня с притворным негодованием.

— Трудоголик несчастный! — сказал он, когда дверь за мальчишками закрылась. — Надо было тебе не звонить и уехать без тебя.

Я подошла к нему, обняла, прижалась крепко-крепко.

— Я тебя очень сильно люблю.

Вадим посмотрел на меня удивленно, потом растянул складки на моем платье, плотно обтянув тканью талию.

— Слушай, может, ну ее на фиг, Испанию эту? Давай отправим пацанов обратно на дачу и будем весь отпуск делать девочку? В том месяце не получилось, попробуем снова.

— А что нам помешает в Испании? Парней на пляж, а сами...

Он заставил меня замолчать поцелуем, руки пробрались под платье.

— У нас есть пятнадцать минут прямо сейчас...

Вечером, когда мы уже сидели в самолете — мы вдвоем, двойняшки через проход, — я вдруг заметила в выражении лица Вадима что-то такое... неуловимо похожее на тающий запах тиса.

— Ты ничего не хочешь мне рассказать? — спросила я.

Он вздохнул, со свистом втянул воздух сквозь сжатые зубы.

— Хотел после отпуска. Чтобы не расстраивать. Все-таки твоя лучшая подруга. Но раз уже ты догадалась...

Выслушав его, я достала телефон. Отправила Маринкин номер в черный список и удалила из записной книжки. А потом положила голову на плечо Вадима и закрыла глаза.

Эпилог

Я сидела на краю ванны и смотрела на телефон, в котором запустила таймер. Для подстраховки на пять минут, а не на три. Первый тест, между прочим, по цене бриллиантов, оказался бракованным, ни плюса, ни минуса так и не показал — вообще ничего. Поэтому я купила еще два, самых простых, картонных. Одна полоска или две полоски.

Задержки набежало уже пять дней. Такого у меня никогда не было, все всегда работало, как часы. Во всяком случае, на моей памяти. Потому что, как удалось выяснить обходными путями, в июле мы уже понадеялись зря. Тогда было четыре дня, видимо, после отмены таблеток. Все, что произошло в этой реальности между днем рождения и серединой августа, словно в черную дыру провалилось. Разумеется, только для меня. И приходилось это восстанавливать по крупицам.

Другую реальность я изо всех сил старалась забыть — как дурной кошмар. Хотя... и в ней было несколько очень даже... ммм... приятных моментов. Например, в ванной, когда Вадим вернулся из Таллина. Или наш ночной поход на речку. К сожалению, я не могла ему сказать: «А помнишь, как мы?..» Все это осталось чем-то вроде моих эротических фантазий.

— Лер, ну скоро? — Вадим поскребся в дверь.

— Не стой над душой! — рывкнула я, едва не свалившись от неожиданности в ванну. И едва сдержала смехок, вспомнив наши испанские «темные ночи».

Мы летели с пересадкой через Амстердам и в Барселоне оказались в четвертом часу утра. Плюс почти полтора часа трансфера в Бланес, где у нас был забронирован номер в мини-гостинице.

— Какого черта нас понесло в такую дыру? — спросила я, глядя в окно микроавтобуса на блеклый рассвет.

— Тебя надо спросить, — пожал плечами Вадим. — Ты выбирала.

Я прикусила язык, потому что произошло это все в том же временном провале. В другой реальности я просто купила тур «все включено» в Сан-Себастьян.

— Мамонт, ты сказала, что там двухкомнатный номер, бассейн и частный пляж, — вмешался сонный Пашка. — И народу немного.

— Частный пляж — это хорошо, — шепнул мне на ухо Вадим. — Можно будет не бояться отправлять их туда одних.

«Частный пляж» мы увидели сверху, когда автобус, сделав несколько витков по серпантину, подкатил к симпатичному трехэтажному дому. Это была узкая полоска песка между скалами, к которой надо было спускаться по крутой лестнице. Волны обрушивались на него с дикой яростью, несмотря на полное отсутствие ветра.

— Блин... — сказала я.

— Лера, кажется, мы попали, — пробормотал Вадим, когда улыбчивая девушка с ресепшена провела нас в номер на втором этаже.

Нет, номер был очень даже ничего. Большой, двухкомнатный, балкон с видом на море, а не на бассейн. Вот только проход из маленькой комнаты с двумя кроватями к ванной и кухонному уголку был через большую, где стояла двуспальная кровать.

— Жопа, — мрачно согласилась я, когда двойняшки утащили к себе свои чемоданы и закрыли дверь. — Они будут по полночи по очереди ходить то в туалет, то воды попить, то еще чего-нибудь. А откуда я знала? На фотках не видно было, что вот так все.

— Ничего, — Вадим обнял меня за талию. — Как-нибудь. У нас все-таки две недели впереди.

— Угу. И из них всего четыре дня, чтобы заделать девчонку. Если это, конечно, будет девчонка, а не еще один такой вот паршивец.

— Или два паршивца, — поддел Вадим. — Может, попросить другой номер?

Но других двухкомнатных номеров в гостинице не оказалось. Половину первого дня мы проспали, потом сходили на обед в ресторан и спустились на пляж. Лестница оказалась еще более страшной, чем выглядела сверху, и Петька чуть не загремел вниз. Купаться, как выяснилось, там было можно, но с такими предосторожностями, что вряд ли мы рискнули бы отпустить детей одних.

— Мы что, маленькие? — в один голос возмутились двойняшки.

— Вы большие и безмозглые, — отрезал Вадим. — Все, окончен разговор.

Впрочем, вскарабкавшись вверх с высунутыми языками, Петька и Пашка вынуждены были согласиться: пляж — отстой. Не зря там не оказалось ни единого человека, хотя гостиница была заселена

полностью. До ближайшего городского надо было идти пешком минут двадцать. Или довольствоваться бассейном — что мы и сделали.

— Лерка, а нам точно нужны еще дети? — вполголоса поинтересовался Вадим, когда мы с ним лежали рядышком в шезлонгах и смотрели, как двойняшки бесятся в воде. — В прошлом году они, вроде, были не такие буйные?

— Чего ты хочешь, четырнадцать — играй, гормон. Я уже не знаю, что нам нужно.

— А я знаю, — Вадим недвусмысленно провел ладонью по моему бедру. — Пойдем? Пока мне не пришлось сумкой прикрываться.

Мы быстро собрались и поднялись в номер. Я на минуту зашла в ванную и услышала, как открылась дверь.

— Что тебе? — нетерпеливо спросил Вадим.

— Очки для плавания, — ответил Петька.

— Забирай и уходи. Я спать буду.

— Закрой дверь на ключ, — сказала я, когда Петькины шаги стихли в коридоре.

Не успели мы раздеться, ручка двери повернулась, потом раздался грохот. Я нырнула под простыню, Вадим, сказав вполголоса нечто энергичное, натянул полуснятые плавки и открыл дверь.

— Водички! — умоляюще попросил Пашка.

Вадим достал из холодильника бутылку и отдал ему. Я тихо прыснула. Дверь закрылась. Вадим повернул ключ и стащил с меня простыню.

— Давай быстрее, — я рывком стянула с него плавки, — пока им снова чего-нибудь не приперло.

— Скоро только кошки родятся, — Вадим поцеловал меня в живот.

— Что?! — возмутилась я.

— Ой, нет, нет, восемь ложек сахара. И не размешивать.

— То-то же! — я перекатила его на спину и уселась сверху. И тут снова раздался стук в дверь.

— Я их убью! — прошипел Вадим, натягивая плавки. — И тогда уже спокойно наделаем новых.

— Что еще? — спросил он, открыв дверь.

— В туалет, — жалобно проскулил Петька.

— Вы дадите нам поспать?

— А вы разве не выспались? — он невинно захлопал глазками.

— Все, Лера, — закрыв за ним дверь, Вадим шлепнулся на кровать. — Вот теперь точно кошки. Я уже ничего не хочу.

— Да я, в общем-то, тоже, — надев купальник, я вышла на балкон и села в шезлонг. Подумав, Вадим присоединился ко мне.

— Слушай, я знаю, что делать, — он подмигнул мне, как заговорщик. — После ужина пойдем гулять по набережной. Они набегаются и быстро уснут.

— Надейся, — фыркнула я. Как в воду глядела.

По набережной мы гуляли часа два. Двойняшки носились, обгоняя нас и возвращаясь обратно, как две молодые борзые — уже не щенки, но еще и не взрослые. А когда вернулись в гостиницу, уселись смотреть телевизор — испанский фильм, в котором не понимали ни слова. Где-то к полуночи нам наконец удалось прогнать их спать. И началось... В туалет... водички... водички... в туалет.

— У вас что, недержание? — взорвался Вадим, в очередной раз едва успев убрать руку оттуда, где ее нахождение явно должно было быть помечено как 18+. — Сначала пьете, потом писаете, как младенцы. Вам что, по три года?

— Жарко — проныл Пашка.

— Возьмите воду к себе и прекратите шляться туда-сюда.

— Она будет теплая.

В итоге я так и уснула, не дождавшись ничего интересного. А утром нас разбудили два великовозрастных балбеса, запрыгнувших на кровать.

— Пап-мам, — вопили они, — вставайте, на завтрак пора.

Прошло три дня. Никакого секса.

— Слушай, может, они специально? — спрашивал Вадим.

Я посматривала на календарь. Время поджимало. Нет, на самом-то деле мы могли отложить это и на следующий месяц, но почему-то нам обоим очень хотелось, чтобы получилось именно здесь, в Испании.

На четвертую ночь мы сбежали. Подождали, пока у мальчишек все, вроде, затихло, тихо оделись и ушли.

— А они нас искать не пойдут? — спросил Вадим, когда мы устроились на полотенце в кустах за бассейном.

— Да черт их знает, — проворчала я и взвизгнула: что-то укусило меня за задницу. Да так, что снова стало не до эротики. Пришлось вернуться.

К утру половина попы распухла и страшно болела. Пришлось идти в медпункт. Выяснилось, что это укус какого-то местного паука, не опасный, но очень болезненный. Целый день я не могла сесть, в ресторан не ходила — ела в номере стоя. Вторые сутки, подходящие для зачатия, пропали даром. Зато на следующий день небо нас услышало и сжалилось.

За обедом мы увидели в ресторане новых отдыхающих: женщину нашего возраста с девочкой — ровесницей двойняшек. А потом снова встретили их, когда собирались на городской пляж. Они спросили дорогу, и мы познакомились. Женщину звали Наташа, ее дочку Юля, приехали они из Москвы. Двойняшки тут же начали увиваться вокруг Юли, распуская хвосты, как два павлина.

— Что они в ней нашли? — шепнула я Вадиму на ухо. Похоже, во мне проклюнулась мама-дорогая.

Побыв на пляже час, мы с ним сбежали, оставив мальчишек на попечении Наташи. Всю дорогу до гостиницы держались за руки и хихикали, как два придурка. Влетели в номер, закрыли дверь и набросились друг на друга так, словно терпели не меньше года. Час пробежал как одна минута.

После ужина Наташа сказала, что утром собирается с дочкой на весь день в Барселону, и предложила взять с собой двойняшек. Мы посмотрели на нее как на ангела, сошедшего с небес.

Надо ли говорить, что следующий день прошел за самым приятным видом творчества. Только ближе к вечеру, совершенно без сил, мы выползли к бассейну.

— Даже если ничего не вышло, все равно это было здорово, — сказал Вадим.

— Чувствую себя племенной коровой, — пожаловалась я. — Сейчас бы вина... но нельзя.

— Буренка ты моя, — Вадим звонко чмокнул меня в щеку. — Любимая.

Отпуск прошел как и любой другой — стремительно. Питер встретил нас дождем. Будто и не было жаркого солнца и теплого моря. Двойняшки пошли в школу, мы — на работу. Оставалось только ждать...

Таймер пискнул и выбросил нули. Я вздохнула глубоко и потянулась за тестом, который лежал на раковине.

Одна полоска. И вторая полоска.

Я сидела и смотрела на них, как будто пересчитывала. Снова и снова. И обещала себе, что если это будет девочка, обязательно буду с ней разговаривать. Обо всем. Чтобы с ней никогда не случилось ничего похожего. Чтобы ни одна сволочь не смогла ей внушить, что она жалкая, глупая, никому не нужная уродина.

Вадим снова поскребся в дверь, на этот раз молча. Я открыла и протянула ему тоненький кусочек картона, в котором заключалось наше будущее. Его глаза подозрительно блеснули, он быстро наклонился и поцеловал меня.

— Ну что, — спросил Вадим, положив руку мне на живот. — Пойдем расскажем парням новости?